

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»**

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»

Главный редактор: д-р ист. наук, проф. Ю. А. Зуляр

Заместитель главного редактора: д-р филос. наук, проф. А. Е. Смирнов

Ответственный секретарь: канд. полит. наук, доц. Р. Ю. Зуляр

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

- Н. А. Абрамова, д-р филос. наук, проф. (Чита), О. Д. Агапов, д-р филос. наук., проф. (Казань)
В. В. Алексеев, д-р ист. наук, проф., акад. РАН (Екатеринбург)
Б. В. Базаров, д-р ист. наук, проф., акад. РАН (Улан-Удэ)
Т. Е. Бейдина, д-р полит. наук, проф. (Чита), В. С. Глаголев, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Д. С. Дамте, канд. филос. наук, доцент (Москва), В. Г. Дацышен, д-р ист. наук, проф. (Красноярск)
К. Дэмбэрэл, Ph.D. (Hist.), ведущий научный сотрудник (Монголия, Улан-Батор)
О. И. Зазнаев, д-р юрид. наук, проф. (Казань), Ю. А. Зуляр, д-р ист. наук, проф. (Иркутск)
В. В. Игнатенко, д-р юрид. наук, проф. (Иркутск), В. Н. Казарин, д-р ист. наук, проф. (Иркутск)
А. Д. Карнышев, д-р психол. наук, проф. (Иркутск), Л. М. Корытный, д-р геогр. наук, проф. (Иркутск)
В. И. Куйбарь, д-р филос. наук, доц. (Иркутск), А. А. Лазаревич, канд. филос. наук, доц. (Беларусь, Минск)
В. А. Лазебный (Вадим), канд. богословия, митрополит Ярославский и Ростовский (Ростов)
С. Г. Лузинин, д-р ист. наук, проф. (Москва), Д. Ф. Мезенцев, канд. психол. наук, доц. (Москва)
А. В. Михалев, д-р полит. наук, доц. (Улан-Удэ), Т. В. Науменко, д-р филос. наук, проф. (Москва)
А. К. Погасий, д-р филос. наук, проф. (Казань), В. Родкевич, Ph. D. (Hist.), Adjunct-Prof. (Польша, Варшава)
В. В. Рувинский, Ph. D. (Hist.), Assoc. Prof. (Колумбия, Кали), Л. В. Савинов, д-р полит. наук, проф. (Новосибирск)
М. В. Силантьева, д-р филос. наук, проф. (Москва), В. В. Синиченко, д-р ист. наук, проф. (Москва)
А. Е. Смирнов, д-р филос. наук, проф. (Иркутск), А. Стельмах, Ph. D. (Polit.), Prof. (Польша, Познань)
А. В. Трофимов, д-р ист. наук, проф. (Екатеринбург), М. Н. Фомина, д-р филос. наук, проф. (Чита)
В. В. Черных, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), Ю. Г. Чернышов, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
А. В. Шалак, д-р ист. наук, проф. (Иркутск)

СОСТАВ ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА СЕРИИ

- Ч. Г. Андреев, д-р ист. наук, проф. (Улан-Удэ), Б. Е. Андюсов, канд. ист. наук, доц. (Красноярск)
Т. В. Быкова, канд. филос. наук, доц. (Иркутск), Е. Н. Волосов, д-р ист. наук, доц. (Иркутск)
Л. И. Григорьева, д-р филос. наук, проф. (Красноярск), К. С. Жуков, канд. ист. наук, доц. (Иркутск)
Л. В. Занданова, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), Л. В. Кальмина, д-р ист. наук, доц. (Улан-Удэ)
Д. В. Козлов, канд. ист. наук, доц. (Иркутск), Н. С. Коноплёв, д-р филос. наук, проф. (Иркутск)
Д. Я. Майдачевский, канд. экон. наук, доц. (Иркутск), Н. В. Мальчукова, д-р филос. наук, проф. (Иркутск)
Л. Н. Метёлкина, канд. ист. наук, доц. (Иркутск), И. В. Олейников, канд. ист. наук, доц. (Иркутск)
В. П. Олтаржевский, д-р ист. наук, проф. (Иркутск), В. В. Пушкарёв, протоиерей (Иркутск)
В. Ю. Рабинович, канд. ист. наук, доц. (Иркутск), Н. В. Савчук, д-р ист. наук, доц. (Ангарск)
Е. Н. Старцев, протоиерей (Иркутск), В. В. Труфанова, канд. ист. наук, доц. (Иркутск)
Л. Н. Харченко, д-р ист. наук, проф. (Ростов-на-Дону)

Адрес редакции:

664003, Россия, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ», кафедра политологии, истории и регионоведения
тел.: +7(3952) 24-39-95, e-mail: izvestia_polit@isu.ru, <http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77-60772 от 11 февраля 2015 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Подписной индекс – 40782

в Объединенном каталоге «Пресса России»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.4. Международные отношения (политические науки), 5.7.9. Философия религии и религиоведение (исторические науки), 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки).

Журнал включен в систему РИНЦ

Журнал включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory

Выходит четыре раза в год

Издается с 2007 года

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2022

**IZVESTIYA IRKUTSKOGO GOSUDARSTVENNOGO UNIVERSITETA
SERIYA "POLITOLOGIYA. RELIGIOVEDENIE"**

(The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies)

Founder and Publisher

Irkutsk State University

Editor-in-Chief: Yu. A. Zulyar, Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Deputy Editor-in-Chief: A. E. Smirnov, Dr. Sci. (Philos.), Prof.

Assistant Editor: R. Yu. Zulyar, Cand. Sci. (Polit.), Assoc. Prof.

SERIES EDITORIAL BOARD

- N. F. Abramova, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Chita),
O. D. Agapov, Dr. Sci. (Philos.), Professor (Kazan), O. I. Zaznaev, Dr. Sci. (Law), Professor (Kazan)
V. V. Alekseyev, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)
B. V. Bazarov, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Academician of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude)
T. E. Beidina, Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Chita), V. S. Glagolev, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow)
D. S. Damte, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (Moscow), V. G. Datsyshen, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Krasnoyarsk)
K. Demberel, Ph.D. (Hist.), Leading Researcher (Mongolia, Ulaanbaatar)
Yu. A. Zulyar, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), V. V. Ignatenko, Dr. Sci. (Law), Prof. (Irkutsk)
V. N. Kazarin, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), A. D. Karnyshev, Dr. Sci. (Psych.), Prof. (Irkutsk)
L. M. Korytniy, Dr. Sci. (Geogr.), Prof. (Irkutsk), V. I. Kuybar, Dr. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (Irkutsk)
A. A. Lazarevich, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (Belarus, Minsk)
V. A. Lazebniy (Vadim), Cand. Sci. (Theol.), Metropolitan of Yaroslavl and Rostov (Rostov)
S. G. Luzyanin, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Moscow), D. F. Mezentsev, Cand. Sci. (Psych.), Assoc. Prof. (Moscow)
A. V. Mikhalev, Dr. Sci. (Polit.), Assoc. Prof. (Ulan-Ude), T. V. Naumenko, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow)
A. K. Pogasiy, Dr. Sci. (Philos.), Professor (Kazan), V. Rodkevich, Ph. D. (Hist.), Adjunct-Prof. (Poland, Warszawa)
V. V. Ruvinskiy, Ph. D. (Hist.), Assoc. Prof. (Columbia, Cali), L. V. Savinov, Dr. Sci. (Polit.), Prof. (Novosibirsk)
M. V. Silantieva, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Moscow), V. V. Sinichenko, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Moscow)
A. E. Smirnov, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Irkutsk), A. Stelmach, Ph.D. (Polit.), Prof. (Poland, Poznan),
A. V. Trofimov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Ekaterinburg), M. N. Fomina, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Chita),
V. V. Chernykh, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), Yu. G. Chernyshov, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Barnaul)
A. V. Shalak, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk)

SERIES EXPERT BOARD

- Ch. G. Andreev, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Ulan-Ude), B. E. Andusev, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Krasnoyarsk)
T. V. Bykova, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. (Irkutsk), E. N. Volosov, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk)
L. I. Grigorieva, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Krasnoyarsk), L. V. Zandanova, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk)
K. S. Zhukov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), L. V. Kalmina, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Ulan-Ude)
D. V. Kozlov, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), N. S. Konoplev, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Irkutsk)
D. Ya. Maidachevskiy, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. (Irkutsk), N. V. Malchukova, Dr. Sci. (Philos.), Prof. (Irkutsk)
L. N. Metelkina, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), I. V. Oleynikov, Cand. of Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk)
V. P. Oltarzhevskiy, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Irkutsk), V. V. Pushkarev, Archpriest (Irkutsk)
V. Yu. Rabinovich, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk), N. V. Savchuk, Dr. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Angarsk)
E. N. Startsev, Archpriest (Irkutsk), V. V. Trufanova, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. (Irkutsk)
L. N. Kharchenko, Dr. Sci. (Hist.), Prof. (Rostov-na-Don)

Editorial Office

1, Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Irkutsk State University

tel.: +7(3952) 24-39-95

e-mail: izvestia_polit@isu.ru, website: <http://izvestiapolit.isu.ru/en>

Certificate of Registration

PI № FS77-60772 on February 11, 2015

issued by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR)

Subscription Index – 40782

in the United Catalogue "Pressa Rossii" ("Press of Russia")

The periodical is freely available on the portal of the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU.

The series "Political Science and Religion Studies" is included
in the database Ulrich's Periodicals Directory database

Publication Frequency 4 issues per year

Series "Political Science and Religion Studies" was founded in 2007

**ИЗВЕСТИЯ
ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия «Политология. Религиоведение»

2022

Том 42

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. Время думать о государственной идеологии России 5

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ»

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Захаров С. М.

Провинциальная молодежь в современной России
и протестная политическая повестка 2015–2021 гг. 9

Худяков А. В.

Формирование теоретико-методологических основ циклических
концепций в политической сфере: первая половина XX в. 20

Головинов А. В., Головинова Ю. В.

«Русская община в тюрьме и ссылке» Н. М. Ядринцева как источник
изучения пенитенциарной политики дореволюционной России: опыт
историко-политологической актуализации 34

Бритвин А. В., Козлов М. В.

Идеологические основы этноконфессиональной политики
на Северном Кавказе и синкретизация ислама 42

Слобожникова В. С.

Интеллектуальное служение России позднего М. М. Сперанского:
между идеалами и политической реальностью 51

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Цуканов Л. В.

После А. аз-Завахири: изменится ли «кибердоктрина» «Аль-Каиды»? 61

Олейников И. В.

Динамика взаимодействия Иркутской области и Японии во втором
десятилетии XXI в.: возможности и вызовы 70

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Печатнов Вал. В., Печатнов В. О.

Православие и церковь в повседневной жизни российских дипломатов
в США конца XIX – начала XX в. 81

Бушуева Е. С.

Особенности отбывания наказания лиц духовного звания в Нерчинском Успенском монастыре-пенитенциарии XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви)	98

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ (ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ)

Кузнецова В. С.

Экзистенциально-катафатический аспект восприятия православной деревянной скульптуры на примере Саваофа (Иркутск, XVIII в.)	109

Епихина Е. А.

Шаманский нарратив в современной Бурятии	117

Щукина М. А.

Социалистический реализм VS религия	128

Дамте Д. С.

Феномен медицинской антропологии и его философско-теологические основания	135

**THE BULLETIN
OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY**

Series Political Science and Religion Studies

2022

Volume 42

CONTENTS

Editor's note. Time to Think About the State Ideology of Russia 5

SECTION “POLITICAL SCIENCES”

5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES AND TECHNOLOGIES

Zakharov S. M.

Provincial Youth in Modern Russia and the Protest Political Agenda 2015–2021 ... 9

Khudyakov A. V.

Formation of Theoretical and Methodological Foundations of Cyclic Concepts
in the Political Sphere: The First Half of the 20th Century 20

Golovinov A. V., Golovinova Yu. V.

“The Russian Community in Prison and Exile” by N. M. Yadrintsev as a Source
for Studying the Penitentiary Policy of Pre-Revolutionary Russia: Experience
of Historical and Political Science Actualization 34

Britvin A. V., Kozlov M. V.

Ideological Framework of Ethno-Confessional Policy in the North Caucasus
and the Syncretization of Islam 42

Slobozhnikova V. S.

The Late M. M. Speransky's Intellectual Service to Russia: Between Ideals
and Political Reality 51

5.5.4. INTERNATIONAL RELATIONS

Tsukanov L. V.

After A. al-Zawahiri's: Will Al-Qaeda's “Cyberdoctrine” Be Changed? 61

Oleynikov I. V.

Dynamics of Interaction Between the Irkutsk Region and Japan in the Second
Decade of the 21st Century: Opportunities and Challenges 70

SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Pechatnov Val. V., Pechatnov V. O.

Orthodox Religion and Church in Everyday Life of Russian Diplomats
in the United States of the Late 19th – Early 20th Century 81

Bushueva E. S.

Features of Serving the Sentence of Persons of the Clergy in Nerchinsk
Assumption Monastery-Penitentiary of the 18th Century (on the History
of the Nerchinsk Assumption Church) 98

5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

Kuznetsova V. S.

Existential-Cataphatic Aspect of the Perception of Orthodox Wooden
Sculpture on the Example of Sabaoth (Irkutsk, 18th Century) 109

Epikhina E. A.

Shamanic Narrative in Modern Buryatia 117

Shchukina M. A.

Socialist Realism VS Religion 128

Damte D. S.

The Phenomenon of Medical Anthropology and Its Philosophical
and Theological Foundations 135

ОТ РЕДАКТОРА / EDITOR'S NOTE

Время думать о государственной идеологии России /
Time to Think About the State Ideology of Russia

Здравствуйте, дорогие читатели, вот и подходит к концу 2022 г., воистину судьбоносный для нашей страны и мира в целом. Политическая планета раскалывается на части, как минимум на две, а камнем преткновения стала концепция будущей модели миропорядка – однополярной или многополярной. В рамках этой повестки, вполне возможно, и пройдет оставшаяся часть столетия. Аналогичная ситуация была и в XX в. Тогда смыслом борьбы было противостояние идеологий – либеральной и социалистической (коммунистической). В смертельной схватке сошлись две сверхдержавы – США и СССР, но самораспад последней и выявил победителя, в результате чего впервые в мировой истории возник однополярный мир, что является ненормальной ситуацией для человечества.

В течение почти 30 лет, несмотря на некоторые сложности, мировое господство США никто всерьез не оспаривал, но в мировой политике нет постоянства. На уровень мирового субъекта стала претендовать КНР (китайская цивилизация), крайне аккуратно, но неотвратимо повышавшая свое могущество и статус. Одновременно с этим процессом правящий класс России под руководством президента В. В. Путина осознал цель лидеров англосаксонской цивилизации, состоящую в разрушении Российской Федерации, и вступил в борьбу за сохранение российского мира как цивилизационного феномена.

2022 г. обнажил процесс противостояния цивилизаций, переведя конкуренцию держав в стадию борьбы. Современное состояние мировой политики ставит перед исследователем вопрос о природе нынешнего мирового противостояния. XX в. был веком борьбы политических идеологий, а век нынешний веком борьбы чего? Правящая элита США исповедует неолиберализм, руководство компартии Китая – социализм, а руководство нашей страны не декларирует свою идеологическую доктрину. Является ли нынешнее противостояние идеологическим? Вряд ли, скорее цивилизационным. Впрочем, это дискуссионный вопрос.

Описанная ситуация, демонстрирующая тенденцию к обострению, поднимает вопрос о государственной идеологии Российской Федерации. Находясь в состоянии острой конфронтации с США, их союзниками и сателлитами, наша страна столкнулась с необходимостью сказать своим гражданам и другим государствам о своем видении мира и своего будущего. До конца 2021 г. российский правящий класс пытался вписаться в существовавший мировой порядок, поэтому никакой самостоятельной картины мира не требовалось. Когда стало ясно, что правящая элита США не воспринимает российский истеблишмент как равный себе, наступило понимание, что своя история есть только у суверенных стран. В связи с этим Россия была вынуждена вступить в борьбу за реальную независимость и право иметь будущее.

Президент России, к великому счастью для страны, является не только патриотом, но и смелым человеком, не побоявшимся бросить вызов мировому гегемону и его сателлитам. Изменившаяся ситуация актуализировала проблему государственной идеологии Российской Федерации. Задача эта архисложная и не имеющая прецедентов в современной истории. Подавляющее количество существующих государств являются «национальными государствами», в которых превалирует и выступает носителем государственности одна нация, следовательно, и государственная идеология вытекает из этого факта, для многонациональной и поликонфессиональной Российской Федерации этот вариант невозможен.

Вместе с тем в современном ментальном пространстве термин «идеология» приобрел негативную коннотацию, что также осложняет решение этой актуальной задачи. В качестве альтернативы предлагается использовать термин «стратегия». Нет проблем, главное, чтобы она отвечала на вопросы: кто мы в этом мире? чего мы хотим? куда мы идем? Патриотизм начинается с чувства гордости за свою страну, с любви к ней единственной, с осознания того, что ты ей нужен, а она нуждается в тебе, в твоей помощи и защите. И, что очень важно, с желания, чтобы твои дети жили в этой стране.

Безусловно, руководство нашей страны в полной мере понимает потребность в доктрине, консолидирующей российское общество, объясняющей уникальность страны и ее населения и рисующей перспективы будущего развития. Администрация Президента (АП) РФ с конца лета обсуждает с Минобрнауки и профильными экспертами проект пересмотра содержания гуманитарного блока вузовских дисциплин. Его планируется усилить правильными, с точки зрения российской власти, ценностями. Эта инициатива и получила название «ДНК России». На сайте министерства говорится, что проект был разработан Минобрнауки в соответствии с рекомендациями экспертно-методического совета комиссии Госсовета по направлению «Наука». «ДНК России» упоминали на конференции преподавателей вузов в Тобольске в начале октября. Тогда в сопроводительных материалах сообщалось, что «организатор» проекта – замглавы Минобрнауки Григорий Гуров, а «руководитель» – глава президентского управления по обеспечению деятельности Госсовета Александр Харичев, он входит во внутриполитический блок Кремля, который курирует непосредственно первый замглавы АП Сергей Кириенко.

Администрация Президента РФ намерена уже к марту 2023 г. подготовить первую версию масштабного учебного курса «Основы и принципы российской государственности». Предполагается, что его будут преподавать студентам всех специальностей для помощи им в выработке мировоззренческих акцентов. «Основы» – часть проекта «ДНК России», который, по сути, представляет собой реформу высшего социально-гуманитарного образования. В рамках этого проекта АП совместно с Минобрнауки планирует определить и привить студентам ценности, которые, по мнению чиновников, отвечают национальным интересам страны, а также сформировать «образ будущего России».

«Основы» придется изучать студентам вне зависимости от их специальности: будущим чиновникам, экономистам, агрономам и т. д. – всем, кто проходит через систему высшего образования. В вузе они должны не только получить профессию, но и сформулировать для себя систему мировоззренческих смыслов и ценностей. Вместе с тем «ДНК России» по задачам гораздо шире одного вузовского курса. По данным прессы, уже к январю 2023 г. запланированы создание федеральных центров подготовки преподавателей и разработка учебно-методических материалов курса. Предполагается, что до 1 сентября 2023 г. обучение там пройдут около 6 тыс. преподавателей высшей школы.

Проект «ДНК России» родился в недрах внутриполитического блока Администрации Президента РФ еще в конце прошлого года, когда там задумались о поисках ценностной идеологии российского общества. К задаче привлекли экспертов, в том числе из академической среды. По итогам этой работы родилась методологическая модель «пентабазиса», который состоит из пяти блоков: человек, семья, общество, страна, государство. Каждому из элементов «пентабазиса» они подобрали ценностные месседжи: «доверие к общественным институтам» (для уровня государства), «патриотизм» (для уровня страны), «согласие» (для уровня общества), «традиции» (для уровня семьи), «созидание» (для уровня человека).

Следующим этапом этой работы стала Всероссийская научно-просветительская конференция «Проблемы мировоззрения и общественных наук. ДНК России», прошедшая в Сочи в конце октября. В ней приняли участие более 200 специалистов 85 вузов и институтов РАН со всей страны, в том числе деканы, заведующие кафедрами и ведущие представители профессорско-преподавательского состава вузов. Фактически это был многодневный мозговой штурм, организованный Министерством науки и высшего образования РФ совместно с Российским обществом «Знание», также организаторами конференции выступили НИУ «Высшая школа экономики», Экспертный институт социальных исследований и МГУ имени М. В. Ломоносова.

Участники конференции «ДНК России» получили в качестве раздаточного материала «пентабазис» как некую ценностную матрицу, посредством которой они характеризовали эпоху Рюриковичей, Романовых, республиканский период (XX–XXI вв.). Также они осмыслили через него историю взаимоотношений цивилизаций: Россия – Запад и Россия – Восток. На научном мероприятии были рассмотрены такие вопросы, как: трансформация современного миропорядка; актуальные тренды научно-технологического и экономического развития России; политические модели и институты в разные исторические периоды России; трансформация роли университета в контексте современных национальных задач государства.

Одной из попыток решения этих задач в предшествовавший период была концепция «Русский мир», но она не может консолидировать на своей платформе 200 наций и этносов, проживающих в нашей стране. По аналогичной причине не сработала концепция «Русская цивилизация», хотя она является более содержательной и перспективной. История человечества, как стало понятно, представляет собой историю цивилизаций, что и разрушило доктрину

глобализации, авторы и исполнители которой пытались игнорировать этот факт. Сегодня среди исследователей становится популярной концепция «Российская цивилизация», или «Северная цивилизация». Она представляет собой ответ на вечную дилемму: Россия – это Восток или Запад? Эта концепция однозначно определяет уникальность нашей страны как самостоятельной цивилизации, являющейся самодостаточной, уникальной и открытой миру и инновациям.

В своих поисках участники дискуссии в Сочи пришли к символу, представляющему современную и будущую Россию как атомный ледокол, ломающий льды и ведущий корабли к чистой воде. При этом подчеркивалось, что атомный ледокол – это самая современная техника, создание которой доступно ограниченному числу стран. Современное и, в большей степени, будущее российское общество определено участниками дискуссии как «семья семей» – в противовес западному индивидуалистическому обществу.

Смысл выступлений присутствовавших свелся к ряду концептуальных положений. Сейчас в России формируются и уже во многом сложились контуры собственного ценностного предложения миру, отличающегося от того, что предлагают современные Запад и Восток. Мы не отказываемся от своей природы, не пытаемся бороться со своим предназначением, как это происходит на Западе. Защита разумных традиционных ценностей, прежде всего семейных, ценностей отцовства, материнства, – это базис нашего предложения современному миру. Участники сочинской конференции разработали модель, в основе которой находятся такие понятия, как «сочувствие», «сопереживание», «совесть», «справедливость», «солидарность», «согласие» и «созидание». Перечисленные выше принципы составили фундамент представления о будущем, в котором государство выступает «как большая семья семей».

Образ будущего, над которым работали участники конференции, – это вопрос не только для общества в целом, но в первую очередь для тех, кто будет строить это будущее своими руками, для людей, находящихся на фронтире будущего, – для молодежи. Именно ей нужна и важна передача ценностного базиса и формулировка образа будущего, поскольку борьба за будущее – это борьба за молодежь. Поэтому результаты этой работы и последующей, безусловно, это вопросы интеграции системы образования, просвещения, воспитания и наставничества. По итогам конференции приняты конкретные предложения по разработке учебно-методических материалов гуманитарных дисциплин и корректировке оценки эффективности работы профессорско-преподавательского состава.

Ю. А. Зуляр

РАЗДЕЛ «ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ» /
SECTION «POLITICAL SCIENCES»

5.5.2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ,
ТЕХНОЛОГИИ / 5.5.2. POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES
AND TECHNOLOGIES

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 9–19

Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9>

**Провинциальная молодежь в современной России
и протестная политическая повестка 2015–2021 гг.**

С. М. Захаров*

Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. Рассматривается участие провинциальной молодежи в протестных акциях в период 2015–2021 гг. В рамках исторической ретроспективы анализируются повестки для протестного дискурса в условиях современной России, в том числе инспирированные и ситуативные поводы для выступлений. Выявляются особенности и формы участия молодежи, обусловленные политической повесткой, актуальной для определенной точки в пространственно-временном континууме. Определяются перспективы развития протестного дискурса среди молодежи в условиях трансформационных процессов в современной России с учетом сложившейся провинциальной культуры и влияния социальных медиа. Делается вывод, что в современных условиях вовлечение молодежи в протестный дискурс происходит посредством сетевых технологий, которые активно используют заинтересованные оппозиционные субъекты.

Ключевые слова: молодежный протест, относительная депривация, провинциальная молодежь, протестная активность, протестный потенциал, протестные триггеры.

Для цитирования: Захаров С. М. Провинциальная молодежь в современной России и протестная политическая повестка 2015–2021 гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 9–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9>

Original article

**Provincial Youth in Modern Russia and the Protest Political
Agenda 2015–2021**

S. M. Zakharov*

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. The article analyzes youth participation in protests in the province from 2015 to 2021. The aim of the research is to determine the level of protest potential of the provincial youth in modern Russia. The study takes a historical and comparative methods. In the course of research, the author

© Захаров С. М., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

comes to the conclusion that in the modern context the involvement of young people in the protest discourse takes place through network technologies, which are actively used by interested opposition actors. On the one hand, young people in provincial areas, where critical thinking is less developed, may be vulnerable to such signals. On the other hand, protest discourse in local spaces rarely develops further because of the pervasive political culture.

Keywords: youth protest, relative deprivation, provincial youth, protest activity, protest potential, protest triggers.

For citation: Zakharov S.M. Provincial Youth in Modern Russia and the Protest Political Agenda 2015–2021. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 9–19. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.9> (in Russian)

Протестный дискурс является неотъемлемым элементом общественно-политической системы в связи с невозможностью достижения внутренней однородности и безоговорочного подчинения всех акторов. Как отмечал А. Скинперских, «политическая власть не может существовать без сопротивления, представляющегося диалектическим противником власти. Когда в политическом дискурсе говорят о власти и оппозиции, о правящих и оппозиционных элитах, как правило, и происходит констатация присутствия сопротивления в его различных объективациях» [8, с. 67]. В силу данных обстоятельств молодежь в современной России неминуемо оказывается в сфере определенного противостояния, что вынуждает ее делать выбор, учитывая характер политической культуры, приемлемые для себя модели поведения и симпатии к одной из противоборствующих сторон.

Следует сказать, что участие в протестной активности может выглядеть вполне органично, поскольку, как подчеркивал О. Габа, «протестное поведение свойственно молодежи в силу особенностей социализационного процесса в период молодости. В этом процессе молодежь проявляет острое ощущение несовершенства общества, завышенные притязания к себе и окружающим, осознание собственной субъектности и невозможности ее реализовать в полной мере» [3, с. 144]. При этом, по мнению Е. Омельченко, «участие в рискованных практиках – один из ключевых элементов формирования индивидуальной и солидарной идентичностей, а нацеленность на удовольствие – важный аспект мотивации включения в активности и получения нового индивидуально прожитого и прочувствованного опыта» [4, с. 35].

Выбор в пользу протестных артикуляций в условиях провинции требует решимости ввиду локализации пространства и дополнительной рискогенности (в частности, большой вероятности быть идентифицированным) в случае выражения сопротивления.

В рамках исследования мы сконцентрируем свое внимание на протестной активности молодежи, проявляющейся начиная с 2015 г., когда после кризиса протестного дискурса, обусловленного патриотическим подъемом, связанным с вхождением Крыма в состав России, смещением акцентов на международную повестку и формирование образа «внешнего врага», кампанией по дискредитации оппозиции, ужесточением закона о митингах в силу дестабилизирующих факторов происходит рост внутривнутриполитической протестной активности.

Как заключают эксперты Комитета гражданских инициатив (А. Кынев, Н. Петров¹, А. Титков, Н. Зубаревич), «в первое полугодие 2015 года зафиксированная протестная активность выросла по сравнению с аналогичным периодом 2014 года примерно на 15 %, при этом в относительном измерении выросла доля внутриполитической проблематики при резком сокращении внешнеполитической (включая украинский конфликт) и стабильно высокой доле социальных вопросов и проблем городской среды»².

Несмотря на достаточно разнообразную социально-экономическую проблематику (задержки заработной платы; проблема дольщиков, держателей валютной ипотеки и ЖКХ; проблемы в транспортной сфере – сокращение пассажирских перевозок и акции дальнбойщиков против системы «Платон»), она напрямую не касалась молодежи. Однако критическое событие на фоне социально-экономического напряжения могло активировать ее протестный потенциал.

В этой связи важным для развития протестного дискурса становится распространение чувствительной для власти информации. На взгляд А. Брейера, сетевые коммуникационные технологии позволяют раскрывать неправительственные нарративы широкой общественности. Как только такая информация просочилась, она может вызывать двойной эффект. На индивидуальном уровне это усиливает стремление к познанию, подталкивая людей на акции протеста, особенно если это подкреплено личным ощущением экономической депривации или жестким обращением со стороны правительственных агентов. На макроуровне – коллективный результат, контент, вызывающий отрицательные эмоции и имеющий высокий потенциал для «вирусного распространения» [10, р. 5].

Таким образом, можно согласиться с выводом Р. Бараш, что «новейшей характеристикой протеста является его социально-сетевая форма. Функция новых медиа транслировать протестные настроения вытекает из эволюционных трансформаций самого протеста, обнаружившего свою “самую успешную” на сегодняшний день форму в виде особого медиа распространения коммуникации, способного словно запастись впрок “протестную энергию” социального страха и тревоги и благодаря этому – компенсировать нестабильность психических переживаний и эмоций» [2, с. 133].

В определенной степени отправной точкой сетевого протеста можно считать деятельность Фонда борьбы с коррупцией (ФБК)³, который развернул информационную кампанию, демонстрирующую жизнь российской политической элиты. В рамках этой кампании своеобразным символом становится фильм-расследование «Он вам не Димон», обвинявший премьер-министра Д. Медведева в причастности к коррупционным схемам.

¹ Входит в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

² Оценки социально-экономической и политической напряженности в регионах России за первое полугодие 2015 года (на 1 июля) // Комитет гражданских инициатив. 2015. 2 нояб. С. 4. URL: <https://komitetgi.ru/analytics/2563/> (дата обращения: 12.03.2019).

³ Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации, выполняющая функции иностранного агента.

Согласно экспертной оценке Центра экономических и политических реформ, «массовые антикоррупционные митинги, прошедшие 26 марта 2017 года в 82 городах России, показали, что их аудитория “молодеет”: по оценке самых разных наблюдателей, на митингах было гораздо больше студентов и даже подростков-старшеклассников, чем на акциях в предыдущие годы»⁴. При этом, характеризуя участвующих в протестах, В. Федоров уточнял, что это люди, которые «политикой никогда не занимались и не интересовались» [7].

В свою очередь, несмотря на эпизоды давления и уговоры не участвовать политических акциях со стороны учителей, преподавателей, представителей администрации, протестные митинги 12 июня 2017 г. были не менее многочисленными.

Рассуждая о протестных акциях, Д. Орешкин отмечал, что «первая причина – это результат работы Алексея Навального, который выбирает перспективные темы, такие как коррупция, и говорит на понятном этому поколению языке, а второе – это обострившееся ощущение молодежи, что эта страна не для них, а для детей элиты, им здесь ловить нечего»⁵.

Наряду с антикоррупционной повесткой в качестве мотива для протестного дискурса выступает ощущение молодежи, что ее в определенной степени лишают будущего. Это ощущение складывается в условиях несменяемости власти, которая обеспечивает социальное благополучие лояльной, инкорпорированной в систему группе молодых людей. Таким образом, поскольку выстроившаяся политическая система ассоциировалась лично с В. Путиным, протестные выступления (7 октября 2017 г. – день 65-летия В. Путина и 5 мая 2018 г. – акция, приуроченная к четвертой инаугурации В. Путина («Он нам не царь»)) получили персонифицированный характер. При этом, подчеркивает Р. Бараш, «“молодежной составляющей” протеста добавляет и то, что протестующие молодые люди в прямом смысле этого слова живут сегодняшним днем, в том смысле, что они не воспринимают “путинскую стабильность” как серьезную ценность, поскольку в лихие девяностые были детьми и подростками» [1, с. 107].

Несмотря на то что ряд политических и социально-экономических проблем не терял своей актуальности, время от времени проявляясь в различных формах протеста, существующий политический режим чувствовал себя достаточно уверенно. Анализируя ситуацию в регионах, эксперты Комитета гражданских инициатив (А. Кынев, Н. Петров⁶, А. Титков) указывали, что «при относительно спокойной социально-экономической ситуации в регионах сегодня, в том числе отчасти “в долг”, за счет проедания будущего, примитивизация политического дизайна с продавливанием вниз властной вертикали и унификацией вступает в объективное противоречие с быстро меняющейся

---

⁴ «Молодежный» протест: причины и потенциал. Условия жизни и мироощущение российской молодежи // Центр экономических и политических реформ. 2017. 18 марта. URL: http://cepr.ru/wp-content/uploads/2017/05/Молодежный-протест_причины-и-потенциал.pdf (дата обращения: 13.10.2022).

⁵ Макеева А. Молодежь оказалась заложником взрослых политических игр // Коммерсантъ. 2017. 13 июня. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3324760> (дата обращения: 13.10.2022).

⁶ Входит в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента.

внешней средой и усложняющимися вызовами. Центральная власть привычно снимает накопившееся в регионах напряжение, усиливая давление на региональные политические элиты и подавляя их субъектность»⁷.

В этих условиях протестный дискурс в регионах мог возникать по причине резонансных происшествий, затрагивающих значительное число граждан. Иллюстрацией тому служат события марта 2018 г., случившиеся в Волоколамске (протестные митинги, произошедшие 3 и 10 марта, были направлены против работы мусорного полигона «Ядрово») и Кемерово (состоявшийся 27 марта митинг был вызван пожаром в торгово-развлекательном центре «Зимняя вишня»). Ввиду того что указанные события были связаны с детьми, особый отклик они получили у молодых людей 25–30 лет и старших возрастных групп граждан.

Молодежь и студенчество входили в число участников региональных протестов по достаточно широкому списку проблем, превратившись «в важный элемент социальной базы, подпитывавшей эти протестные акции» [6, с. 2]. Выделим наиболее заметные.

Политический протест. Митинг, проведенный 2 апреля 2018 г. в Екатеринбурге против отмены прямых выборов мэра.

Гражданский протест. Акции, состоявшиеся 23 июня 2019 г. против незаконного и политически мотивированного преследования граждан, которые изначально планировалось провести в знак поддержки журналиста И. Голунова. Митинги и пикеты проходили в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Казани, Ростове-на-Дону и других городах страны.

Градозащитный протест. Массовые акции протеста против строительства храма в центре Екатеринбурга в период с марта по июнь 2019 г. (активная фаза 13–18 мая). Протесты проходили в форме митинга, флешмоба, пикетирования, перекрытия улиц, интернет-активизма. Екатеринбургцев поддерживали пикетами активисты в Москве, Махачкале, Владивостоке. В итоге было принято решение о строительстве храма в другом месте.

Экологический протест. Выступления против строительства мусорного полигона вблизи железнодорожной станции Шиес (Архангельская область), длившиеся с июля 2018 г. по 9 января 2021 г. Формы протеста: палаточный лагерь, митинги, одиночные пикеты, интернет-активизм. Митинги солидарности проводились в Москве, Архангельске, Сыктывкаре. В результате проект строительства полигона был свернут, губернатор Архангельской области И. Орлов и глава Республики Коми С. Гапликов ушли в отставку.

Акции протеста, прошедшие в Саратове и Балаково летом 2019 г. против строительства в пос. Горный производственно-технического комплекса по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I и II класса опасности. Формы протеста: митинги, одиночные пикеты, сбор подписей через сайт Change.org и офлайн.

⁷ Эксперты КГИ представили итоги мониторинга социально-экономической и политической напряженности регионов за 3 года // Комитет гражданских инициатив. 2018. 20 июня: URL: <https://komitetgi.ru/analytics/3797/> (дата обращения: 13.03.2019).

Социально-трудовой протест. 29 апреля 2019 г. в Иркутске студенты и преподаватели Байкальского государственного университета устроили пикет против сокращения преподавателей и снижения размера стипендии.

Социально-бытовой протест. В Кирове 1 августа 2018 г. прошел пикет из-за нехватки мест в детских садах. 27 апреля 2019 г. состоялся митинг за доступное дошкольное и школьное образование. Участники протестной акции потребовали от властей немедленно начать строительство детских садов и школ и прекратить оповещать Москву о «благополучной» ситуации с обеспечением мест в образовательных учреждениях. Социальную базу протестующих составляли молодые родители.

Информационный протест. Выступления были связаны с поддержкой свободного интернета и мессенджера Telegram. 22 апреля 2018 г. в рамках акции, получившей поддержку в ряде городов (Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Белгороде, Краснодаре, Апатитах, Сочи, Омске, Екатеринбурге и т. д.), россияне запускали бумажные самолетики (логотип Telegram). 30 апреля в Москве по той же тематике состоялся многотысячный митинг.

В 2019 г. тема свободного интернета получила дополнительный протестный импульс за счет принятия Государственной Думой РФ в первом чтении закона, предусматривающего техническую возможность изоляции российского сегмента интернета. Это спровоцировало проведение 10 марта в нескольких российских городах (Хабаровске, Чите, Омске, Челябинске, Перми, Набережных Челнах, Воронеже, Москве) акций протеста в форме митингов и одиночных пикетов.

Таким образом, анализируя повестку протестных событий 2018–2019 гг. с точки зрения молодежной субъектности, можно сказать, что темы, которым придавался дополнительный импульс посредством интернет-активизма, получали поддержку в других регионах, увеличивая шансы на удовлетворение требований. Эта особенность для «разгона» определенной проблематики становится важным пунктом в работе оппозиционных сил, желающих видеть молодежь в качестве ключевого политического актора.

На это обращали внимание эксперты, которые в ходе интервью ($n = 31$), организованного в августе-сентябре 2019 г. в Саратовской области, отмечали, что «молодежь активно реагирует на “резонансные федеральные проблемы, которые ярко представлены в СМИ”; “те, которые широко освещаются в понятном пространстве социальных сетей, в новостных ресурсах. Глобальные и острые проблемы, по которым идет целенаправленная информация – яркая, скандальная, без подкрепления, без скидки на достоверность”» [4, с. 599].

Распространение информации, которое подразумевает развитие протестного дискурса, в случае с молодежью приобретало особую актуальность в силу ее высокой восприимчивости и нередкого нахождения в состоянии относительной депривации. Именно на внутренних переживаниях молодых людей как факторе развития протестных настроений делал акцент Д. Руденкин, подкрепляя свой тезис результатами исследования, проведенного в Екатеринбурге весной 2019 г. ($n = 124$, возраст 18–30 лет). Автором установлено «что

более 80 % опрошенных молодых людей оценивали сложившиеся реалии российского общества как несправедливые, а половина из них еще и отмечала, что справедливости в обществе с годами становится меньше. 66,7 % опрошенных отмечали, что те реалии, которые их окружают, не вписываются в их представление об идеале. Еще 50,9 % опрошенных отмечали, что не могут назвать свои условия жизни комфортными. Иначе говоря, целая серия параметров показывала, что среди молодых людей получила массовое распространение уверенность в несовершенстве, “неправильности” окружающих общественных реалий» [6, с. 7–8]. Это дает основание предполагать, что на такое состояние может накладываться по сути любая протестная повестка, которая будет вызывать желание инкорпорации у более инертной части провинциальной молодежи.

Социально-экономическая атмосфера в регионах способствует развитию протестного дискурса в молодежной среде, делает вывод Ю. Шабаетов по итогам проведенного в октябре 2020 г. ($n = 150$ учащихся 11-х классов и $n = 150$ студентов) исследования в так называемых финно-угорских республиках РФ. При этом аналитик уточняет, что треть респондентов из Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл, Мордовии «готовы принять личное участие в акциях социального протеста и только пятая часть категорически отвергла возможность подобного рода действий» [9, с. 300–301].

Однако состояние относительной депривации и гнетущую социально-экономическую атмосферу можно трактовать лишь как латентные факторы протеста, принимая к сведению и то, что в 2020 г. практически весь ресурсный потенциал был сосредоточен на преодолении пандемии COVID-19, затронувшей без исключения все сферы общественно-политической и экономической жизни. С одной стороны, сложная эпидемиологическая ситуация должна была способствовать формированию у граждан понимания, под каким давлением в такой ситуации приходится работать власти, с другой стороны, локдаун и проявившиеся изъяны системы приводили к кумуляции напряжения в обществе. В этих условиях причиной протестной активности могли стать события, которые расценивались определенными группами граждан, в том числе и молодежью, как однозначные факты проявления несправедливости со стороны власти.

Федеральная повестка. Внесение изменений в Конституцию РФ, которые в рамках протестного дискурса интерпретировались как попытка обнуления президентских сроков В. Путина. Молодежь принимала участие в массовых акциях протеста в Москве и Санкт-Петербурге. В регионах молодые люди выходили на одиночные пикеты, часть из которых была инициирована институционализированными структурами (в частности, в Архангельске партией «Яблоко», в Пензе общественным движением «Левый фронт», в Иваново КПРФ). В Мурманске участники феминистской группы «Костер» провели флешмоб против «Конституции для элиты». Они стояли с плакатами во дворах деревянных двухэтажек, так мурманчане хотели подчеркнуть контраст между условиями, в которых живут некоторые россияне и представители политической элиты.

Региональная экологическая повестка. Протесты против разработки шихана Куштау Башкирской содовой компанией в августе 2020 г. Формы протеста: палаточный лагерь, флешмоб (живая цепь) «Куштау, живи!», интернет-активизм. В поддержку защитников шихана высказался ряд медийных персон. Активное участие в протестах приняли члены (среди которых была молодежь) Башкирской общественной организации «Башкорт», впоследствии организация была признана экстремистской и ее деятельность была запрещена. В итоге Куштау признали памятником природы, его разработку запретили.

Региональная политическая повестка. Акции в поддержку арестованного губернатора Хабаровского края С. Фургала. В качестве форм протеста использовались: демонстрации, митинги, пикетирование, интернет-активизм. Акции солидарности проходили во многих городах России, в частности Хабаровске, Владивостоке, Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Новосибирске, Комсомольске-на-Амуре и других. В выступлениях принимала участие молодежь.

Таким образом, обзор событий 2020 г. показал достаточно высокий уровень протестной солидаризации, в том числе и в молодежной среде. При этом устойчивость политической системы по сути позволяла ей не реагировать на протест, идя на уступки лишь по требованиям неополитического характера.

Другой причиной, побудившей молодежь включиться в протестный дискурс, стало возвращение 17 января 2021 г. А. Навального в Россию и его последующее задержание. Предполагая развитие ситуации по подобному сценарию, тем более что формальный повод (нарушение условий испытательного срока) у правоохранительных органов имелся, представители ФБК⁸ 19 января публикуют на видеохостинге YouTube документальный фильм-расследование «Дворец для Путина. История самой большой взятки».

По результатам социологического опроса, проведенного 29 января – 2 февраля 2021 г. АНО «Левада-Центр»⁹, «чаще фильм смотрели молодые люди – 37 % в группе 18–24 года... 59 % респондентов в возрасте 18–24 года считают, что информация из фильма похожа на правду, 23 % уверены в правдивости... Молодежь (18–24 года) в большей степени уверена в виновности президента – 25 %»¹⁰ ($n = 1616$ человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ).

Последовали и призывы выйти на улицу, запустив волну поддержки в социальных сетях, главным образом в «ТикТоке», который в это время стал стремительно политизироваться.

Волна протестов (масштабные выступления 23, 31 января, 21 апреля; локальные выступления 2, 14 февраля) охватила десятки городов как в России, так и за рубежом. При этом эксперты фонда «Либеральная миссия» отмечали, что «протест вышел из “столичной” резервации: если в 2011–2012 гг. на Москву и Петербург приходилось 65–75 % протестующих, то в протестах в

⁸ Экстремистская организация, запрещенная в Российской Федерации, выполняющая функции иностранного агента.

⁹ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁰ Фильм «Дворец для Путина» // Левада-Центр. 2021. 8 февраля. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/08/film-dvoretz-dlya-putina/> (дата обращения: 01.02.2022).

защиту Навального в 2021 г. их доля сократилась примерно до трети. В ходе протестов в защиту Навального региональная составляющая выглядит более размазанной: при том, что протесты проходили в более сотни городов, численность абсолютного большинства из них была незначительной. Так, 23 января 2021 года в двух городах число протестующих можно оценить в более 10 тыс. человек, в четырех городах – в диапазоне 5–9 тыс. и еще в 13 – от 2 до 5 тыс. В то же время рост общей численности протестующих в регионах компенсировался снижением численности протестующих в Москве: она составляла около 30–40 % от пиковых значений 2011–2012 годов»¹¹.

Говоря о социальном составе протеста, следует обратить внимание, что молодежь выступала в качестве ключевого политического актора, при этом младшая молодежь не являлась основной группой. На это указывали А. Архипова, А. Захаров, И. Козлова, основываясь на результатах опросов в ходе трех митингов в Москве, двух в Петербурге и одном в Казани ($n \approx 2000$ респондентов). По данным авторов, доля несовершеннолетних «составляла от 1 до 6 %. Вместе с тем протесты имели ярко выраженный молодежный “сдвиг”: в Москве на возрастные группы 15–24 года приходилось в среднем 29 % их участников, в Петербурге – 35 %, а в Казани – 46 %; при этом в целом доля этой возрастной группы в населении старше 14 лет составляет 12 %. То есть на митингах она была перепредставлена в 2,5–4 раза. На возрастную группу 25–39 лет в Москве и Петербурге приходилось 45 % участников, в Казани – 31 %; учитывая, что в целом в населении ее доля составляет 28 %, на столичных митингах она была перепредставлена в полтора раза. В Москве и Петербурге около 40 % опрошенных участвовали в протестах в 2021 г. впервые, в Казани таких было более половины»¹².

В провинции, где А. Навальный пользовался куда меньшей популярностью, чем в городах-миллионерах, причины, побудившие граждан выходить на протестные акции, смещаются в сторону общего недовольства положением дел в России. В целом это подтверждают данные социологического опроса, проведенного 29 января – 2 февраля 2021 г. АНО «Левада-Центр»¹³ ($n = 1616$ человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах, 50 субъектах РФ). Согласно этим данным, «главным мотивом участия в протесте респонденты считают общее недовольство положением дел в стране (об этом говорят 43 % респондентов), летом 2019 г. так считали 41 %, летом 2017 г. – 18 %. Еще 28 % считают, что протестующие выходят на митинги, потому что им за это платят (и это один из самых высоких показателей за последние годы); летом 2019 года так считали 11 %, летом 2017 года – 12 %. Только 19 % считают, что побудительным мотивом для выхода на протест стало возмущение фактами коррупции, показанными в фильме “Дворец для Путина”. Еще 16 % посчитали, что протестующими двигало возмущение арестом Алексея Навального»¹⁴.

¹¹ Год Навального. Политика протеста в России 2020–2021: стратегии, механизмы и последствия / под ред. К. Рогова. М. : Либеральная миссия, 2021. С. 12.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Внесена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

¹⁴ Январские протесты // Левада-Центр. 2021. 10 февр. URL: <https://www.levada.ru/2021/02/10/yanvarskie-protesty/> (дата обращения: 04.02.2022).

Ухудшение эпидемиологической ситуации осенью 2021 г. и ужесточение карантинных мер со стороны региональных властей (голосование по законопроекту о введении обязательной системы QR-кодов, подразумевающему предъявление жителями страны сертификатов о вакцинации для посещения общественных мест, непродовольственных магазинов и транспорта) спровоцировали новую волну протестов в форме митингов, пикетов, народных собраний, исков в суд на руководителей регионов, публичных обращений к президенту, попыток прорваться в административные здания (Челябинск, Воронеж).

Таким образом, в условиях современной России институционализированные оппозиционные субъекты стремятся активизировать делегитимационные эффекты посредством распространения дискредитирующей власть информации. Протестный дискурс более технологизирован и в значительной степени ориентирован на молодежную аудиторию, которой предлагаются такие повестки, как коррумпированность политической системы и несменяемость власти. Это в конечном счете должно вызывать у молодежи чувство относительной депривации, обусловленное тем, что существующий политический режим лишает ее будущего в своей стране. В то же время с развитием сетевых технологий властным институциям сложнее купировать информацию о возникающих проблемах, что создает больше возможностей для развития протестного дискурса. Однако ресурсные возможности власти позволяют выработать механизмы для его последующего сдерживания.

Список литературы

1. *Бараш Р. Э.* Интернет как средство самоактуализации и революционной самоорганизации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 3 (109). С. 100–109.
2. *Бараш Р. Э.* Системно-коммуникационная теория протеста: протест как «альтернатива без альтернативы» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 123–138.
3. *Габа О. И.* Молодежь как субъект протестных настроений // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 1. С. 144–151.
4. Гражданский активизм студентов: риск деструктивных проявлений в Поволжском регионе / В. В. Щебланова, Л. В. Логинова, Д. В. Зайцев, И. Ю. Суркова // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 595–610.
5. *Омельченко Е. Л.* Риски и удовольствия на сценах молодежного активизма современной России // Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0. : сб. ст. / под общ. ред. М. Г. Пугачевой и А. Ф. Филиппова. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. Т. 20. С. 25–47.
6. *Руденкин Д. В.* Импульсы роста протестной активности российской молодежи: кейс Екатеринбурга // Конфликтология / nota bene. 2020. № 1. С. 1–14. <https://doi.org/10.7256/2454-0617.2020.1.32326>
7. *Садовников А.* «Школата – главное приобретение протестного воскресения» / интервью с В. Федоровым // ФедералПресс. 2017. 28 марта. URL: <http://fedpress.ru/interview/1763387> (дата обращения: 13.10.2022).
8. *Скиперских А. В.* Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 67–72.
9. *Шабаетов Ю. П.* Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17, № 3. С. 288–310.
10. *Breuer A.* The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution // Discussion Paper. 2012/10. Bonn: German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 31 p. URL: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (date of access: 14.03.2019).

References

1. Barash R.E'. Internet kak sredstvo samoaktualizatsii i revolyucionnoj samoorganizatsii [The Internet as a means of self-actualization and revolutionary self-organization]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2012, no. 3 (109), pp. 100-109. (in Russian)
2. Barash R.E'. Sistemno-kommunikatsionnaya teoriya protesta: protest kak "al'ternativa bez al'ternativy" [Systematic and communicative theory of the protest movement: protest as "an alternative without an alternative"]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2018, no. 3 (145), pp. 123-138. (in Russian)
3. Gaba O.I. Molodezh kak subjekt protestny'x nastroenij [Youth as a subject of protest feelings]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2015, no. 1, pp. 144-151. (in Russian)
4. Shheblanova V.V., Loginova L.V., Zajcev D.V., Surkova I.Yu. Grazhdanskij aktivizm studentov: risk destruktivny'x proyavlenij v Povolzhskom regione [Student civil activism: Risk of destructive manifestations in the Volga Region]. *RUDN Journal of Sociology*, 2020, vol. 20, no. 3, pp. 595-610. (in Russian)
5. Omel'chenko E.L. Riski i udovol'stviya na scenax molodezhnogo aktivizma sovremennoj Rossii [Risks and Pleasures in the Youth Activist Scenes in Contemporary Russia]. *Puti Rossii. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya. 2.0. / Sbornik statej. Pod obshh. red. M.G. Pugachevoj i A.F. Filippova* [The ways of Russia. Alternatives of social development 2.0. Collection of articles. Under the general editorship: Pugacheva M., Filippov A.F.]. Moscow, New Literary Observer, 2015, vol. 20, pp. 25-47. (in Russian)
6. Rudenkin D.V. Impul'sy` rosta protestnoj aktivnosti rossijskoj molodezhi: kejs Ekaterinburga [The impulses of growth of protest activity of Russian youth: the case of Yekaterinburg]. *Conflictology / nota bene*, 2020, no. 1, pp. 1-14. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32326 (date of access: 27.01.2022). (in Russian)
7. Sadovnikov A. "Shkolota – glavnoe priobretenie protestnogo voskreseniya" ["Shkolota is the main acquisition of the protest Sunday"]. Available at: <http://fedpress.ru/interview/1763387> (date of access: 27.01.2022). (in Russian)
8. Skiperskix A.V. Pravo na soprotivlenie: politiko-filosofskaya retrospektiva [Right to opposition: political and philosophical retrospective]. *Society and Power*, 2015, no. 5 (55), pp. 67-72. (in Russian)
9. Shabaev Yu.P. Molodezhnyj vyzov na rossijskoj periferii: polozhenie molodezhi v Karelii, Komi, Udmurtii, Marij E'l i Mordovii [Youth challenge in the Russian periphery: The situation of youth in Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El and Mordovia]. *Political Expertise: POLITEX*, 2021, vol. 17, no. 3, pp. 288-310. (in Russian)
10. Breuer A. The Role of Social Media in Mobilizing Political Protest. Evidence from the Tunisian Revolution. *Discussion Paper*. 2012/10. Bonn, German Development Institute / Deutsches Institut für Entwicklungspolitik. 31 p. Available at: https://www.die-gdi.de/uploads/media/DP_10.2012.pdf (date of access: 14.03.2019)

Сведения об авторе

Захаров Сергей Михайлович
кандидат политических наук,
преподаватель, кафедра философии
и социальных наук
Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
Российская Федерация, 399770, г. Елец,
ул. Коммунаров, 28
e-mail: zakharov1201@rambler.ru
ORCID 0000-0002-1160-1157

Information about the author

Zakharov Sergey Mikhailovich
Candidate of Sciences (Political Science),
Lecturer, Department of Philosophy
and Social Sciences
Bunin Yelets State University
28, Kommunar st., Yelets, 399770,
Russian Federation
e-mail: zakharov1201@rambler.ru
ORCID 0000-0002-1160-1157

УДК 323:316.4.051.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20>

Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: первая половина XX в.

А. В. Худяков*

*Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, г. Минск, Республика Беларусь*

Аннотация. В рамках сравнительно-исторического и системного подходов рассмотрено формирование теоретических и методологических основ циклических концепций, ставших одним из способов проникнуть вглубь процессов, происходивших в обществе в первой половине XX в. Основное внимание уделено содержанию концепций, определено, что каждая из них является идеальной схемой, где ученые упрощенно описывают сложную реальность. Сделан вывод, что дифференциация наук способствовала междисциплинарному изучению циклических процессов в обществе, поиску и выработке новых подходов в исследовании нелинейной динамики, что в дальнейшем вызвало формирование теоретических и методологических основ политической цикличности.

Ключевые слова: цикличность, жизненный цикл цивилизации, смена поколений, циркуляция элит, волновая теория, циклические концепции общественного развития.

Для цитирования: Худяков А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: первая половина XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 20–33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20>

Original article

Formation of Theoretical and Methodological Foundations of Cyclic Concepts in the Political Sphere: The First Half of the 20th Century

A. V. Khudyakov*

*Scientific and Practical Center for the Problems of Strengthening Law and Order of the General
Prosecutor's Office of the Republic of Belarus, Minsk, Republic of Belarus*

Abstract. The radical political and social changes that took place in the first half of the 20th century required their scientific understanding and rational interpretation. Cyclical concepts are becoming one of the ways to penetrate deep into the processes that took place in society. Within the framework of a comparative historical and systematic approach, the author considers the formation of their theoretical and methodological foundations. The main attention is paid to the content of the concepts. Each of them is an ideal scheme where scientists simply describe a complex reality. This made the theories available for critical comments and further scientific research. The author comes to the conclusion that the differentiation of sciences contributed to the interdisciplinary study of cyclical processes in society,

the search and development of new approaches in the study of nonlinear dynamics, which further contributed to the formation of theoretical and methodological foundations of political cyclicity.

Keywords: cyclicity, life cycle of civilization, concept of generational change, circulation of elites, wave theory, cyclic concepts of social development.

For citation: Khudyakov A.V. Formation of Theoretical and Methodological Foundations of Cyclic Concepts in the Political Sphere: The First Half of the 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 20-33. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.20> (in Russian)

Циклическая интерпретация процессов и явлений, происходящих в природе и обществе, является одним из способов восприятия человеком окружающей действительности. Чередование разного рода состояний во все времена представляло интерес для мыслителей, так как знание о них служит одной из основ прогнозирования. К настоящему времени только в истории и экономике проведены исследования, охватившие отдельные теоретические и методологические аспекты циклической динамики. Между тем возможность применения новейших научных достижений для изучения циклической динамики в политической сфере не привела к появлению трудов [2; 4; 8], где научной проблемой выступали бы теоретически-методологические вопросы цикличности в политической сфере.

Устранение указанного пробела в научном осмыслении цикличности позволит установить основные подходы к пониманию учеными первой половины XX в. сущности повторяющихся процессов, связь между различными циклическими процессами в обществе; охарактеризовать методологические подходы, применявшиеся учеными для анализа повторяющихся процессов в обществе.

Исследование теоретических и методологических основ циклических концепций в политической сфере осуществляется с целью выявления и описания основных факторов, оказавших влияние на их формирование, определения их основного содержания.

Содержание концепций автором рассматривается в контексте мировоззрения, которое доминировало в первую половину XX в. Каждая из этих концепций является идеальной схемой, в рамках которой ученые упрощенно описывают сложную реальность, что сделало теории доступными для критических замечаний и дальнейших научных исследований.

Первая половина XX в. – время радикальных политических и социальных изменений, требовавших научного осмысления и рациональной интерпретации. Циклический подход становится одним из способов проникнуть вглубь процессов, происходивших в обществе. Отдельные элементы нелинейной динамики уже нашли отражение в трудах античных мыслителей, получили дальнейшее развитие у Ибн Халдуна и Дж. Вико, распространивших идею цикла на все общество. Французская революция трансформировала идею линейного эсхатологического развития в концепцию линейного прогресса. В философско-политической мысли Просвещения и Нового времени данная идея предстает уже в виде диалектической спирали Г. Гегеля, эволю-

ционной теории О. Конта, теории формаций и циклов экономических кризисов К. Маркса. В первой половине XX в. циклические идеи получили распространение во многих областях знания, в том числе и политологии.

Для исследования нелинейной динамики в политической сфере использовались разные теории и подходы, включая заимствованные из других наук. На рубеже XIX–XX вв. широко применялись формально-логический и нормативно-институциональный, описательный, сравнительный и исторический методы. С начала XX в. в исследованиях получили распространение методы, использовавшиеся в математике, экономике, социологии, культурологии, антропологии и статистике.

Важное место в формировании теоретических и методологических основ цикличности в сфере политики занимает работа В. Парето 1916 г. «Трактат по общей социологии» [7], в которой была изложена теория социального цикла. В основе этой теории лежит модель циркуляции элит: находясь у власти, правящая элита стремится не допустить переход власти к контрэлите; источником ее пополнения являются низшие слои общества, которые в результате непрерывного процесса циркуляции пополняют высшие; достигнув своего расцвета, представители контрэлиты приходят в упадок и уходят в небытие.

Стремление широких масс к модернизации может противоречить интересам политической элиты, контролирующей власть. Это формирует предпосылки для появления новой элиты, ориентированной на реализацию накопленного инновационного потенциала общества. Возникновение препятствий ее приходу к власти приводит к «сбоям» в циркуляции элит. В. Парето полагал, что только социальная революция способна устранить данную проблему.

Если у Н. Макиавелли понятия «львы» и «лисицы» относились к методам руководства правителя, то у В. Парето – к типам элит. При «львах» общество живет спокойно и зажиточно, но при их долгом правлении наступает застой. При «лисах» общество пребывает в состоянии постоянных реформ и авантур, а при их длительном правлении данный процесс приобретает бессмысленный характер и сопровождается неоправданной тратой денег.

Концепция В. Парето имеет ряд слабых сторон. Ее принятие ведет к тому, что понятие «прогресс» теряет всякий смысл, а также нивелирует значение закона общественного развития – закона возрастания значения и роли в истории народных масс. Содержание концепции говорит скорее о циркуляции контрэлит и элит, нежели о циркуляции элит.

Исследование процессов внутри элиты было одним из направлений научной деятельности Р. Михельса [21]. В 1933 г. ученый, как и В. Парето, обратил внимание на механизм вертикальной социальной мобильности и описал его. В рамках этого механизма происходит циркуляция талантливых людей из массы в элиту, а представителей элиты, неспособных выполнять присущие ей функции, в массу.

Отличие подхода Р. Михельса по данному вопросу от подхода В. Парето заключается в следующем. Во-первых, циркуляция им была рассмотрена как в системе «масса – элита», так и в рамках составных частей элиты. Это при-

близило концепцию к реальности. Во-вторых, детальному анализу были подвергнуты различные сегменты элиты. Теория Р. Михельса высветила проблему, которая остро стояла в начале XX в. перед европейским обществом – необходимости обеспечения каналов вертикальной мобильности для снижения уровня социальной напряженности.

Позже негативные последствия неэффективного функционирования каналов вертикальной мобильности в работе «Бунт масс» более детально рассмотрел Х. Ортега-и-Гассет. «Сутки господства масс являются одной из предпосылок формирования социальной базы поддержки авторитарной власти, которая вроде бы пытается защищать «бунтующие» массы от самих себя, но путем более жесткого социального контроля» [6, с. 405].

Феномен «правлящего класса» с помощью организационного подхода был исследован Г. Моска. В 1939 г. в одноименной книге ученый следующим образом описал его сущность: «Во всех обществах, начиная с самых среднезажитых и едва достигших зачатков цивилизации и заканчивая просвещенными и мощными, существуют два класса лиц: класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть, в то время как второй, более многочисленный, управляется первым» [22, с. 45].

По своей структуре «правлящий класс» не является однородным, он состоит из двух неравноценных по численности групп: малочисленная, которая включает «высшее начальство», и многочисленная с «начальниками среднего звена». Описывая возможные тенденции в развитии «правлящего класса», Г. Моска допустил возможность циркуляции элит.

В рамках первого направления представители «высшего начальства» стремятся передать власть по наследству, что ведет к закрытости правящего класса и застою в обществе. Доминирование второго направления способствует не только открытости элит и их быстрому обновлению, но возникновению нестабильности в обществе. Г. Моска исходил из того, что в обществе должно быть равновесие: при наличии определенной стабильности правящего класса циркуляция элит должна проходить медленно, а число новых представителей быть незначительным.

В работе 1922 г. «Общество и его механизмы» К. Тахтарева [12] циклическая концепция развития общества показана как эволюционная лестница. Свое исследование ученый построил на использовании методов сравнительно-исторического и аналогий, диалектического метода, генетической социологии. Последнюю он определил как сочетание методов антропологии и социологии, направленных на исследование причин и механизмов развития общества через изучение таких социальных институтов, как классы, власть, государство.

Первая ступень эволюционной лестницы включает эпоху охотничьих племен и тотемизма. Во внутренних отношениях важное место отводится жрецам и старейшинам. Одни олицетворяют связь с духами предков и тотемными животными, другие – власть и мудрость. Вторая ступень включает эпоху формирования семейно-племенных союзов, в основе которых совместный труд

родичей. Значимую роль в родовой общине автор отводит отцу-вождю, сакрализации его фигуры. Третья ступень – переход к общинно-вечевому строю, формированию поземельной общины, появлению свободных общинников. Масштаб власти правителя ограничен или корректируется групповой волей элит жреческого или воинского сословия или общественной волей народного собрания. Четвертая ступень – переход к феодальным отношениям, эпохе господства натурального сельского хозяйства, развития городов, формирования сословного общества. Пятая ступень включает эпоху классового общества, урбанизации, прогресса в промышленности и сельском хозяйстве, усложнения структуры общества, развития политических свобод, расцвета наук и искусств. Прослеживается влияние на концепцию К. Тахтарева теории общественных формаций К. Маркса, концепции А. Фергюсона и Л. Моргана о трех стадиях развития человеческого общества [15, с. 61].

К. Тахтарев рассматривает повторяемость исторических явлений в двух аспектах – методологическом и имманентно-креативном. В первом случае в процессе обобщения фактов для выявления общих закономерностей ученый стремится исключить из анализа уникальные события. Он отмечает, что по отдельности ни один народ не прошел целиком все пять ступеней развития, но этот тезис неприменим к жизни всего человечества. «Мы наблюдаем очевидную повторяемость этих явлений или их форм до тех пор, пока все человеческие общества не переживут только что перечисленных ступеней своего развития» [12, с. 365].

Во втором случае К. Тахтарев исходит из невозможности буквального повторения исторических событий из-за наличия в них творческого компонента и способности приносить новизну. «Мы всюду видим изменение и обновление жизни, которая всегда и всюду как бы заново творится, воспроизводится и обновляется в определенных формах. Об этом говорит воспроизведение растений и животных, а равно и определенных общественных форм. Тайна существования всех этих форм заключается в известной повторяемости соответствующих явлений» [Там же, с. 353].

Ученый выделил три объекта изучения общественной жизни: социум, находящийся на стадии максимума своих возможностей, обусловленных сотрудничеством индивидов для обеспечения своих жизненных потребностей; разнообразие поведения социальных групп и их самоорганизация в поведенческую однородность; люди с их потребностями выживания. Данная триада определяет социальные детерминанты и условия развития циклических процессов.

Значимый вклад в понимание циклических процессов внес П. Сорокин. Он полагал, что в рамках развития общества культура как элемент политической системы претерпевает изменения, проявляя при этом повторяющиеся типы. Трансформации носят циклический характер, имеют свою направленность. «Процесс идет от чего-то к чему-то, изменение предполагает переход из одного состояния в другое» [9, с. 99]. Трансформации приводят к концу старой и рождению новой культурной подсистемы, где кризис выступает как момент перехода. Это изменение является непременным условием будущего процветания: «Общество, которое не изменило формы, не смогло найти пути

и средства преобразования, стало пассивным, мертвым и непродуктивным» [10, с. 433]. Развитие общества показало, что ни одна из форм не вечна: всегда наступает стадия исчерпания ее внутреннего потенциала, кризис, а затем крах. При этом ученый не раскрывал движущие силы трансформации, ссылаясь на некий высший все осмысливающий незримый «порядок вещей».

П. Сорокин не обошел вниманием ключевые аспекты циклического процесса. Значительную часть четырехтомного труда «Социальная и культурная динамика», вышедшего в 1937–1941 гг., составляют рассуждения о типах циклических, линейных и смешанных концепций социальных, культурных, космических, биологических процессов.

Ученый выделил две разновидности циклической повторяемости. В рамках первой – абсолютной – последняя фаза возвращается к изначальной фазе и процесс начинается вновь. В рамках второй разновидности – относительной – траектории предыдущего и последнего не совпадают. Этот подход был наиболее близок П. Сорокину, который полагал, что траектории событийных повторов не совпадают.

В линейной направленности движения ученый выделил три типа парадигмы: разветвляющуюся, осциллирующую, спиралевидную. Говоря о линейной парадигме социального развития, он отметил линейный тип изменений как один из множества возможных. Линейно развиваются только отдельные социокультурные явления.

Социоолог полагал, что для циклов не характерны постоянный ритм и одинаковая продолжительность. «Любое явление, регулярно повторяющееся, не является объектом истории, поскольку регулярное повторение исключает историю. В историю входят только неповторимые, своего рода единичные и своеобразные факты. Поэтому любая историческая эпоха – это что-то индивидуальное, и вся история является сетью индивидуальных эпох-звеньев, где нет тождества между двумя любыми звеньями» [11, с. 517–518].

К периодическим циклам П. Сорокин относил суточные, недельные, годовые, 3–4-летние, бизнес-циклы, колебания периодов роста и депрессий, 60-летние, исторические и прочие циклы. В качестве неперiodических ритмов ученый выделил следующие циклы: изобретений (восхождение – плато – спуск); социального процесса (копирование – исследование – оппозиция – адаптация); развития социальных институтов (возникновение – развитие – дифференциация – дезинтеграция); жизнь догм и идеологий (это невозможно – в этом что-то есть – принято).

События в Российской империи в октябре 1917 г. заставили ученого обратиться к феномену социальной революции. П. Сорокин выделил ее главные признаки: «Во-первых, революция означает изменение в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменение в биологическом составе населения, его воспроизводстве и процессах отбора. В-третьих, это деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция приносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах» [Там же, с. 269–270].

Он считал, что каждая революция в своем развитии проходит через три этапа: первая фаза – выход из общественного равновесия и рост, другая фаза – возвратный поворот маятника революции, третья фаза – окончательное восстановление общественного равновесия. В основу модели он положил принцип действия маятника.

Необходимо отметить, что данная модель для объяснения циклических процессов применялась как в трудах предшественников П. Сорокина, так и в трудах наших современников. Так, еще в конце XIX в. институционалист Г. Адамс выявил закономерность в чередовании политических и экономических процессов. Амплитуду движения маятника он определил в 6 лет, а полный цикл – в 12 лет. При этом фазы циклического процесса у него несимметричны: набор высоты маятника занимает больше времени, социально ориентированная экономика сменяется либеральной, национализация – приватизацией, подъем – спадом и т. д.

О. Шпенглер был близок к Н. Данилевскому [1] в своих взглядах, согласно которым история является последовательностью равноценных и самодостаточных одномасштабных единиц. «Античность и Запад наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой – отдельные миры становления, имеющие одинаковое значение в общей картине истории», – пишет О. Шпенглер [16, с. 147]. В 1918 г. в книге «Закат Европы» он, в отличие от Н. Данилевского, выделил восемь, а детально проанализировал только четыре развитые культуры, прошедшие все стадии развития: античную, арабскую, западноевропейскую и индийскую. Для каждой из них характерен свой цикл, идентичный жизненному циклу организма: зарождение, рост, развитие, упадок и гибель. На основании этого ученый в каждой культуре обозначил детство (варварство первобытного общества), юность (начало развития политической организации, искусства и науки), зрелость (расцвет всех важных сфер общественной жизни) и старость с ее неперменным спутником – смертью.

Натуралистический взгляд О. Шпенглера на историю оказал влияние на описание внутренних аспектов отдельно взятой культуры, где встречаются сравнения с жизнедеятельностью насекомых. Каждая фаза, как только наступает ее время, автоматически переходит в следующую. Фиксированным является не только цикл фаз, но и время, предназначенное для него.

Внутреннюю цельность каждой культуры обеспечивает ее естественное достояние, трансцендентный «прафеномен». Он развивает свои творческие возможности на стадиях роста, а исчерпывает – на стадии старения и смерти, где на уровне бытия не возникает ничего нового. Ученый назвал фазу творческого упадка культуры «цивилизацией» – в противовес пониманию цивилизации как высшего развития культуры у Н. Данилевского.

В понимании О. Шпенглера цивилизация – это период творческого бесплодия конкретной культуры. Ее характерными особенностями являются бюрократизация, милитаризация, доминирование нигилизма и скептицизма. Не принимая во внимание факты реальной истории, ученый стремился придать

ей черты фатальности. За эффективным внешним планом концепции скрывается экстраполяция законов биологии на историю.

В 1939 г. Н. Элиас в книге «Про процесс цивилизации. Социогенетическое и психогенетическое исследование» [17] на суд читателей вынес свою концепцию цивилизаций. В ее основу легли исследования в области антропологии, истории, психологии и социологии. Объектом научных изысканий Н. Элиаса была трансформация моделей поведения, привычек, психологических структур людей западноевропейского сообщества, начиная с эпохи Средневековья, заканчивая Новым временем. Он установил ускорение процесса циркуляции поведенческих моделей, что связал с большей взаимной зависимостью между различными слоями общества, тесными контактами, постоянным напряжением во взаимоотношениях между разными социальными группами. В основу концепции цивилизаций Н. Элиас заложил линейную модель социального развития. В отличие от концепции О. Шпенглера с его описанием «сумерек Европы» концепция Н. Элиаса является более оптимистичной. Он полагал, что «цивилизация еще не завершилась, она пребывает в становлении» [Там же, с. 327].

Система философских взглядов О. Шпенглера оказала влияние на исследование проблемы единства исторического процесса А. Тойнби, который исходил из того, что материалом истории является жизнь в ее внешней и внутренней форме проявления, в определенных человеческих подразделениях, называемых обществами.

Для охвата всего многообразия исторических реалий человечества в 1934 г. в книге [13] А. Тойнби не только предложил многомерную характеристику цивилизаций, но и осветил сложный путь их генезиса. Выделив в развитии общества ряд различных во времени и пространстве локальных цивилизаций, прежде всего по принципу принадлежности к религиозной традиции, ученый рассмотрел их с точки зрения циклического подхода.

Исследуя переход от эллинского к западнохристианскому миру, А. Тойнби определил ряд индикаторов, которые свидетельствуют о переходе от старого к новому обществу – цивилизации: во-первых, формирование на заключительной стадии развития общества империи; во-вторых, возникновение в недрах старого общества церкви, которая становится центром всего нового; в-третьих, хаотичное вторжение варваров, переживающих свою «героическую эпоху». Наиболее значимым он назвал второй фактор, менее весомым – третий.

Людей, способных свободно реализовывать свой творческий потенциал, А. Тойнби считал движущей силой трансформации цивилизации. Действиями этих людей руководит не сверхчеловеческая сила, как у О. Шпенглера, а их свобода выбора, которая и задает ход истории.

В развитии цивилизации определяющую роль ученый отводил не завоеваниям, а возможности «творческого меньшинства», в котором видел опасность: оно может превратиться в «господствующее меньшинство» и оставить на обочине активной жизни общества «нетворческое большинство». Со временем «творческое меньшинство» приобретает признаки класса и приводит

общество к расколу. А. Тойнби выделил четыре типа раскола: раскол общественного организма (милитаризм); раскол души; горизонтальный раскол (классовая борьба); раскол вертикальный (войны между государствами).

Расколы приводят к возникновению ритмических колебаний (упадок – возрождение), в рамках которых борются две тенденции – распад и сохранение целостности. Первый упадок толкает надломленное общество в эпоху бедствий. Их масштаб незначительно утихает после первого возрождения, вслед за которым наступает второй, более мощный, упадок. Второе, более продолжительное, возрождение происходит в форме мирового государства. Рецидивы болезни чередуются с выздоровлением, а за последним возрождением наступает окончательный распад. В ритмических колебаниях А. Тойнби прослеживает не только роль человека, с его правом выбора, но духовную первореальность. Процесс развития общества философ рассматривал как тернистый путь к конечному единению человечества с Абсолютом. Этому единению должно предшествовать постепенное сплочение человечества в единую макросистему.

А. Тойнби в формате циклической парадигмы отошел от прямой аналогии между обществом и организмом, развил тему роли социокультурного фактора. Идея цикличности в творчестве ученого представлена через анализ зарождения, развития и гибели мировых цивилизаций. А. Тойнби полагал, что прохождение мировыми цивилизациями основных этапов своего жизненного цикла (возникновение, рост, надлом, деградация и распад) регулируется механизмом «вызов – ответ». Каждый этап развития цивилизации является адекватным ответом на вызов окружающей среды – природным для первых, отцовских цивилизаций, природным и социальным – для следующих.

В модели А. Тойнби описан ритм развития локальных цивилизаций: их возникновение, рост, надлом, деградация и распад. Неадекватный текущим вызовам ответ способен спровоцировать надлом цивилизации и начало ее заката. В рамках циклической парадигмы ученый стремился отойти от органицистской концепции анализа социума, акцентируя внимание на социокультурном факторе. В отличие от О. Шпенглера А. Тойнби не считал целесообразным применение для исследования процессов в обществе научных методов, созданных для анализа неживой природы.

Политическая история является сложным и многофакторным феноменом, который не способен охватить полностью такое понятие, как «цивилизация». Политическая история в значительной степени подчинена вероятностной логике, в настоящем содержит множество вариантов развития будущего, понять которые практически невозможно.

Направленность процесса развития общества всегда имеет альтернативные возможности, и какая из них станет реальностью, к каким последствиям она приведет, зависит от многих случайностей и действий конкретных людей, которые всегда имеют собственные цели, хотя и могут действовать неосознанно или даже бессознательно. Выбор направления движения общества нередко зависит от малозаметных, на первый взгляд, факторов и обусловленных

ими обстоятельств. Случайность, что реализуется, актуализируя одну из возможностей, которая раскрывается как действительность, открывает перед системой новые возможности и делает весь процесс ее развития в определенном направлении необратимым.

Такой общеметодологический подход в рамках теории диссипативных структур является более приемлемым, чем традиционный детерминизм, так как он учитывает свободный выбор индивида, социальной группы, обособленного сообщества как важный фактор движения человечества.

В Новейшее время продолжилась дискуссия о роли в развитии общества смены поколений, основы которой были заложены Н. Макиавелли и Ж. Боденом. В понятие «поколение» Х. Ортега-и-Гасет вложил следующий смысл: «Синтез взаимосвязанных элементов, составляющих новое социальное целое в его разнообразии, следующее по дороге жизни в соответствии с заданной траекторией» [6, с. 114].

В большинстве работ тематика поколений рассматривается в культурно-историческом ракурсе, где предстает в качестве детерминанта исторических процессов, причины происходящих событий. Х. Ортега-и-Гасет следующим образом выразил эту идею: «Мы можем... представить каждое поколение как своего рода биологический снаряд, выпущенный в пространство в точно установленное время, с определенной силой, направлением» [Там же, с. 256].

В рамках второго подхода исследуется фрагментарное влияние исторических событий на формирование поколений: на отдельные группы (культурные и политические элиты). Значимое место в этом процессе принадлежит К. Манхейму, который первым применил методы социологии и психологии для изучения данного вопроса [5]. Он показал, что самые яркие впечатления юности не оказывают одинакового влияния на все группы общества. Различные общественные интересы вызывают у индивидов разную реакцию на одинаковый импульс. Между тем другая сторона проблемы смены поколений – соотношение роли отдельных групп и массы – получила свое дальнейшее развитие в политологии в рамках более широкой темы, связанной с властью.

Получила развитие и «механистическая» концепция, идеология которой восходит к трудам ученого Нового времени О. Конта [18]. В ее основе лежит предположение о наличии в обществе, рассматриваемом как сложная механическая система, жестких причинно-следственных связей. Концепция наиболее востребованной оказалась среди экономистов, между тем примеры ее применения встречаются в работах по политической проблематике. При построении социально-политических моделей в разной степени принимался во внимание экономический фактор, который придавал системе «жесткость».

Один из авторов подобных исследований, Э. Лабрусс, в 1933 г. на примере революционных событий во Франции описал взаимодействие социальных и экономических процессов [20]. Он доказал детерминирующий фактор экономических процессов, задававших ритм социально-политическому развитию. При построении модели ученый причины возникновения революции видел в предшествующем ей спаде в экономике, а роста в начале XIX в. цен и доходов населения – в политических и социальных событиях революционного периода.

Свой вклад в развитие теоретико-методологических основ политической цикличности внесли представители управленческих и экономических наук. В 1916 г. А. Файоль, опираясь на положения теории научного менеджмента и «идеальной бюрократии», используя результаты анализа опыта своего руководства организацией, заложил основы административной теории управления [14]. Ученый рассмотрел управление как повторявшийся процесс, состоящий из определенного числа связанных функций, в том числе организации, контроля, планирования, обратной связи. Он допустил использование принципов управления в политической сфере.

В 1922 г. Н. Кондратьев [3] рассмотрел вопросы, связанные с экономическими и структурными кризисами. Автор утверждал, что экономика представляет собой сложную систему, в которой цикличность необходимо рассматривать как комплекс факторов, вызывающих и сопровождающих этот феномен.

Исследовав развитие мировой экономики с помощью математических и статистических методов, ученый пришел к выводу о существовании в экономике «больших циклов». Они неравномерны во времени и хронологически занимают 50–60 лет. Сначала происходит подъем – «динамическая волна», в рамках которой наблюдается стабильный рост производства, цен и доходов, а кризисы – неглубокие. Затем наступает спад – «депрессивная волна», когда экономика нестабильна, а кризисы – глубокие и продолжительные. Н. Кондратьев полагал, что динамика экономического развития тесно связана с политической, социальной и культурной сферами. Он отмечал необходимость учета социальных потрясений и войн в исследовании циклических процессов, но не видел в них основного источника развития. Прогностический потенциал его модели позволил предвидеть наступление Великой депрессии и мировой войны.

Н. Кондратьев, как и многие его современники, не обошел вниманием феномен социальной революции. Он полагал, что возникновение военных конфликтов и революций имеет высокую вероятность именно в повышенных фазах длительных циклов. Дальнейшее развитие теории циклов Кондратьева пошло по пути ее упрощения, в то время как реальная политическая и экономическая жизнь общества только усложнялась.

Циклические процессы были положены в 1910–1940-х гг. философом Дж. Дьюи [19] и политологом Г. Саймоном [24] в основу трехфазовых моделей «решения проблем»: «определение проблемы – формирование альтернатив – выбор наилучшей альтернативы» (Дж. Дьюи), а затем «разведка – проектирование – выбор» (Г. Саймон). Во второй половине XX в. на базе этих моделей были разработаны алгоритмы принятия политических решений.

А. Шлезингер-старший с учетом циклов, выявленных им в процессе анализа политической истории США, в 1924 г. сделал прогноз об изменении в 1932 г. внутривнутриполитического курса с консервативного на социально-либеральный. Ученый не просто предсказал реформы, связанные с приходом Ф. Рузвельта, но и в общих чертах описал характер его «Нового курса». За основу прогноза А. Шлезингер-старший принял маятниковую модель политического цикла внутренней политики США, включавшей две фазы – консервативную и либерально-реформистскую [23].

Каждый из упомянутых выше ученых первой половины XX в. затрагивает один из трех коррелируемых между собой циклов – развития личности, государства и цивилизации. В рамках структурно-функционального подхода иерархия цикла будет выглядеть следующим образом: «высший» – цивилизационный, «средний» – государственно-национальный, «базовый» – личностного развития.

Наиболее быстро разворачивается личностный цикл, динамику развития которого задает смена поколений. Его эволюция обусловлена диалектическим сочетанием интересов личности и тенденции в развитии общества. В структуру государственно-национального цикла входит цикл развития определенного общества, включающего способность к адаптации к внешним и внутренним изменениям, а также перестройку в ходе данного процесса имманентной сущности его представителей. Этот цикл может быть и незавершенным, если по причине неблагоприятных условий государство утратит суверенитет. Цивилизационный цикл наиболее длительный. Его ритм зависит от многих государственных образований, входящих в социокультурный ареал определенной цивилизации. Каждый конкретный цикл образует отдельные фазы, сменяющие друг друга.

Таким образом, в первой половине XX в. дифференциация наук способствовала междисциплинарному изучению циклических процессов в обществе, поиску новых подходов к исследованию нелинейной динамики, что в дальнейшем благоприятствовало формированию теоретических и методологических основ политической цикличности.

При различиях в подходах к изучению нелинейных процессов в обществе, обусловленных дисциплинарным характером исследований, работы ученых органично вписываются в «пирамиду циклов», которая включает три цикла, коррелирующих между собой, – развития личности, государства и цивилизации.

Исследования нелинейных процессов в сфере политики также носили циклический характер. Максимальный интерес со стороны ученых приходился на времена кризисов и обуславливался не только стремлением понять их природу, но и выработкой практических рекомендаций.

В работах ученых первой половины XX в. получили дальнейшее развитие такие теории, как «смена поколений», «жизненный цикл цивилизации», «циркуляция элит», были заложены основы теорий «мировой гегемонии», «циклически-волновой», «принятия политических решений».

Значимый вклад в формирование теоретических и методологических основ внесли представители элитизма, марксизма, механицизма, цивилизационизма.

Список литературы

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Академ. проект, 2015. 602 с.
2. Драгунский Д. В. Длинные волны истории и динамика политической власти // Полис. 1992. № 1. С. 17–22.
3. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. Вологда : Гос. изд-во, 1922. 258 с.
4. Логинов А. В. Политическая циклистика и систематика. Саратов : Изд-во Мордов. ун-та, 2011, 204 с.

5. Манхейм К. Диагноз нашего времени. М. : Говорящая книга, 2010. 744 с.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М. : Весь мир, 1997. 704 с.
7. Парето В. Трактат по общей социологии. СПб. : НОРМА, 2004. 327 с.
8. Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2. С. 8–28.
9. Сорокин П. А. Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар : Анбур, 2018. 640 с.
10. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. СПб. : Астрель, 2006. 1176 с.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М. : Политиздат, 1992. 542 с.
12. Тахтарев К. М. Социологические труды. СПб. : РХГА, 2006. 839 с.
13. Тойнби А. Постигание истории. М. : Айрис-Пресс, 2008. 521 с.
14. Худяков А. В. Информационно-аналитическое обеспечение политического управления. Минск : РИВШ, 2021. 130 с.
15. Худяков А. В. Формирование теоретико-методологических основ циклических концепций в политической сфере: на примере трудов ученых эпохи Просвещения // Известия Иркутского гос. ун-та. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т 41. С. 58–70.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М. : Мысль, 1998. 663 с.
17. Элиас Н. О процессе цивилизации: социогенетическое и психогенетическое исследование. М. : Унив. кн., 2001. 382 с.
18. Coser L. A. Masters of sociological thought. New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1971. 485 p.
19. Egeberg M. The impact of bureaucratic structure on policy making // Public Administration. 1999. № 1. P. 156–159.
20. Labrousse E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle. Paris : Librairie Dalloz, 1933. 697 p.
21. Michels R. Umschichtungen in den herrschenden klassen nach dem kriege. Stuttgart : Verlag von W. Kohlhammer, 1934. 133 p.
22. Mosca G. The ruling lass. New York : McGraw-Hill, 1939. 216 p.
23. Schlesinger A. The crisis of the old order. Boston : Houghton Mifflin, 1957. 557 p.
24. Simon H. Administrative behavior: a study of decision-making process in administrative organizations. New York : Random House, 1997. 193 p.

References

1. Danilevskii N.Ya. *Rossia i Evropa vzgliad na kulturnye i politicheskie otnosheniia slavianskogo mira k germano-romanskomu* [Russia and Europe: a look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic-Romance]. Moscow, Akad. proekt Publ., 2015. 602 p. (in Russian)
2. Dragonskii D.V. Dlinnie volni istorii i dinamika politicheskoi vlasti [The long waves of history and the dynamics of political power]. *Polis* [Polis], 1992, no. 1, pp. 17–22. (in Russian)
3. Kondratiev N.D. *Mirovye khoziaistvo i ego koniunktury vo vremia i posle voyny* [World economy and its conjunctures during and after the war]. Vologda, Gos. izd-vo Publ., 1922, 258 p. (in Russian)
4. Loginov A.V. *Politicheskaya ciklistika i sistematika* [Political cyclicistics and systematics]. Saratov, Publ. House Mordov. un-t, 2011, 204 p. (in Russian)
5. Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Govoriashchaia kniga Publ., 2010. 744 p. (in Russian)
6. Ortega-i-Gasset K.H. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Ves mir Publ., 1997, 704 p. (in Russian)
7. Pareto V. *Traktat po obshchei sotsiologii* [Treatise on General Sociology]. St. Petersburg, Norma Publ., 2004. 327 p.
8. Rozov N.S. *Ciklichnost rossiiskoi politicheskoi istorii kak bolezn: vozmojno li vizdorovlenie?* [The cyclical Nature of Russian Political History as a disease: is recovery Possible?]. *Polis* [Polis], 2006, no. 2, pp. 8–28. (in Russian)
9. Sorokin P.A. *Krizis nashego vremeni Rossiia i Soedinennye Shtaty* [The crisis of our time. Russia and the United States]. Syktyvkar, Publ. House Anbur, 2018, 640 p. (in Russian)

10. Sorokin P.A. *Sotsialnaia i kulturnaia dinamika* [Social and cultural dynamics]. St. Petersburg, Astrel Publ., 2006. 1176 p. (in Russian)
11. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvivilizatsiia. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 542 p. (in Russian)
12. Takhtarev K.M. *Sotsiologicheskie trudy* [Sociological works]. St. Petersburg, RKHGA Publ., 2006. 839 p. (in Russian)
13. Toinbi A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History]. Moscow, Airis-Press Publ., 2008. 521 p. (in Russian)
14. Khudyakov A.V. *Informacionno-analiticheskoe obespechenie politicheskogo upravleniya* [Information and analytical support of political government]. Minsk, RIVSH Publ., 2021, 130 p. (in Russian)
15. Khudyakov A.V. Formirovanie teoretiko-metodologicheskikh osnov cziklicheskikh koncepczij v politicheskoy sfere: na primere trudov ucheny`kh e`pokhi Prosveshheniya [Formation of theoretical and methodological foundations of cyclic concepts in the political sphere: on the example of the works of scientists of the age of enlightenment]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2022, vol. 41, pp. 56-70 (in Russian)
16. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoi istorii* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History]. Moscow, Publ. Mysl, 1998, 663 p. (in Russian)
17. Elias N. *O protsesse tsivilizatsii sotsiogeneticheskoe i psikhogeneticheskoe issledovanie* [On the process of civilization: sociogenetic and psychogenetic research]. Moscow, Univ. kniga Publ., 2001, 382 p. (in Russian)
18. Coser L.A. *Masters of sociological thought*. N. Y., Harcourt Brace Jovanovich, 1971. 485 p.
19. Egeberg M. The impact of bureaucratic structure on policy making. *Public Administration*, 1999, no. 1. pp. 156-159.
20. Labrousse E. *Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIIIe siècle*. Paris, Librairie Dalloz, 1933, 697 p.
21. Michels R. *Umschichtungen in den herrschenden klassen nach dem kriege*. Stuttgart, Verlag von W. Kohlhammer, 1934. 133 p.
22. Mosca G. *The ruling lass*. New York, McGraw-Hill, 1939, 216 p.
23. Schlesinger A. *The crisis of the old order*. Boston, Houghton Mifflin, 1957, 557 p.
24. Simon H. *Administrative behavior: a study of decision-making process in administrative organizations*. New York, Random House, 1997, 193 p.

Сведения об авторе

Худяков Андрей Валерьевич
кандидат политических наук,
главный специалист
Научно-практический центр проблем
укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики
Беларусь
Республика Беларусь, 220088, г. Минск,
ул. Захарова, 76
e-mail: khudyakov_1971@list.ru
ORCID: 0000-0002-9981-1967

Information about the author

Khudyakov Andrei Valerevich
Candidate of Sciences (Political Science),
Chief Specialist Scientific and Practical Center
for the Problems of Strengthening Law and
Order of the General Prosecutor's Office
of the Republic of Belarus
76, Zakharov st., Minsk, 220088, Republic
of Belarus
e-mail: khudyakov_1971@list.ru
ORCID: 0000-0002-9981-1967

УДК 32(091)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.34>

«Русская община в тюрьме и ссылке» Н. М. Ядринцева как источник изучения пенитенциарной политики дореволюционной России: опыт историко-политологической актуализации

А. В. Головинов*

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Ю. В. Головинова

*Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул,
Российская Федерация*

Аннотация. Представлен первый крупный труд основоположника сибирского областничества Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» 1872 г. в качестве публицистического и научного источника исследования пенитенциарной политики дореволюционной России. Показаны основные общественно-политические идеи лидера движения сибирских демократических регионалистов в сфере государственной уголовно-исполнительной политики. Установлено, что, разделяя базовые положения народнической политической философии, Н. М. Ядринцев видел особую роль общины в деле перевоспитания преступного элемента. Сделан вывод, что ценность материала рассматриваемой книги для историко-политологического анализа уголовно-исполнительной политики определяется кругом проблем, в нем представленных. Это прежде всего уникальные данные и размышления об организации тюремного быта, положении надзирателей, задачах исправления преступника и др.

Ключевые слова: пенитенциарная политика, областничество, Н. М. Ядринцев, Российская империя, социальная политика, тюремоведение.

Для цитирования: Головинов А. В., Головинова Ю. В. «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. М. Ядринцева как источник изучения пенитенциарной политики дореволюционной России: опыт историко-политологической актуализации // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 34–41. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.34>

Original article

“The Russian Community in Prison and Exile” by N. M. Yadrintsev as a Source for Studying the Penitentiary Policy of Pre-Revolutionary Russia: Experience of Historical and Political Science Actualization

A. V. Golovinov*

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Yu. V. Golovinova

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. The purpose of the publication is to emphasize the first major work of the founder of the Siberian regionalism N. M. Yadrintsev “The Russian community in prison and exile” in 1872 as a journalistic and scientific source for studying the penitentiary policy of pre-revolutionary Russia. This monumental and relevant work in the 21st century can be safely put on a par with such similar best-sellers as “Notes from the Dead House” by F. M. Dostoevsky, “Sakhalin Island” by A. P. Chekhov and “Siberia and Hard Labor” by S. V. Maksimova. The publication shows the main socio-political ideas of the leader of the movement of Siberian democratic regionalists in the field of state penitentiary policy. The authors found that, sharing the basic provisions of populist political philosophy, N. M. Yadrintsev attached a special role to the community in the re-education of the criminal element. The authors come to the conclusion that the value of the material of the book under consideration for the historical and political analysis of the penitentiary policy is determined by the range of problems presented in it. First of all, these are unique data and reflections on the organization of prison life, the situation of guards, the tasks of correcting a criminal, etc.

Keywords: penitentiary policy, regionalism, N. M. Yadrintsev, Russian Empire, social policy, prison science.

For citation: Golovinov A.V., Golovinova Yu.V. “The Russian Community in Prison and Exile” by N. M. Yadrintsev as a Source for Studying the Penitentiary Policy of Pre-Revolutionary Russia: Experience of Historical and Political Science Actualization. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 33–41. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.34> (in Russian)

Изучение истории российской политики напрямую связано с разноплановой источниковой базой. Проводимую государственную политику в тот или иной исторический период можно исследовать, опираясь на официальные документы, деятельность чиновников и общественных деятелей, а также политическую мысль, представленную текстами литературных и публицистических произведений. Политико-текстологический анализ письменных источников способствует, как считает авторитетный исследователь, извлечению понятной и достоверной информации и истолкованию социально-политического контекста письменного источника [10, с. 230].

Как известно, государственная политика всегда включает в себя многообразие составляющих ее компонентов. В этом смысле обращение к письменным произведениям может способствовать детальному рассмотрению отдельных направлений политико-управленческих стратегий государства. Так, чтобы глубже понять содержание такой важной части социальной политики, как пенитенциарная (уголовно-исполнительная) политика в Российской империи, целесообразно обращаться к политико-публицистическим и литературным творениям эпохи. Потому актуальность рассмотрения труда Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке» в качестве источника изучения пенитенциарной политики дореволюционной России видится несомненной. Тем более в 2022 г. исполняется ровно 150 лет со дня выхода издания. За полтора столетия книга вызывала и продолжает вызывать большой интерес юристов-управленцев, историков, политологов, государственных деятелей, публицистов, реформаторов и ученых.

В современной научно-исследовательской литературе отчетливо наблюдается интерес к истории пенитенциарной политики, в том числе философско-политическому наследию лидера областнической идеологии.

Разнообразие оттенков и нюансов отечественной истории политики в сфере исполнения наказания основательно исследуется группой профессиональных ученых из Восточной Сибири. Прежде всего можно выделить разработки таких авторов, как Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек [2], А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас [5], Н. Ф. Васильева [1] и др. Очевидно, что в Иркутске сложился полноценный научный центр изучения ссылки, тюрьмы и каторги. Усилиями иркутских исследователей были выявлены просчеты и недостатки дореволюционной пенитенциарной политики, а также показаны особенности «сибирского измерения» уголовно-исполнительной политики имперской России.

В историографии движения сибирского областничества также можно говорить о давно сформировавшейся иркутской школе «областниковедения». Разумеется, наряду с томской, новосибирской, омской и другими историографическими традициями изучения областничества.

Это совсем не удивляет, так как идеология сибирского регионализма была тесно связана с судьбой крупного восточносибирского города. Не случайно в 1887 г. Н. М. Ядринцев переехал сам и перенес созданное им детище свободной журналистики – газету «Восточное обозрение» в Иркутск.

Как нам видится, особенностью иркутской школы «областниковедения» выступает вышедший за рамки традиционных исторических исследований, более многообразный нарратив. Здесь четко прослеживается наряду с историческим аспектом политологический и даже не имеющий аналогов в современной историографии дискурс, предложенный в трудах представителей географической науки. Такие исследовательские горизонты обнаруживаются в работах Ю. А. Зуляра [4], П. Л. Попова, А. А. Черенева [7], А. Н. Фартышева [8]. Полагаем, данный аспект историографии политической идеологии сибирского областничества нужно рассматривать отдельно. В рамках настоящего исследования такая задача не ставится.

Зарубежные исследователи изучают идеологию сибирского демократического регионализма в ракурсе конкретно-исторических и историко-политологических исследований [14–16].

Итак, в 1872 г. увидела свет первая фундаментальная работа основоположника просветительского и общественно-политического движения сибирских демократических регионалистов (областников) Н. М. Ядринцева «Русская община в тюрьме и ссылке». В этом издании широко представлена политико-философская рефлексия в сфере тюремноведения. Подготовленная на богатом материале отечественной и зарубежной практики исполнения наказания, книга может выступать научным, публицистическим и даже биографическим источником изучения государственной пенитенциарной политики Российской империи.

Этот монументальный и актуальный в XXI столетии труд можно смело ставить в один ряд с таким близкими по тематике бестселлерами, как «Записки

из мертвого дома» Ф. М. Достоевского [3], «Остров Сахалин» А. П. Чехова [9] и «Сибирь и каторга» С. В. Максимова [6]. Каждое из отмеченных тюрьмоведческих произведений характеризуется достоверностью сведений и большим опытом осмысления положения заключенных. Работа Н. М. Ядринцева заметно отличается своей научной составляющей. В «Русской общине...» Николай Михайлович продвинулся дальше своих предшественников и современников – он позволил себе выйти на уровень научно-теоретических обобщений. В отличие от литераторов и публицистов он не только сосредоточился на личных впечатлениях арестанта, описании тюремной субкультуры и иерархии заключенных, но активно размышлял об исправительном значении наказания арестантов; руководствуясь анализом зарубежного опыта и доктрин в области уголовно-исправительных систем, рефлексировал вообще на тему сущности наказания.

В кругах политиков и юристов, которых волновали проблемы исполнения наказания, этот фундаментальный труд был в ходу. Выдающийся социолог и публицист С. Н. Южаков восхищенно отмечал: «Книга эта первый крупный литературный труд, сделавший Ядринцеву имя и причисливший его к авторитетам по русскому тюрьмоведению» [11, с. 62].

Необходимо подчеркнуть, что, кроме научно-просветительского содержания, его книга «Русская община в тюрьме и ссылке» имеет также значение литературного памятника, в котором подробно описываются тюремный быт и отношение надзирателей к заключенным. На основе личного опыта арестанта Н. М. Ядринцев передавал атмосферу острога. Страница за страницей этого фундаментального труда мягко переносит читателя в гущу тюремной жизни.

Так, рисуя многократно наблюдаемый им портрет надзирателей, он вспоминал, что «это был народ (имеются в виду тюремные служащие. – А. Г., Ю. Г.) – почти без всякого образования и отличался от прочего мелкого канцелярского люда только полицейским талантом энергически требовать выполнения своих приказаний. Часто, грубые по натуре, любившие осуществлять приказание силою, эти смотрители внушали арестантам затаенную ненависть к себе и вызывали явную оппозицию. Вышедшие из писарей военных или гражданских, а нередко из солдат, они не вынесли ничего, кроме грубого эмпиризма» [12, с. 164].

Н. М. Ядринцев тогда замечал, что отсутствие образования и тотальное невежество были верными спутниками тюремного персонала. Отсюда приобретала четкие очертания проблема воздействия кадров тюремных замков на арестантов с целью их перевоспитания. В этом вопросе сибирский публицист мог лично наблюдать совершенно безрадостную картину. «Воззрение на арестанта, как на злодея, – отмечал Н. М. Ядринцев, – свойственное невежеству, одно руководило ими и заставляло их прибегать к розгам и кандалам при самых незначительных проступках арестанта» [Там же].

Очень ярко автор «Русской общины...» характеризовал подследственное содержание. «Я, – передавал свои чувства сибиряк, – пережил подследственные тяжкие минуты. Благодарю небо, что прошли для меня эти дни и ночи, прошло следствие. Мое окно было открыто. Воздух пахнул на меня и освежил

бледное как стена лицо. Я пощупал свою голову, прислушался к сердцу. Слава Богу, мысль моя пережила тяжкие испытания, робкое дитя мое бьется ровно, успокоилось и не изменилось...» [13, с. 67].

По окончании следственных действий обвиняемого в Российской империи, как правило, переводили в общие камеры. Тут, конечно, свободы было побольше, если в условиях тюремного содержания вообще можно употреблять такой термин.

Вот что находим в «Русской общине ...» Николая Михайловича: «Когда блуждаешь по общим камерам нашего дома скорби с опытным в острожной жизни человеком, то всегда находишь самые разнообразные занятия и время проведение у свободного арестантства. Общие камеры у нас представляют не проходные и открытые залы, а глухие камеры по сторонам коридоров, где по несколько арестантов в камере составляют свой интимный кружок и где они ведут безопасно скрытую от посторонних глаз жизнь. Форточки, устроенные в дверях камер, всегда удобно завешиваются и прикрываются и служат, с одинаковым удобством, для наблюдаемых, как и для наблюдающих, в них арестант удобно может видеть приближающееся начальство» [12, с. 55].

В конечном счете, по мнению мыслителя-областника, такие факторы, как необразованность, отсутствие должной квалификации, грубость и невежество тюремных служащих, способствовали процветанию коррупции в тюрьмах. Как можно наблюдать с высоты XXI в., коррупцию мы пытаемся одолеть и сегодня. Чуть ли не нормой были многочисленные злоупотребления должностным положением со стороны надзирателей и смотрителей. Н. М. Ядринцев писал: «У них были два приема в отношении арестантов: или они старались внушить к себе уважение палкой и площадной бранью или напоминали о своем авторитете сбором в свою пользу разных пятаков, в виде штрафов, причем арестанты могли откупаться от всякой вины. Доходы их были, впрочем, не велики и не замысловаты» [12, с. 166].

В истории пенитенциарной политики имперской России особое место занимала ссылка как мера наказания. Сибирский просветитель вообще очень скрупулезно рассматривал проблемы ссылки, исходя из того, что это был самый насущный вопрос Сибири. Подготовленная им серия публикаций по данной тематике была переработана и представлена двумя главами книги «Русская община...» под названием «Ссылное бродячее население Сибири» и «Исторические очерки русской ссылки». Здесь на основе фактического материала с привлечением доктринальных разработок он доказывал нецелесообразность этого вида наказания. «Таким образом, – приходит к выводу сибирский публицист, – опыт, наука, справедливость и самый ход человеческого прогресса – все убеждает нас, что ссылка в ее старом карательно-колониационном значении должна иметь всего менее места в среде современных наказаний и, потерпевши немало крушений на практике, должна рушиться и в теории» [Там же, с. 608].

Таким образом, Н. М. Ядринцев в своем первом крупном произведении рефлексировал о главной задаче пенитенциарной политики – задаче исправле-

ния преступника. «Само исправление, – писал он, – имеет своей конечной задачей свободное и разнообразное развитие всех нормальных человеческих способностей, всех сил человека; оно стремится поднять его нравственно, благоприятствуя возбуждению благородных мотивов человеческой природы, развитию нравственных начал, которые должны крепко срастись с человеческими убеждениями и поступками и добровольно управлять его действиями. Вот конечная цель исправления и тот идеал, к которому стремится пенитенциарная наука» [Там же, с. 695].

Разделяя базовые положения народнической политической философии, Н. М. Ядринцев видел особую роль общины в деле перевоспитания преступного элемента. Самоорганизация, имманентно присущая общинному укладу жизни, по мнению сибирского интеллектуала, всецело способствовала исправлению арестанта. «Община, – замечал просветитель, – когда с ней обращались гуманно, всегда умела гарантировать наибольшее спокойствие острога и сама самым тщательным образом следила за внутренним порядком в остроге» [Там же, с. 176].

Сибирский общественный деятель считал, что тюремной жизни общинные начала были свойственны и имели притом гуманистическое значение. Он убежденно заявлял: «Идея договора, взаимного доверия и ручательства так свойственна натуре человека, что проникала даже и не в столь товарищески-организованные общества, как ссыльные артели; опыты договоров и доверия удавались и в арестантских ротах» [Там же, с. 180].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сведения и многочисленные идеи, представленные в «Русской общине...», могут быть определены с позиций дня сегодняшнего как один из важных источников для исследователей пенитенциарной политики имперской России. Ценность данного опуса для историко-политологического анализа уголовно-исполнительной политики определяется кругом проблем, в нем представленных. Это прежде всего уникальные данные и размышления об организации тюремного быта, положении надзирателей, кадровой политике в исправительных учреждениях, задачах исправления преступника, тюремной субкультуре, роли общины в русском остроге, ссылке как форме наказания и др.

Список литературы

1. *Васильева Н. Ф.* Сибирский сепаратизм конца XIX – начала XX в. и взаимоотношения сибирских областников и политических ссыльных: взгляд советских историков // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 176–180.
2. *Дамешек И. Л.* Областническая концепция как выражение сибирского самосознания. Иркутское общество и «сибирские вопросы» // Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков : монография / науч. ред. Л. М. Дамешек. Иркутск : Оттиск, 2019. С. 98–120.
3. *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома. М. : Эксмо, 2021. 460 с.
4. *Зуляр Ю. А.* Некоторые аспекты политической культуры современных жителей мегарегиона Сибирь // Иркутский историко-экономический ежегодник : сб. ст. Иркутск : Байк. гос. ун-т, 2022. С. 56–70. DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.04.

5. Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л. Ссылные евреи в политической жизни Иркутской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 71. С. 162–169. DOI 10.17223/19988613/71/23.
6. Максимов С. В. Сибирь и каторга. В 3 ч. Ч. 1. СПб. : [б. и.], 1900. 238 с.
7. Попов П. Л., Черенев А. А. К проблеме объективных предпосылок сибирского сепаратизма // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 51–59. DOI 10.17223/19988613/77/6.
8. Фартышев А. Н. Развитие и позиционирование Сибири: геополитическая и геоэкономическая оценка приоритетности концепций : дис. ... канд. геогр. наук. Иркутск, 2018. 220 с.
9. Чехов А. П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). М. : [б. и.], 1895. 498 с.
10. Ширинянц А. А. Политическая текстология как наука и учебная дисциплина. Проблемы становления // Современная наука и инновации. 2018. № 4(24). С. 229–234.
11. Южаков С. Н. Памяти Н.М. Ядринцева // На сибирские темы: сборник в пользу томских воскресных школ и Гоголевского народного дома. СПб. : Изд-во И. И. Попова, 1905. С. 62–67.
12. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. Исследования и наблюдения за жизнью тюремных, ссылных и бродяжеских общин. Сравнение различных систем наказания у нас и в Западной Европе. Основа новой рациональной системы исправления согласно выводам пенитенциарной науки и опыту русской тюремной общины. СПб. : [б. и.], 1872. 708 с.
13. Ядринцев Н. М. Секретная (из записок подследственного арестанта) // Дело: учено-литературный журнал. СПб., 1869. № 5. С. 40–72.
14. Johnson A. «Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution». Dissertation, Georgia State University, 2016. 299 p.
15. Peet E. The Rise of Siberian Nationalism // The Wilson Quarterly. 2015. July 1. P. 35–40.
16. Pereira N. G. O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917 // Canadian Slavonic Papers. 1988 (March). Vol. 30, N 1. P. 112–133.

References

1. Vasilieva N.F. Sibirskiy separatizm i vzaimootnosheniya sibirskikh oblastnikov i politicheskikh ssyl'nykh: vzglyad sovetskikh istorikov [Siberian separatism of the late nineteenth – early twentieth centuries. and the relationship between Siberian regionals and political exiles: the view of Soviet historians]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious Studies*, 2009, vol. 1, pp. 176–180 (in Russian)
2. Dameshek I.L. Oblastnicheskaya kontseptsiya kak vyrazheniye sibirskogo samosoznaniya. Irkutskoye obshchestvo i “sibirskiye voprosy”. [Regional concept as an expression of Siberian self-consciousness. Irkutsk society and “Siberian issues”]. *Gosudarstvennaya vlast i obshchestvo: na materialakh gorodov Irkutskoy gubernii XIX – nachala XX vekov* [State power and society: on the materials of the cities of the Irkutsk province of the 19th – early 20th centuries]. Monograph. Sci. ed. L.M. Dameshek. Irkutsk, Ottisk Publ., 2019, pp. 98–120 (in Russian)
3. Dostoevsky F.M. *Zapiski iz mertvogo doma* [Notes from the Dead House]. Moscow, Eksmo Publ., 2021, 460 p. (in Russian)
4. Zulyar Yu.A. Nekotoryye aspekty politicheskoy kultury sovremennykh zhiteley megaregiona Sibir [Some aspects of the political culture of modern residents of the mega-region Siberia]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy yezhegodnik* [Irkutsk historical and economic yearbook]. Collection of articles. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2022, pp. 56–70, DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.04 (in Russian)
5. Ivanov A.A. Kuras S.L., Kuras T.L. Ssyl'nyye yevrei v politicheskoy zhizni Irkutskoy gubernii kontsa XIX – nachala XX v. [Exiled Jews in the political life of the Irkutsk province in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2021, no. 71. pp. 162–169. DOI 10.17223/19988613/71/23 (in Russian)
6. Maksimov S.V. *Sibir i katorga* [Siberia and penal servitude]. In 3 parts. St. Petersburg, 1900, part 1, 238 p.
7. Popov P.L., Cherenov A.A. K probleme ob'yektivnykh predposylok sibirskogo separatizma [On the problem of objective prerequisites for Siberian separatism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of the Tomsk State University. History], 2022, no. 77, pp. 51–59. DOI 10.17223/19988613/77/6.

8. Fartyshev A.N. *Razvitie i pozitsionirovanie Sibiri: geopoliticheskaya i geokonomiceskaya otsenka prioritetsnosti kontseptsii* [Development and positioning of Siberia: geopolitical and geo-economic assessment of the priority of concepts]. Cand. sci. diss. Irkutsk, 2018, 220 p. (in Russian)
9. Chekhov A.P. *Ostrov Sakhalin (Iz putevykh zametok)* [Sakhalin Island (From travel notes)]. Moscow, 1895, 498 p. (in Russian)
10. Shirinyants A.A. Politicheskaya tekstologiya kak nauka i uchebnaya distsiplina. Problemy stanovleniya [Political textology as a science and academic discipline. Problems of formation]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern science and innovations], 2018, no. 4(24), pp. 229-234. (in Russian)
11. Yuzhakov S.N. Pamiati N.M. IAdrintseva [In memory of N.M. Yadrintseva]. *On Siberian themes: a collection in favor of Tomsk Sunday schools and the Gogol people's house*. St. Petersburg, 1905, pp. 62-67. (in Russian)
12. Yadrintsev N.M. *Russkaya obshchina v tiur'me i ssylke. Issledovaniia i nabludeniia za zhizniu tiuremnykh, ssylnykh i brodiazheskikh obshchin. Sravnenie razlichnykh sistem nakazaniia u nas i v Zapadnoi Evrope. Osnova novoi ratsionalnoi sistemy ispravleniia soglasno vyvodom penitentsiarnoi nauki i opytu russkoi tiuremnoi obshchiny* [Russian community in prison and exile. Research and observation of the life of prison, exile and vagrant communities. Comparison of different punishment systems in our country and in Western Europe. The basis of a new rational system of correction according to the conclusions of penitentiary science and the experience of the Russian prison community]. St. Petersburg, Printing house of A. Morigerovsky, 1872, 760 p. (in Russian)
13. Yadrintsev N.M. *Sekret (iz zapisok podsledstvennogo arestanta)* [Secret (from the notes of a prisoner under investigation)]. *Delo: ucheno-literaturnyy zhurnal* [Case: scientific and literary journal], Saint-Petersburg, 1869, vol. 5, pp. 40-72. (in Russian)
14. Johnson A. *Envisioning Siberia: Siberian Regionalism through Evolution and Revolution*. Sci. Diss. Georgia State University, 2016, 299 p.
15. Peet E. The Rise of Siberian Nationalism. *The Wilson Quarterly*, 2015, July 1, pp. 35-40.
16. Pereira N.G.O. Regional consciousness in Siberia before and after October 1917. *Canadian Slavonic Papers*, 1988 (March), vol. 30, no 1, pp. 112-133

Сведения об авторах

Головинов Александр Викторович

кандидат философских наук, доцент,
кафедра конституционного и
международного права
Алтайский государственный университет
Российская Федерация, 656049, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61
e-mail: alex-golovinov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8493-2902

Головинова Юлия Владимировна

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра правоведения и методики
преподавания социально-экономических
дисциплин
Алтайский государственный
педагогический университет
Российская Федерация, г. Барнаул, 656031,
ул. Молодежная, 55
e-mail: yu.golovinova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6190-4511

Information about the authors

Golovinov Alexander Viktorovich

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Constitutional and
International Law
Altai State University
61, Lenin ave., Barnaul, 656049, Russian
Federation
e-mail: alex-golovinov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8493-2902

Golovinova Yuliya Vladimirovna

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Law and Methods of
Teaching Socio-Economic Disciplines Altai
State Pedagogical University
55, Molodezhnaya st., Barnaul, 656031,
Russian Federation
e-mail: yu.golovinova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6190-4511

УДК 323.1

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42>

Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама¹

А. В. Бритвин, М. В. Козлов*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Основываясь на анализе положений Священных книг, осуществленном в религиозно-ведческих и политологических научных работах, и используя методы функционализма и системного анализа, авторы защищают тезис о том, что уникальность России заключается не только в особом историко-географическом расположении, в соединении качеств Запада и Востока, но также и в развитии религиозных традиций. Гарантом величия страны является уважение традиций и культур народов, населяющих необъятную территорию России, вне зависимости от этнической и религиозной составляющих. Отмечается, что в этой связи модель государственно-религиозных отношений в концепции партнерского сотрудничества государства и религиозных объединений при соблюдении конституционных основ, обеспечения принципа обособленности, невмешательства и равноудаленности религиозных объединений от государства в условиях религиозно-политического синкретизма должна строиться на оптимальных партнерских взаимоотношениях и упрочении социально-общественной стабильности в регионе.

Ключевые слова: религиозно-политический синкретизм, Дагестан, Чечня, ислам, национальная политика, господствующая идеология.

Для цитирования: Бритвин А. В., Козлов М. В. Идеологические основы этноконфессиональной политики на Северном Кавказе и синкретизация ислама // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 42–50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42>

Original article

Ideological Framework of Ethno-Confessional Policy in the North Caucasus and the Syncretization of Islam

A. V. Britvin, M. V. Kozlov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. The problem of creating optimal harmonious state-religious relations in the North Caucasus region was one of the main in the historical period of Russia. It also has a high significance in modern Russian public discourse. The authors based on the analysis of the provisions of the Holy Books in religious and political scientific works, and used the methods of functionalism and system analysis.

¹ В рамках подготовки статьи были проведены интервью с ингушским богословом Магомедом Харсиевым, чеченским философом Вахитом Акаевым, помощником муфтия Дагестана Мухаммадом Магомедовым и заведующим отделением кафедры ЮНЕСКО ДГУ Гюльчохрой Сеидовой. См. подробнее: URL: igsu.ranepa.ru/news/p184967.

The authors of the article argue the thesis that the uniqueness of Russia lies not only in a special historical and geographical location, in the combination of the qualities of the West and the East, but also in the development of religious traditions. National tradition and culture's consideration of all large territory of Russia, its ethnic and religious components, is the guarantee of greatness of the country. In this regard, the model of state-religious relations in the concept of partnership between the state and religious organizations must be based on the constitutional foundations, on the principles of severalty, non-intervention and equidistance of religious organizations from the state. In conditions of religious and political syncretism, this model must be based on optimal partnerships and strengthening social and political stability in the region.

Keywords: religious and political syncretism, Dagestan, Chechnya, Islam, national policy, dominant ideology.

For citation: Britvin A.V., Kozlov M.V. Ideological Framework of Ethno-Confessional Policy in the North Caucasus and the Syncretization of Islam. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 42-50. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.42> (in Russian)

Религия с древнейших времен, помимо прочего, была успешным инструментом консолидации общества, играла первенствующую роль в становлении государства и была неотъемлемым фактором сохранения национально-культурной общности. Наряду с определяющим влиянием православной традиции на формирование и развития Российского государства правовые и социальные системы ислама также внесли свой весомый вклад в его идеологический фундамент.

Этноконфессиональный мир в России базируется на нравственных принципах традиционных религий, готовность к защите которых государство демонстрирует вплоть до применения силы. Государственная национальная политика России реализуется в первую очередь в соответствии с Конституцией РФ², Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях»³ и Стратегией государственной национальной политики РФ⁴. Основными положениями обозначенных правовых актов поддерживаются формы реализации интересов всех народностей страны. При условии соблюдения закрепленных в данных документах прав и свобод должно обеспечиваться общероссийское духовно-нравственное становление.

Государственная вероисповедная политика на протяжении всего периода присоединения Северного Кавказа к России корректировалась и преобразовывалась, порой кардинально, с учетом ситуации в регионе и воздействия внутренних и внешних факторов. Ввиду существовавшей в Российской империи особенности, связанной с господствовавшей православной идентичностью, народы, исповедовавшие инославные религии, ущемлялись в правах и свободах. Однако со времен Екатерины II на присоединенных территориях государство обязалось охранять и защищать храмы мусульман и их «природную» веру.

---

² Конституция РФ (принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26 сент. 1997 г. № 125-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

⁴ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 (ред. от 06.12.2018) // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Главным затруднением политики государственной власти в первой половине XIX в. стала гармонизация отношений горского населения и православных. После окончания Кавказской войны в 1864 г. горские народы ждали от государственной власти установления их частной администрации. В этой связи был введен институт царского наместничества, а судебные дела рассматривались не только по обычному праву, но и по шариату.

Принятие закона «Об укреплении начал веротерпимости» (1905 г.) являлось вынужденной мерой проведения либеральных реформ в сфере государственной вероисповедной политики. Развитие свободомыслия в стране ускорило после революционного переворота в 1917 г. и издания Временным правительством норм «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений», упразднявших ограничения в политической, миграционной, образовательной и профессиональной сферах. Но нежелание правительства реализовывать государственную вероисповедную политику в русле новых законодательных преобразований и кризис монархической модели привели к развитию сепаратистских движений.

Устранение религиозной идеологии путем упразднения институтов религии для советской власти явилось принципиальным условием становления новой политической системы. Эти и другие действия советской власти к осени 1920 г. привели к открытым локальным вооруженным восстаниям на Кавказе, которые были подавлены ценой крупных жертв ввиду отсутствия единого управления очагами сопротивления местного населения. Активное истребление религиозных лидеров, повсеместное закрытие мечетей, медресе провоцировали возникновение подпольных религиозных организаций. Ситуация на территории Чечни имела характер противостояния представителей власти и социума. Зимой 1944 г., в условиях сложной ситуации на фронте, была проведена массовая депортация чеченцев и ингушей.

В послевоенный период вопреки стараниям регионального руководства с периодическим постоянством проводились третейские шариатские суды, в результате чего влияние традиционного кавказского суфизма лишь усиливалось. Авторитет религиозных лидеров для северокавказского общества остался непрекращаемым.

После реализации политики перестройки М. С. Горбачева и принятия нового курса на свободу вероисповеданий были сняты ранее установленные ограничения в деятельности религиозных организаций. В 1989 г. была создана Исламская партия Возрождения – вторая после КПСС политическая партия СССР. Духовные лидеры были избраны депутатами Государственной Думы. Однако впоследствии Федеральный закон «О политических партиях»⁵ от 2000 г. ввел запрет на создание партий по признакам национальной и религиозной принадлежности.

Консолидация на почве этнической и национальной принадлежности – одна из первенствующих форм организации общества [4]. Взаимодействие

---

⁵ О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

идеологической пропаганды, использующей этнический фактор, с воспитательной, просветительной, культурной, эстетической и этической деятельностью характеризует идеологию как элемент, пронизывающий ведущие сферы общественных отношений.

Ислам занимает свое законное место в культуре России наряду с другими мировыми религиями. Историко-культурное наследие и преемственность ислама играют важную роль в формировании и поддержании межнациональной и межконфессиональной, а также гражданско-политической стабильности российского общества. История ислама имеет более чем тысячелетний опыт межнационального взаимодействия. В ней было разное, но современные российские духовные управления отстаивают установки как уважения национальной идентичности, так и объединяющей роли религии. Среди основных религиозных установок популяризируется почтительность, уважение к культурам и этническим своеобразиям.

Общественные инициативы российской уммы касаются межкультурного и межконфессионального диалога, патриотического воспитания молодежи, теологического обоснования нравственных установок, а также уважения к этнокультурным меньшинствам. Виднейшие исламские управления России стремятся распространить свое влияние среди мусульман самых разных регионов страны. В связи с этим наряду с организационными вопросами централизованных религиозных организаций поднимаются вопросы, касающиеся социально-политических функций.

Собственно, ислам как мировая религиозная традиция неразрывно связан с особым социально-политическим учением. Соответствующие общественные нормы и положения опираются на Коран и Сунну. Согласно религиозному представлению источником законотворческой деятельности является Бог, он же благословляет законную власть.

Ислам с момента своего появления стал мощной политической консолидирующей силой. Умма времен пророка Мухаммада руководствовалась строгими социальными нормами. Сплочение мусульман происходило через братское отношение друг к другу и стремление к нравственным идеалам и подвигам во имя веры и общественного блага.

Ислам развивался как общественная система, защищающая частную собственность, имеющая рыночные механизмы и одновременно строго следящая за справедливым распределением ресурсов. В то же время материальное неравенство остается социально-экономической проблемой многих преимущественно исламских регионов. Детальное регулирование семейно-общественных отношений отражено в шариате.

Шариатом как масштабным комплексом религиозных предписаний устанавливались не только правовые основы регулирования общественных отношений, но и отношения мусульманина с собственной совестью. Первый и главный принцип Корана – таухид, или единобожие. Помимо него, есть еще пять принципов (столпов), касающихся веры в ангелов, Коран и Сунну, посланников и пророков, посмертный суд и Божественное предопределение. Нормы шариата, которые поощряют или осуждают то или иное поведение,

проистекают из Корана и Сунны. Мусульманин должен соблюдать шариат, так как не только лишь вера, но и исполнение религиозного закона относят человека к части мусульманской уммы. Отступление от вышеуказанных принципов делает человека неверующим (кяфиром).

История ислама знает примеры успешного воспитания общечеловеческих ценностей в глубокой вере. Российские исламские духовные управления придерживаются почтительного и уважительного отношения к представителям других религий и национальностей. Идеалы справедливости и милосердия ставятся во главу угла для всех. Данные положения в том числе основываются на следующих пассажах Корана: «О вы, кто верует! Свидетельствуя пред Аллахом, Вы будьте стойко-справедливы. И пусть их неприязнь к вам не отклонит вас от (решений) справедливых. Блюдайте (строго) справедливость, – ведь это ближе к благочестию (стоит). Страшитесь разгневать Аллаха, – Поистине, Он сведущ в том, что делаете вы... И ты увидишь, что из всех людей сильнее всех вражда к уверовавшим (в Бога) многобожников и иудеев. И, несомненно, ты найдешь, что ближе всех в любви к уверовавшим те, кто говорит: мы – назореи. И это потому, что среди них есть иереи и монахи, которые гордыни лишены (и не возносятся перед другими)» [6, с. 122, 136].

Ислам начал проникать на Кавказ в VII–XI вв. в итоге арабских походов. Древнейшие кавказские мечети сохранились на юге Дагестана. С этого региона ислам стал успешно распространяться на территории современной Чечни, а позже и на всем Северном Кавказе. Поначалу будучи религией племенных военных вождей, ислам вскоре глубоко проник в быт сельской глубинки. Местные традиции (адаты) вошли в синтез с особым пониманием мироздания, арабской философией и поэтической мыслью персов. После длительного периода изменений ислам на Кавказе получил своеобразный национальный колорит [7].

В настоящее время главной особенностью северокавказского ислама является суфизм (тасаввуф). Он сильно отличается от того, что принято называть традиционным исламом на Востоке. На территории Кавказа именно ислам суфийского толка глубоко укоренен в сознании полиэтнического населения и поэтому наиболее традиционен.

Из основных черт суфизма можно выделить аскетические практики, строгую внутреннюю иерархию (вплоть до беспрекословного подчинения), поэтическую мистику, общественное поощрение разрешенного (халаль) и порицание запретного (харам). Также для суфизма характерен «культ бедности (факр), эсхатологические и покаянные настроения, удовлетворенность своей земной долей (рида), стойкое перенесение страданий и лишений (сабр)» [5, с. 225].

Суфийские братства весьма многочисленны. Их иерархическую вершину занимают шейхи-наставники. Тарикат в аутентичном смысле обозначает религиозный путь. В институциональном плане он подразделяется на вирды, включающие представителей разных этносов, тейпов (родов) и тукхумов (родовых союзов).

Новый член тариката обязан принести клятву верности своему братству и шейху. Обряд посвящения в суфизме обладает мистическим характером. Как правило, он имеет строгую обрядовую форму и служит как бы допуском

к близкому кругу шейха-наставника, к совершению коллективных молитв (намазу) и ритуальных танцев (зикру). Обязанностью членов тариката (мюридов) служит строгое повиновение главе вирда (устазу). Таким образом, суфизм представляет собой иерархическую структуру с жесткой субординацией. Каждый мюрид должен открывать устазу свои религиозно порицаемые поступки, вплоть до дурных мыслей. Посмертное почитание авлия (друзей Божиих), в основном устазов, паломничества (зияраты) в месяц Рамадан к их захоронениям также имеет свои местные особенности на Кавказе [12].

Общество представляет собой сложную развивающуюся систему, подверженную изменениям, которые происходят под влиянием не только материальных, но и духовных факторов. Эти изменения затрагивают как межличностный, так и межгрупповой и межнациональный уровни. В целом шариат регламентирует и то, и другое, и третье. Разнообразные общественно значимые постановления (фетвы) российских исламских управлений и их проповедническая деятельность направлены на обеспечение мирных и гармоничных разноуровневых общественных взаимоотношений.

Сам ислам, и в особенности его общественно-политическая составляющая, является основой стабильности северокавказского общества. А межнациональный и межконфессиональный мир выступает главным условием развития в регионе. Описанная выше сложная этнорелигиозная структура Северного Кавказа нуждается во взвешенной и мудрой политике по обеспечению гражданского единства, национального согласия, в особенности при проведении социально-экономических преобразований [9].

Современное северокавказское общество, в отличие от населения центральных российских регионов, незначительно затронуто секуляризацией, поэтому политизация религиозной сферы здесь часто приводит к так называемому исламизму. По мнению исламоведа Л. А. Баширова, исламизм «вобрал в себя протестные слои верующего населения, которые были недовольны конформизмом тарикатских лидеров, тесно связанных с политической элитой и коррумпированной властью» [3, с. 137].

Религиозные и политические процессы зачастую могут быть взаимозависимы. Духовная жизнь отражается в религиозном комплексе, который включает представления об отношениях Бога и человека, психологический аспект этнорелигиозного сознания, культово-ритуальную практику и религиозные институты. В историческом процессе социально-политических изменений институциональные элементы религиозного комплекса и даже теологические положения подвергаются трансформациям. Религиозная иерархическая структура способна влиять и на формирование социально-политической вертикали власти, что явно прослеживается на Северном Кавказе, где религиозная иерархия составляет основу иерархизации самого социума. Поэтому крайние проявления исламизма особенно опасны для региона. Подмена религиозных истин и смыслов новыми политическими идеями и идеологами приводит к формированию квазирелигиозных групп и развитию влияния религиозно-политических синкретических образований.

Развитие в регионе определенных социально-политических установок широко практикуется через использование доктрин ислама в качестве политических идеологем. Традиционное коллективистское настроение общества, его этнорелигиозное сознание в кавказских республиках, укорененное в чувстве личной ответственности за свой тарикат, вирд, тукхум, тейп и семью, является фактором успешного использования религии для достижения политических целей. Также исключительным влиянием обладают устазы и советы старейшин (алимов). Их решения носят безоговорочный характер и практически не подвержены критике. Основное трение здесь происходит в отношении узкоэтнических адатов и универсального шариата [8].

Многочисленные этносы Дагестана, представляющие собой суфийские тарикаты накшбандия, кадирия и шазилия, причисляют себя к шафиитской школе (мазхабу) суннизма. Однако на юге Дагестана также отмечен и шиизм, более характерный для приграничного Азербайджана. Тасаввуф Чечни представлен тарикатами накшбандия и кадирия.

В Чечне получило широкое развитие почитание наследия шейха кадирийского тариката Кунта-Хаджи Кишиева, в Дагестане – шейха накшбандийского тариката имама Шамиля. Во время объявленной Шамилем религиозной войны (газавата) России в XIX в. шейх Кишиев стал известен призывами к прекращению конфликта с царскими войсками [10]. Его мирные проповеди, привлечшие значительное число кавказских горцев, обернули против него силы Шамиля. Угрозы лишения жизни вынудили шейха Кишиева покинуть Кавказ и проводить жизнь в лишениях и аскетических практиках. Он смог вернуться на Кавказ уже после пленения Шамиля. История шейха Кишиева во многом имеет сходство с противодействием вооруженным сепаратистским волнениям в Чечне шейхом кадирийского тариката муфтием Чечни А. А. Кадыровым, ставшим в 2003 г. первым президентом этой республики.

Современный чеченский философ В. Х. Акаев, ссылаясь на А. А. Кадырова, выступает против идеологии и практики исламизма и вместе с тем фиксирует синкретизм этнической и религиозной идентичностей чеченцев: «Мы сначала являемся чеченцами, а потом мусульманами» [1, с. 32]. Исторический груз тяжелейших коллективных травм XX в., включая Великую Отечественную войну, депортацию чеченцев и ингушей 1944 г. и чеченские войны конца XX – начала XXI в., наглядно показал опасность пренебрежения этнорелигиозными традициями кавказских народов. Активное участие чеченских и дагестанских политиков и вооруженных сил в активизации конфликта на Юго-Востоке Украины в 2022 г. и демонстративное придание религиозному ostracism противников российской военной спецоперации стало очередной проверкой на прочность этнорелигиозной сферы, нарушение баланса которой может оказать разрушительный эффект на всю систему общественных отношений региона. Прежде всего это касается молодежи, так как социальные практики уже в ближайшем будущем будут зависеть от восприятия духовного наследия подрастающим поколением [2, с. 22].

Неповторимое сочетание множества различных этносов Северо-Восточного Кавказа не только является причиной взаимодействия различных тради-

ций, культур, менталитетов, но и оказывает влияние на религиозную специфику. Трансформация государственно-религиозных отношений в регионе в различные исторические периоды проходила не без эскалации этнорелигиозной напряженности и конфликтов. Вместе с тем прослеживалась тенденция к сращиванию институтов государственной власти и религиозных организаций. Все более видимые очертания приобретает религиозно-политический синкретизм.

Важным условием стабильности социально-политических процессов представляется исключение политизации религиозного фактора. Необходимо добиться оптимальных партнерских взаимоотношений государства и религиозных объединений и упрочить социально-общественную стабильность в регионе. Достижение такого сотрудничества возможно посредством соблюдения конституционных принципов свободы совести и вероисповедания человека и гражданина независимо от номенклатурных тенденций в социально-политической сфере [11]. Равноудаленность религиозных объединений от государства, четкое разделение предметов ведения государства и религиозных объединений и практика равной правосубъектности для религиозных объединений в условиях религиозно-политического синкретизма обеспечат условия для нивелирования политизации религиозной сферы и сглаживания межэтнических противоречий.

Список литературы

1. Акаев В. Х. Исламское возрождение в Чеченской Республике. Грозный : Грознен. рабочий, 2011. 47 с.
2. Акаев В. Х., Нанаева Б. Б. Экстремизм и терроризм в молодежной среде: противодействие средствами мобилизации этнокультурных ценностей. Махачкала : АЛЕФ, 2020. 38 с.
3. Баширов Л. А. Ислам в контексте этнополитических процессов современной России. М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, 2008. 243 с.
4. Боков Х. Х., Алексеев С. В. Российская идея и национальная идеология народов России. М. : Профиздат, 1996. 96 с.
5. Ислам : энцикл. слов. / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. М. : Наука, 1991. 315 с.
6. Кора. Сура 5 «Аль-Маида», аяты 8, 82. н / пер. смыслов и коммент. И. В. Пороховой. М. : РИПОЛ-классик, 2010. 693 с.
7. Малащенко А. В. Северный Кавказ: исламский фактор // Свободная мысль – XXI. 2001. № 9. С. 6–22.
8. Мухаммад Ю. Х. Тарикат в свете Корана и Сунны. М. : Ансар, 2012. 480 с.
9. Мchedлова М. М. Ислам и единство российского общества: современность и исторический опыт // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2015. № 1. С. 93–102.
10. Покровский Н. И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. : РОССПЭН, 2000. 511 с.
11. Шахов М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во Сретен. монастыря, 2019. 877 с.
12. Эскерханов Г. Л. Суфизм на Северо-Восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика : дис. ... канд. филос. наук. Грозный, 2011. 185 с.

References

1. Akaev V.Kh. *Islamskoe vozrozhdenie v Chechenskoj Respublike* [Islamic revival in the Chechen Republic]. Grozny, 2011, 47 p. (in Russian)
2. Akaev V.Kh., Nanaeva B.B. *Ekstremizm i terrorizm v molodezhnoj srede: protivodejstvie sredstvami mobilizacii etnokulturnyh cennostej* [Extremism and terrorism in the youth environment: counteraction by means of mobilization of ethno-cultural values]. Makhachkala, 2020, 38 p. (in Russian)

3. Bashirov L.A. *Islam v kontekste etnopoliticheskikh processov sovremennoj Rossii* [Islam in the Context of Ethnopolitical Processes in Modern Russia]. Moscow, 2008, 243 p. (in Russian)
4. Bokov Kh.Kh., Alekseev S.V. *Rossiyskaya ideya i nacionalnaya ideologiya narodov Rossii* [Russian idea and national ideology of the peoples of Russia]. Moscow, 1996, 96 p. (in Russian)
5. Miloslavsky G.V., Petrosyan Yu.A., Piotrovsky M.B., Prozorov S.M. *Islam: enciklopedicheskiy slovar'* [Islam: an encyclopedic dictionary]. Moscow, 1991, 315 p. (in Russian)
6. *Koran. Perevod smyslov i kommentarii I. V. Porohovoj* [Koran. Translation of meanings and comments by I. V. Prokhorova]. Sura 5 "Al-Maida", Ayat 8, 82. Moscow, 2010, 693 p. (in Russian)
7. Malashenko A.V. *Severny Kavkaz: islamsky factor* [North Caucasus: The Islamic factor]. *Svobodnaya mysl' – XXI* [Svobodnaya thought – 21], 2001, no. 9, pp. 6-22. (in Russian)
8. Muhammad Yu.Kh. *Tarikat v svete Korana i Sunny* [Tarikat in the light of the Qur'an and Sunnah]. Moscow, 2012. 480 p.
9. Mchedlova M.M. *Islam i edinstvo rossijskogo obshchestva: sovremennost' i istoricheskij opyt* [Islam and the unity of Russian society: modernity and historical experience]. *Islam v sovremennoy mire: vnutrigosudarstvennyy i mezhdunarodno-politicheskij aspekty* [Islam in the modern world: domestic and international political aspects], 2015. no. 1, pp. 93-102. (in Russian)
10. Pokrovsky N.I. *Kavkazskie vojny i imamat SHamiliya* [Caucasian wars and the imamate of Shamil]. Moscow, 2000, 511 p. (in Russian)
11. Shakhov M.O. *Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznykh ob"edinenij v Rossijskoj Federacii* [Legal bases of activity of religious associations in the Russian Federation]. 3rd ed., revised. and addition. Moscow, 2019, 877 p. (in Russian)
12. Eskerhanov G.L. *Sufizm na Severo-Vostochnom Kavkaze: vozniknovenie, ideologiya, praktika: specialnost* [Sufism in the North-Eastern Caucasus: emergence, ideology, practice: specialty]. Cand. sci. diss. Grozny, 2011, 185 p. (in Russian)

Сведения об авторах

Бритвин Алексей Валентинович

магистр государственного управления,
аспирант
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Российская Федерация, 115404, г. Москва,
пр-т Вернадского, 82
e-mail: britvin.av-post@mail.ru

Козлов Михаил Владимирович

кандидат политических наук,
администратор программы, факультет
международного регионоведения и
регионального управления
Институт государственной службы и
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 115404, г. Москва,
пр-т Вернадского, 82
e-mail: mv.kozlov@igsu.ru

Information about the authors

Britvin Aleksey Valentinovich

Master of Public Administration, Postgraduate
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
82, Vernadskiy ave., Moscow, 115404,
Russian Federation
e-mail: britvin.av-post@mail.ru

Kozlov Mikhail Vladimirovich

Candidate of Sciences (Politics), Program
Administrator of the Faculty of International
Regional Studies and Regional Administration
of the Institute of Public Administration and
Civil Service of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
82, Vernadskiy ave., Moscow, 115404,
Russian Federation
e-mail: mv.kozlov@igsu.ru
ORCID 0000-0003-4628-7249

Статья поступила в редакцию **03.08.2022**; одобрена после рецензирования **29.08.2022**; принята к публикации **30.11.2022**.
The article was submitted **August, 03, 2022**; approved after reviewing **August, 29, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**

УДК 322

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.51>

Интеллектуальное служение России позднего М. М. Сперанского: между идеалами и политической реальностью

В. С. Слобожникова*

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. Выявляются мировоззренческие факторы, вызвавшие изменение взглядов М. М. Сперанского: глубокая вера в Бога и творческое переосмысление европейских интеллектуальных наработок применительно к России того времени. Отмечается, что на этот процесс серьезное влияние оказали опыт реализации конституционного проекта, погружение в российскую действительность во время пребывания в опале, анализ перспектив развития чистой монархии. На этой основе показывается логика выбора поздним Сперанским формы правления в пользу самодержавия по модели «монархия с совещательными установлениями».

Ключевые слова: поздний М. М. Сперанский, политические идеалы, общественно-политические реалии России 1830-х гг., монархия с совещательными установлениями, самодержавие, аристократия, народ, искусственная и натуральная свобода.

Для цитирования: Слобожникова В. С. Интеллектуальное служение России позднего М. М. Сперанского: между идеалами и политической реальностью // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 51–60. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.51>

Original article

The Late M. M. Speransky's Intellectual Service to Russia: Between Ideals and Political Reality

V. S. Slobozhnikova*

Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation

Abstract. M. M. Speransky (1772–1839) is widely regarded as a liberal of the Alexander era and a servant of the Nicholas era, who was engaged in the codification of the. The author has identified the worldview factors that influenced the change in his views: a deep faith in God and a creative revision of European intellectual developments in relation to Russia of his time. The experience of implementing the constitutional project in the social and political realities of Russia, the immersion into Russian reality during exile and the analysis of the prospects for the development of a pure monarchy have had a serious impact. On this basis the article shows the logic of the “late” Speransky's choice of the form of government in favor of autocracy in the form of a monarchy with deliberative establishments.

Keywords: late M. M. Speransky, political ideals, social and political realities of Russia in the 1830s, monarchy with deliberative institutions, autocracy, aristocracy, people, artificial and natural liberty.

For citation: Slobozhnikova V.S. The Late M.M. Speransky's Intellectual Service to Russia: Between Ideals and Political Reality. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 51–60. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.51> (in Russian)

Выдающиеся личности практически никогда не бывают прямолинейно простыми. Изучая мировоззрение, их общественную и государственную деятельность, мы наблюдаем эволюцию прежде всего мировоззрения. Корректировку взглядов, стремление реализовать возможное в существующей реальности можно отнести к характеристикам действительно значимых фигур истории. В их число можно включить и М. М. Сперанского, 250-летие которого отмечается в 2022 г. Яркой демонстрацией его заслуг перед Россией является и постоянное обращение исследователей к его наследию и деятельности, и расширение и углубление проблематики, и организация мероприятий по случаю юбилейного года. Несмотря на заметную активизацию историков в этом направлении, «своим» М. М. Сперанского считают не только историки, но и правоведа, философы, политологи, некоторые из них отсчет времени появления политических исследований в России ведет именно со Сперанского [2].

Вне зависимости от идеологических ограничений исследователи постоянно с разной степенью интенсивности обращались к изучению его наследия и деятельности. К апологетическим можно отнести работы М. А. Корфа, С. Н. Южакова, С. М. Середонина. Отрицательно о нем отзывались Ф. М. Достоевский, А. И. Герцен, Л. Н. Толстой, В. О. Ключевский, Н. Г. Чернышевский, А. А. Корнилов, А. А. Кизеветтер. В либеральной литературе наблюдалось неприятие консерватизма Сперанского. Традиционно в научной и научно-популярной литературе воздается должное государственной деятельности Сперанского, его либерализму александровского времени, приверженности праву в годы правления Николая I [4, с. 19–20; 5, с. 7–8]. В 20–30-е гг. XIX в., в последний период своей жизни и деятельности, он вступил зрелым, много передумавшим человеком, близко познакомившимся с Россией во время пребывания в опале. Несмотря на углубление проблематики исследований по деятельности в ссылке и после нее, политические взгляды позднего Сперанского-консерватора остаются в тени Сперанского-либерала. Несовпадение взглядов, их противоречивость по-разному оценивается в литературе и до сих пор является загадкой [4, с. 23, 28–29; 5, с. 18–19]. Полагаем, что такая перемена произошла по ряду причин и имела под собой серьезную интеллектуальную основу.

Цель статьи состоит в выявлении мировоззренческих факторов, повлиявших на изменение взглядов, и основных признаков консервативности мировоззрения позднего Сперанского.

Происходящее в Западной Европе в конце XVIII – начале XIX в. представляет большой объем информации по общественно-политическому развитию. Воодушевившись европейскими «ветрами», М. М. Сперанский сформированные идеалы стремился использовать на пользу России на протяжении всей своей жизни. Либеральный задор по преобразованию России натолкнулся на серьезные препятствия при стремлении их реализации. Пересмотр

позиции, по сути отказ от либеральных устремлений, переход на консервативные позиции после возвращения из ссылки, на наш взгляд, объяснялись несколькими факторами.

Конституционные проекты Сперанского можно рассматривать в контексте западноевропейской рационалистической интеллектуальной практики, основанной на идеях Просвещения XVIII в., и общественно-политических изменений, начавшихся с Великой французской революции. В Европе происходило формирование политических идеологий как проектов преобразования действительности на рационалистической основе принципов светскости, т. е. устранения из публичного общественно-политического пространства религии. Традиционно либеральные проекты нами воспринимаются как проявление светского мировоззрения М. М. Сперанского без учета религиозного контекста, который серьезно повлиял на эволюцию либерализма в России, разрабатываемые им смыслы в дальнейшем.

Изучение теоретического наследия позволяет выявить глубокие религиозные основы его мировоззрения. Серьезное влияние на Сперанского после его возвращения из «ссылки», оригинальной по форме, оказал Н. М. Карамзин. До опалы они представляли враждебные друг другу круги, в 1820-е гг. часто встречались и беседовали. Беседы за обедами нередко продолжались по несколько часов. Полагаем, что такое общение стало возможным благодаря религиозности обоих.

Стимулом для изменения взглядов Сперанского стала глубокая вера в Бога, которая заняла место основы в его космологии. Во вселенной действуют три силы (физические, умственные и нравственные), и общее их начало – в Боге. В иерархии этих сил на первое место мыслитель ставил нравственные силы, образующие «все движения воли, все желания, намерения, произвольные деяния». В нравственном бытии «есть две разные области» – бытия личного и бытия союзного (современным языком мы бы сказали «общественного»). «Движущее начало» союзного бытия – это «союзы любви и общения», составляющие нравственный порядок, основание которого «требует еще укрепления» через две силы (через внутреннюю – религию и внешнюю – «общежительное законодательство»). Если учесть, что законодательство, регулирующее общественную жизнь, также должно составлять в соответствии с религией, то получается, что вся земная жизнь человека, по мысли М. М. Сперанского, должна быть подчинена религии [6, с. 1–21].

Земное существование человека он рассматривал как временное и частное в рамках бесконечного бессмертия: «Общежитие есть преддверие вечности». Зачем же дана человеку материализованная жизнь в обществе? «В нем человечество навывает, приуготовляется, образуется к нравственному единству». «Цель общежития есть утвердить между людьми нравственный порядок и посредством правды общежительной возвести к правде всеобщей» [6, с. 26]. В земной жизни человек и все общество только готовятся к нравственному единству. Это убеждение легло в основу взглядов М. М. Сперанского на цель общества, государства, каждого конкретного человека: «Не та цель об-

щежития, чтобы сделать каждого окончательно счастливым, но цель: 1) обезопасить каждого, 2) удостоверить труд, 3) приуготовить к высшему порядку, воспитать» [1, с. 828]. Общество – это путь, по которому люди идут сообща к высшей цели – единению с Богом и личному спасению. Для регламентации земной жизни необходимы, по Сперанскому, четыре «рода установлений»: «пределов собственности личной», «собственности вещественной», «установления верховной власти», «установления нравственные». Первые два установления «присвоены человеку от Бога, как естественное достояние разума его и воли, поэтому начало их не есть в общежитии» [6, с. 27–28]. Сперанский назвал две категории нравственных установлений: 1) религия, которая «исходит свыше, но общежитие, принимая ее в свое недра, охраняет сей дар небес от колебания, переменчивости страстей и прихотей человеческих»; 2) науки и искусства, которые смягчают нравы [6, с. 31]. На религиозной основе строится все мировоззрение Сперанского и, конечно, особенно значимая с точки зрения политической мысли концепция права и самодержавия. В религии, ее значении для общества, на наш взгляд, заключены ответы на вопросы: какая форма правления наиболее эффективна в конкретно-исторический момент и чем должно быть ограничено самодержавие?

Важнейшим фактором эволюции мировоззрения М. М. Сперанского стало творческое отношение к европейским интеллектуальным наработкам. Аргументов в пользу верности этой позиции несколько. Одним из самых ярких служит взгляд позднего Сперанского на формы государства и выбор в пользу самодержавия. В мировоззрении Сперанского сплелись идеи французского Просвещения (Монтескье и Руссо), немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), европейских романтиков, исторической школы права и многое другое и мистическое, богословское, истово религиозное [3, с. 87]. Особое влияние оказали немецкие романтики Шеллинг, Фихте, Гердер, Савиньи, А. Смит. Его эпистемологические и метафизические представления находились под сильным влиянием Шеллинга, этические и социальные концепции – под влиянием Фихте, пониманием важности для нации сохранения исторических традиций и концепций органической эволюции он обязан Гердеру и Савиньи. В области политэкономии он воспринял идеи физиократов (А. Смита и его последователей), подчеркивающих достоинства и необходимость индивидуального труда как школы «морального обучения». Сперанский глубоко воспринял идеи об органическом, естественном характере развития мира, использования в философии и истории категории «возраст», историософский вывод о «молодых» и «старых» народах.

В этом интеллектуальном контексте у него родилась новая теория государственного и правового развития России, в рамках которой речь шла не о догоняющем развитии, основанном на универсалистских подходах, а особом, свойственном именно нашей стране, так как общество и нации имеют возраст, различные социальные группы могут находиться в различных возрастных состояниях. По сути, он представил отличное от консервативного собственное видение особенности развития России в конкретно-историческом контексте.

Анализ возможных форм государственной власти Сперанский проводил на зарубежном материале, преимущественно европейском. Выбор наиболее подходящей формы правления для России того времени стал результатом систематизации большого массива эмпирического материала по политическому развитию, о чем свидетельствует прежде всего работа «Руководство к познанию законов». В ней Сперанский предложил трехуровневую классификацию форм правления, выводя из числа «правильных» деспотизм и анархию [1, с. 802–803]. Деспотизм не есть «правильная форма монархии», так как и анархия не есть форма республики. Деспотизм и анархия – две крайности, от «силы происшествий, а не от права, возникающие» [6, с. 124–125], т. е. к «правильным» следует относить только формы, созданные на законодательной основе. Взгляды Сперанского на государственные формы стали органичной частью концепции права и в ней находят объяснение [5, с. 130–138].

Так как законы общежительные могут исходить от одного лица или многих, то существует, писал Сперанский, две основные формы – монархия и республика, которые имеют сходство в двух главных началах: во-первых, власть законодательная всегда есть власть верховная, во-вторых, она всегда неразрывно соединена с властью верховного правления, поэтому две эти власти, взятые совокупно, именуются «державою или властью державною». В политической практике существует четыре рода сопряжения этих властей: монархия чистая, монархия смешанная, республика чистая, республика смешанная [6, с. 93–95].

Сперанский убежден, что ни один из видов республики России не подходит. Во-первых, этот образ правления возможен «только в весьма малом объеме народонаселения и пространства», так как «отличительное свойство республики чистой (демократии) есть, когда державное право во всей его полноте находится в руках народа», поэтому в условиях других качественных характеристик России эта форма более умозрительна, чем практически возможна. Во-вторых, в республике смешанной «державное право распределяется посредством выборов между главою правительства и законодательным установлением»; выбор главы правительства на определенный срок и формирование законодательного органа из разных аристократий предопределяет почти невозможность в этом образе правления совместить «различные направления местных польз к некоторому единству и сообщить им охранительную силу» [Там же, с. 121–123].

Сперанский выделял три вида чистой монархии: «монархия без преимуществ в правах состояния» (Турция), «монархия с преимуществами в правах состояния» (Австрия, Дания), «монархия с совещательными установлениями» (Пруссия) [Там же, с. 95–98]. В монархии чистой обе стихии власти принадлежат одному лицу, которому все подданные государства равно обязаны повиноваться. При переходе чистой монархии в смешанную возможны два варианта: или уничтожение родовой аристократии, или ее сохранение. В смешанных монархиях в случае изначальности этой формы различные аристократии не будут иметь равных прав [6, с. 110–113]. Из логики Сперанского одно-

значно следует, что современной ему России более подходит монархия, но какая? Проанализировав опыт функционирования смешанной монархии на примере Англии, Сперанский выделил несколько недостатков. В смешанной монархии власть во всей ее полноте не принадлежит государю, он ее делит с «законодательными установлениями», с формированием которых на выборной основе существует множество проблем. В них входят депутаты трех сословий (дворянства, городского, сельских обывателей), но никакой законодательной власти они не имеют, а представляют только мнения [Там же, с. 99–101]. Опыт выборов нигде не оправдал ожиданий на улучшение положения; напротив, «законодательные сословия, вновь учрежденные, везде возвысили и отяготили подати или долги, умножили прямые и косвенные налоги, родили новые нужды, расплодили новые желания, и, не доставив никакого существенного блага, усилили мечтания лжеименной свободы» [6, с. 119].

«В какой мере та или иная форма монархии достигает истинной цели общежития?» – задавался вопросом Сперанский. Если цель – материальное благополучие, то преимущества надо дать соответствующим сословиям, но цель государства – «чтоб весь народ постепенно продвигался к добру, к нравственному совершенству, находя в законах равную защиту и покровительство в произведениях своего труда и собственности» [Там же, с. 116–117]. Негативное отношение людей к общежительному порядку объясняется тем, «что приучили людей взирать на него как на последнюю цель бытия, не видя ничего далее», а «общество есть степень, а не верх нравственного порядка; верх есть религия». «Спор о формах правления есть спор о методах воспитания», – писал Сперанский [1, с. 828].

Какая форма правления наиболее приемлема для России? Из выделенных трех видов чистой монархии мыслитель в основном писал о монархиях с правами состояния и с совещательными установлениями, а менее всего о монархии без прав состояния, и очевиден его выбор в пользу чистой монархии с совещательными установлениями, так как именно она «удобнее сохранена от деспотизма» [1, с. 803] и может обеспечить желаемую умеренность. Сперанский аргументировал свой выбор, выявив проблемы на пути перехода от монархии без прав состояния к монархии с совещательными установлениями. Вне зависимости от вида монархии в ней существуют три элемента, с которыми необходимо считаться: самодержец, аристократия и народ. Каждый из этих элементов находится на определенном уровне развития – в своем возрасте, и задача власти – выравнивать уровни. В современной России один монарх способен это сделать – направлять, быть движущей силой.

Исторически сложилось, что Россия – «чистая монархия», «монархия, в которой все стихии державного права соединяются в особе императора». Верховная власть «установлена к защите правды, в содействии совести», без нее «ни собственность личная, ни собственность имущества существовать не могут», это «орган правды общежительной, в порядке общежительном», ей принадлежат только «деяния внешние общежительные», действует она наградами и принуждением [6, с. 29–31]. Два принципа лежат в основе власти императора – «самодержавие и неограниченность». Самодержавие имеет два смысла:

по отношению к государству «оно означает независимость государства от всякой посторонней власти» (в этом смысле все государства могут быть названы самодержавными); по отношению к особе государя «оно означает соединение всех стихий державного права во всей полноте их, без всякого участия и разделения» («титул самодержца означает не только власть верховную, но и власть от всякой другой власти»). «Неограниченность власти» предполагает, что никакая другая власть на земле не может положить пределов верховной власти российского самодержца. Могут быть только пределы, им самим установленные, извне – государственными договорами, внутри – словом его. Самодержец не подлежит суду человеческому, а только Божьему [6, с. 29–31, 50, 51–54, 56–57]. Таким образом, в России исторически сложился такой элемент, как самодержец. Важнейшей проблемой перехода к монархии с совещательными установлениями является состояние других элементов – аристократии и народа.

Качественное состояние этих элементов Сперанский рассматривал с позиции подданства и качества свободы. Долг подданства «лежит на всех подданных вообще и для всех равно обязателен», но участие всех в составе учреждений и «правительственных сил» не может быть равным в силу различия «способностей». В человеческом общежитии должно быть два рода свободы – гражданская и политическая. Первая – участие в праве собственности, этим правом могут обладать все. Вторая свобода состоит в «праве державном» – праве участвовать в государственной жизни. В отличие от гражданской свободы политическая свобода, т. е. «право формировать совещательные установления», участвовать в законотворчестве, высказывать свое мнение самодержцу, предоставляется только аристократии. Этому социальному слою, полагал Сперанский, необходимы обе свободы, народу же – только гражданская; такой расклад может обеспечить благосостояние страны [6, с. 45, 119–120]. Эти утверждения Сперанского можно отнести к разряду основополагающих во взглядах на подданство и степень участия населения страны в политике и явно свидетельствуют, что он стоял на позиции политического неравенства.

Аристократию Сперанский подразделял на пять видов: наследственную/родовую, церковную, «движимых имуществ и промышленности» / торгово-промышленную, служебную/чиновничью, ученую/научную. Они существуют не только в монархиях смешанных, но и в чистых. Кроме того, они делились на консервативные (наследственная знать и духовенство – ориентированы на традиционные ценности и символы власти) и прогрессивные (экономическая, бюрократическая и интеллектуальная элиты, стремившиеся к социальным изменениям). Аристократии соперничают за влияние в государстве, стремятся добиться для себя привилегий, поэтому стране необходима крепкая верховная власть, чтобы держать их «в свойственных им пределах», уравновешивать их влияние, соблюдать баланс интересов [6, с. 105–108].

Важным условием возможности предоставления аристократии политических прав, ее возможности участия в политике выступает изначальное обладание избранными сословиями «свободой искусственной», которая является деятельной, заинтересована в управлении, но с обогащением и без принуждения. Народу рабочему и черни свойственна «натуральная свобода» («свобода

ленивая и только ищет удовлетворения потребностей»), которая выражается в поисках возможности быть как можно менее управляемыми [1, с. 825–826], поэтому народ (третий элемент монархической политической системы) в современном своем возрасте не может участвовать в политике. Из рассуждений мыслителя об отличиях «натуральной свободы» народа и «искусственной» избранных сословий ясно, что только аристократия может участвовать в политике, так как «натуральная свобода» противоречит по своей сути идее управляемости общества.

В силу состояния аристократии, ее качеств нерационально вводить ограничение власти самодержца. В идеале государственные законы только тогда будут сильны, если в их составлении примет участие общий совет, который должен формироваться «по правилам единообразного выбора уравнительно из всех свободных сословий». В этом случае все зависит «от свойства избранных лиц». Сперанский привел несколько возможных сценариев такого принятия законов. «Подпорою правительства» избранные станут только в случае доверия к правительству и профессионализма. В современной России дворянство, купечество, мещанство мало понимают в политических делах, малочисленны. Духовенство и крестьянство не составляют сословий, первое – по нищете, второе – потому что не имеет собственности, отсюда «возможность законодательного сословия сильного и просвещенного, весьма мало представляет вероятности», поэтому в современных условиях «одно из двух: или сословие сие будет простое политическое зрелище, или по недостатку сведений примет оно ложное направление» [1, с. 815–817]. Чтобы власть функционировала, опираясь на закон и в рамках закона, нужна политическая элита, которая стала бы гарантом законности. Для этого необходимо учреждение и законодательное сословие (1500–2000 лиц, которые должны быть образованными, богатыми (5–10 млн дохода) и авторитетными в обществе). В современной России решаются эти вопросы «затруднительно». Плану Сперанского по созданию наследственной политической аристократии не суждено было осуществиться при его жизни, но ему многое удалось сделать [1, с. 814; 3, с. 83–84].

Таким образом, на формирование консервативных взглядов позднего Сперанского повлияли три фактора. Во-первых, вера в Бога как основу мироздания, в котором реально существующий мир зависим от потустороннего и им определяется. Для Сперанского Бог – начало всех начал во вселенной. Нравственный мир, который мыслитель ставил на первое место по значимости, укрепляется религией, являвшейся для него внутренней силой. Высшая цель человечества, общества, конкретного человека – единение с Богом, а цель общежития – приготовиться к высшему порядку, так как верх нравственного порядка составляет религия, а общество только степень достижения этой вершины. Взгляд позднего Сперанского на структуру мироздания становится цельным и стройным. Религия рассматривается как регулятор существования человеческого общества.

Второй фактор – переосмысление европейского теоретического наследия и политической практики сквозь призму российской действительности. Поменялся политический идеал мыслителя. Сперанский пришел к выводу, что в

силу политической зрелости населения и уровня подготовленности элиты России еще не готова к установлению конституционной монархии, а республика как форма правления для нее вообще непригодна. На современном этапе для России более других подходит чистая монархия с совещательными установлениями, так как она является наиболее приемлемым сочетанием необходимой для рационального правления власти самодержца и возможности аристократий высказать свое мнение, без возвышения какой-либо одной, и более других удовлетворяет цели общежития человечества. Все это ставит такую монархию выше всех остальных в ранге форм политической власти.

Третьим фактором, повлиявшим на взгляды М. М. Сперанского, выступает фактор возможности реализации монархии с совещательными установлениями в России. Приведенные умозаключения явно демонстрируют консервативность взглядов позднего Сперанского. Из трех элементов любой монархии, с которыми необходимо считаться, только самодержец, выражаясь языком политологии, как институт сложился исторически в России того времени и соответствует его задачам при данном возрасте аристократии и народа. Возможность их участия в политике Сперанский рассматривал в контексте подданства и связывал с обладанием различных видов свободы. Присущая аристократии «искусственная свобода» позволяет наделить ее политическими правами. Тип монархии Сперанский тесно увязывал с качеством аристократии, интересами разных ее групп. Народ же, характеризующийся «натуральной свободой», в эффективной политике участвовать не может, ему необходимо представить гражданскую свободу.

В целом в 1820–1830-е гг. М. М. Сперанский пересмотрел универалистские подходы к анализу будущего России, что по сути означало отказ от идеи догоняющего развития нашей страны и ориентации на Европу. Взгляды мыслителя явно носили конкретно-исторический характер, но налицо здравый смысл, глубокий анализ российской действительности, учет в прогнозах существующей реальности. Без этих качеств политика превращается в утопию и, как свидетельствует история России, дорого обходится народу.

Список литературы

1. В память графа Михаила Михайловича Сперанского, 1772–1872 / [под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб. : Изд. Императ. публ. б-ки, 1872. 855 с.
2. Пивоваров Ю. С. Михаил Сперанский: В начале «русской политики» и «русской политологии» // Политическая наука: Современное состояние и перспективы развития : пробл.-темат. сб. / РАН. ИНИОН. Отд. политологии и правоведения. М., 1997. С. 102–178.
3. Пивоваров Ю. Гений блага // Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М. : ИНИОН, 1997. Гл. 1. С. 38–90.
4. Слобожникова В. С. Научно-теоретические проблемы исследования политической мысли России 30–40-х годов XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. 100 с.
5. Слобожникова В. С. Политические идеалы мыслителей России 30–40-х годов XIX века. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 164 с.
6. Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839). Руководство к познанию законов / Соч. гр. Сперанского. СПб. : Тип. Второго отделения Собств. е. и. вел. канцелярии, 1845. 171 с.

References

1. V pamyat' grafa Mihaila Mihajlovicha Speranskago, 1772-1872 [In memory of Count Mikhail Mikhailovich Speransky, 1772-1872]. Ed. by A.F. Bychkov. Saint Petersburg, 1872, 855 p. (in Russian)
2. Pivovarov YU. S. Mihail Speranskij: V nachale “russkoj politiki” i “russkoj politologii” [Mikhail Speransky: At the beginning of “Russian politics” and “Russian Political Science”]. *Politicheskaya nauka: Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Political Science: Current state and prospects of development]. Moscow, 1997, pp. 102-178. (in Russian)
3. Pivovarov YU. Ocherki istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoy mysli XIX – pervoj treti XX stoletiya [Essays on the history of Russian socio-political thought of the 19th – first third of the 20th century.]. Gl. 1. Genij blaga [Chapter 1. The Genius of the Good.]. Moscow, INION Publ., 1997, pp. 38-90. (in Russian)
4. Slobozhnikova V.S. *Nauchno-teoreticheskie problemy issledovaniya politicheskoy mysli Rossii 30-40-h godov 19th veka* [Scientific-theoretical problems of the study of political thought in Russia in the 30-40s of the 19th century]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 2001, 100 p. (in Russian)
5. Slobozhnikova V.S. *Politicheskie idealy myslitelej Rossii 30-40-h godov XIX veka* [Political ideals of the thinkers of Russia in the 30s-40s of the XIX century]. Saratov, Saratov Univ. Publ., 2000. 164 p. (in Russian)
6. *Speranskij, Mihail Mihajlovich (1772-1839). Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [Guide to the knowledge of laws]. Saint Petersburg, 1845, 171 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Слобожникова Валентина Сергеевна
 доктор политических наук, профессор,
 кафедра философии
 Саратовская государственная юридическая
 академия
 Российская Федерация, 410056,
 г. Саратов, ул. Вольская, 1
 e-mail: slvase@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6952-991X

Information about the author

Slobozhnikova Valentina Sergeevna
 Doctor of Sciences (Political Science)
 Professor, Department of Philosophy
 Saratov State Law Academy
 1, Volskaya st., Saratov, 410056,
 Russian Federation
 e-mail: slvase@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-6952-991X

Статья поступила в редакцию **26.10.2022**; одобрена после рецензирования **15.11.2022**; принята к публикации **30.11.2022**
 The article was submitted **October, 26, 2022**; approved after reviewing **November, 15, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**

5.5.4. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ / INTERNATIONAL RELATIONS

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 61–69

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 323.21 + 327.88

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61>

После А. аз-Завахири: изменится ли «кибердоктрина» «Аль-Каиды»?¹

Л. В. Цуканов*

*Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург,
Российская Федерация*

Аннотация. Исследуется «кибердоктрина» террористической организации «Аль-Каида»²*, определявшая направления действий джихадистов в цифровом пространстве в период руководства Аймана аз-Завахири (2011–2022 гг.). Анализируются основные этапы трансформации «кибердоктрины» «Аль-Каиды»* – с момента ее формулирования (2012 г.) до ликвидации А. аз-Завахири (2022 г.), выявляются ее наиболее устойчивые элементы. Делается вывод, что «кибердоктрина» А. аз-Завахири, несмотря на декларируемый идеологами «Аль-Каиды»* «наступательный» характер, в большей степени сосредоточена на вербовочно-пропагандистском аспекте деятельности в цифровом пространстве, в то время как другим направлениям работы уделено меньшее внимание – в первую очередь в силу нехватки квалифицированных кадров. Также подчеркивается, что со смертью «эмира» началась переоценка стратегии «Аль-Каиды»*, ввиду чего новое наполнение «кибердоктрины» группировки во многом будет зависеть от личной позиции ее нового лидера и, как следствие, может варьироваться от незначительной трансформации до полного пересмотра. Предлагается несколько сценариев дальнейшего развития ситуации, наиболее вероятным из которых является сохранение идеологических основ «кибердоктрины» и прежнего упора на пропагандистскую работу.

Ключевые слова: кибербезопасность, международный терроризм, «Аль-Каида»*, ИГИЛ*, Айман аз-Завахири.

Для цитирования: Цуканов Л. В. После А. аз-Завахири: изменится ли «кибердоктрина» «Аль-Каиды»? // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 61–69. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61>

¹ Террористическая организация, запрещена в России.

² Здесь и далее звездочкой отмечены террористические организации, запрещенные в Российской Федерации.

After A. Al-Zawahiri's: Will Al-Qaeda's* "Cyberdoctrine" Be Changed?

L. V. Tsukanov

Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of Al-Qaeda's* "Cyberdoctrine", which was formulated by Ayman al-Zawahiri, the second leader of the group, and regulated the activities of jihadists in the digital space in the period from 2011 to 2022. It should be emphasized that this topic has not yet received wide coverage in specialized literature, although it is relevant against the backdrop of the radicals' desire to strengthen their positions in cyberspace. The chronological framework of the study covers the period from 2012 (formulation of the "Cyberdoctrine") to 2022 (liquidation of A. al-Zawahiri). Within the specified period, the author analyzes the key stages in the transformation of the "Cyberdoctrine", identifying its characteristic features. The author comes to the conclusion that A. al-Zawahiri's "Cyberdoctrine" is based on propaganda and recruitment instruments in the digital space, while other aspects of activity are given less attention, including due to the lack of professional hackers in the ranks of jihadists. The author also draws attention to the fact that the death of A. al-Zawahiri entails a reassessment of the strategy of Al-Qaeda*. The content of the new "Cyberdoctrine" will depend, first of all, on the personal views of the new head of the group, which is why it can be seriously rethought. Several scenarios are proposed for the further development of the situation, the most likely of which is the preservation of the ideological foundations of the "Cyberdoctrine" and, as a result, the former emphasis on propaganda work.

Keywords: cybersecurity, international terrorism, Al-Qaeda*, ISIS*, Ayman al-Zawahiri.

For citation: Tsukanov L.V. After A. al-Zawahiri's: Will Al-Qaeda's "Cyberdoctrine" Be Changed? . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 61-69. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.61> (in Russian)

Введение

Одной из актуальных угроз глобальной архитектуре безопасности остается международный терроризм. Однако по мере цифровизации мира наряду с его традиционными формами распространение получает и кибертерроризм. Радикальные исламистские организации рассматривают цифровое пространство как перспективное поле деятельности, позволяющее существенно расширить географию присутствия, что, в свою очередь, ведет к выработке террористами собственных стратегий киберборьбы, являющейся частью более широкого понятия «киберджихад»³ [14]. Учитывая, что Российская Федерация вовлечена в противодействие исламистской угрозе (включая ее цифровую составляющую), тема представляет интерес и с академической, и с практической точек зрения. Дополнительное внимание к теме привлекла и ликвидация Аймаана аз-Завахири⁴ (лидера «Аль-Каиды»*) в августе 2022 г., поскольку с его смертью начался комплексный пересмотр стратегии действий группировки.

---

³ «Киберджихад», или «цифровой джихад», – противозаконные атаки или угрозы атак на компьютеры, сети и хранимую в них информацию для устрашения или принуждения правительства или граждан к какому-либо действию в политических или общественных целях. См.: [14].

⁴ Несмотря на то что США по-прежнему не предоставили исчерпывающих доказательств ликвидации А. аз-Завахири, в рамках данной статьи предлагается считать факт гибели лидера «Аль-Каиды»* достоверным.

Следует отметить, что рассматриваемая проблематика представлена в современном научном поле внушительным количеством исследований и характеризуется высокой степенью дискуссионности ввиду разнообразия методологических подходов. Вместе с тем российские и зарубежные эксперты сходятся во мнении, что кибертерроризм перешел в группу первоочередных угроз и требует комплексного осмысления. Как правило, на передний план выдвигаются вопросы, связанные с обзором усилий радикалов в области развития собственного киберпотенциала [5; 13; 15], разработкой механизмов комплексного противодействия подобного рода угрозам на глобальном и региональном уровнях [1–3], а также оценкой влияния цифрового фактора на развитие систем безопасности в целом [4; 8; 10]. С другой стороны, несмотря на достаточно обширную научную базу, большинство работ посвящено допандемийному периоду деятельности глобального исламистского подполья, в то время как специфические черты трансформации стратегий джихадистов после 2019 г. практически не освещены. Данная работа позволяет в определенной степени устранить указанный пробел.

Источниковой основой исследования стали отчеты международных организаций, ведущих экспертных центров, специализирующихся на вопросах кибербезопасности; материалы информационно-новостных ресурсов. Важно указать, что стратегия поведения «Аль-Каиды»* в киберпространстве не подкреплялась какими-либо документами⁵, поэтому применительно к предмету исследования понятия «кибердоктрина» и «цифровая доктрина» заключены в кавычки.

В ходе исследования были применены такие методы, как системный анализ, инвент-анализ, моделирование и прогнозирование.

«Кибердоктрина» аз-Завахири: этапы трансформации

Айман аз-Завахири возглавил «Аль-Каиду»* в мае 2011 г., через несколько суток после ликвидации ее основателя (Усамы бен Ладена), и в целом сохранил прежний вектор развития группировки. Однако некоторые направления ее деятельности были переосмыслены – например, политика в отношении киберпространства. А. аз-Завахири разделял взгляды предшественника на формат ведения цифровой борьбы, продолжая позиционировать интернет-пространство в качестве «поля битвы за умы мусульман» и поддерживая наращивание пропагандистской составляющей работы в Сети⁶. В то же время новый лидер «Аль-Каиды»* считал другие направления цифровой деятельности недостаточно развитыми и даже дискредитирующими. На этом фоне были подвергнуты критике (а в дальнейшем практически сведены на нет) некоторые традиционные для джихадистов способы обогащения – в первую очередь фишинговые атаки и спам-рассылки (так называемый E-Jihad), которые, по мнению А. аз-Завахири, наносили группировке серьезный имиджевый урон

⁵ Формулирование «кибердоктрины» было произведено в формате послания к сторонникам в июне 2012 г., а в дальнейшем растиражировано в пропагандистских материалах медиакрыла «Ас-Сахаб».

⁶ Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol. 24.05.2022. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/online-jihadist-propaganda-2021-in-review/> (дата обращения: 10.10.2022).

[12]. Результатом первичных преобразований стало формулирование в 2012 г. «кибердоктрины» группировки, в которой впервые с момента ее создания были официально обозначены приоритетные направления деятельности в цифровом мире (пропагандистская и вербовочная деятельность, проведение «акций устрашения» и пр.), а также определено место «Аль-Каиды»* в новой digital-реальности. Среди прочего предполагалось, что радикалы сделают акцент и на «ударные» акции и постепенно выведут интенсивность своих кибератак на уровень 2006–2008 гг.

Однако углубившийся вследствие гибели У. бен Ладена идейный раскол внутри «Аль-Каиды»* и последовавшее за ним обособление части джихадистских ячеек в конкурирующую структуру (ИГИЛ*) в 2013 г. привели к частичному пересмотру принятой ранее «кибердоктрины»: внимание было уделено дополнительному идеологическому обоснованию курса на укрепление связей джихадистов с хакерскими движениями (в том числе немусульманскими), а также работе по формированию «противовеса» созданным в структуре ИГИЛ* цифровым квазиинститутам [5, р. 227, 230–231]. В частности, в рамках обозначенного курса в январе 2015 г. был учрежден «цифровой батальон “Аль-Каиды”»* – объединение радикальных хакеров, провозгласивших своей целью «ведение джихада в цифровом пространстве»⁷. Параллельно с этим на ключевых медиаресурсах группировки появились «воззвания», в которых А. аз-Завахири называл киберкоманду «главной силой в борьбе с внешними и внутренними врагами» [12], подчеркивая значимость ее деятельности для террористов. Дополнительным направлением деятельности в этот период стало формирование собственных цифровых подразделений в составе филиалов «Аль-Каиды»* в других регионах, что, по замыслу А. аз-Завахири, должно было расширить наступательные возможности джихадистов и укрепить авторитет группировки в целом.

На практике эффективность «цифрового батальона “Аль-Каиды”»* и «региональных» киберкоманд оказалась ниже ожидаемой. Согласно отчетам правоохранительных органов ряда западных стран, более 90 % хакерских атак радикалов в 2015–2017 гг.⁸ окончились провалом, что было обусловлено низким уровнем подготовки нападавших и отсутствием у них необходимых инструментов обхода цифровой защиты [11]. Другой проблемой для джихадистов стала невозможность обеспечить эффективное взаимодействие разных филиалов группировки в киберпространстве, что впоследствии вылилось в ряд конфликтов между «центром» и «региональными» ячейками⁹. Как итог «цифровые подразделения» были довольно быстро выведены из публичного пространства, а основной акцент в деятельности «Аль-Каиды»* на цифровом треке вновь сместился в плоскость пропагандистской и вербовочной работы.

⁷ Cyber-Terrorism Activities Report N 16 // International Institute for Counter-Terrorism. 20.03.2016. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).

⁸ Timeline of Cyber Incidents Involving Financial Institutions // Carnegie Endowment for International Peace. 10.07.2021. URL: <https://carnegieendowment.org/specialprojects/protectingfinancialstability/timeline> (дата обращения: 12.10.2022).

⁹ Cyber-Terrorism Activities Report N 16 // International Institute for Counter-Terrorism. 20.03.2016. URL: <https://www.ict.org.il/UserFiles/ICT-Cyber-Review-16.pdf> (дата обращения: 07.10.2022).

С началом пандемии COVID-19 деятельность «Аль-Каиды»* в Сети получила дополнительный импульс к развитию. Помимо актуализации ряда ключевых для группировки идеологических конструктов¹⁰, радикалы сделали ставку на постепенное увеличение числа собственных внеплатформенных веб-сайтов и мобильных приложений, управляемых членами группировки или сочувствующими им лицами [9]. В частности, в этот период был запущен специализированный портал Sadaislam, а также создано информационно-развлекательное приложение для смартфонов Thabat, что позволило существенно увеличить охваты пропагандистских материалов [Там же]. Вместе с тем наступательная составляющая деятельности радикалов постепенно была сведена в формат атак лояльных хакеров-одиночек (Lone Wolves) – это объяснялось как неблагоприятной эпидемиологической обстановкой в мире, так и меньшей заметностью одиночных исполнителей для правоохранительных органов и специальных служб – и вплоть до настоящего момента практически не координировалась со стороны «Аль-Каиды»*, что позволяет говорить об отсутствии у джихадистов достаточного ресурса для наступления в цифровом пространстве.

Уничтожение аз-Завахири и будущее «кибердоктрины»

Ликвидация аз-Завахири в августе 2022 г. привела к тому, что в деятельности группировки образовался «переходный период», а все крупные операции (включая акции в киберпространстве) были временно остановлены – до момента избрания нового лидера. Согласно отчету группы экспертов Международного центра по борьбе с терроризмом, Совет шуры¹¹ «Аль-Каиды»* предварительно назвал несколько кандидатур на пост руководителя. Это Саиф аль-Адель, доверенное лицо У. бен Ладена и один из наиболее авторитетных функционеров «Аль-Каиды»*, и Абд аль-Рахман аль-Магриби, зять А. аз-Завахири, ранее курировавший работу медиакрыла «Ас-Сахаб». Также на высокий пост претендуют представители ключевых региональных филиалов группировки – лидер «Аш-Шабаб»* Ахмед Дирие и глава «Аль-Каиды» в странах исламского Магриба* Йезид Мебарек [6].

Указанные претенденты являются представителями разных ветвей управления группировки и, как следствие, по-разному оценивают текущий вектор развития группировки, включая модель цифрового поведения. Так, представители «военной» и «медиа» ветвей организации (интересы которых представляют С. аль-Адель и А. аль-Магриби соответственно) в целом выступают за сохранение сформированных ранее основ стратегии поведения в киберпространстве, в то время как кандидаты от региональных отделений,

¹⁰ Концепция «Великого исламского халифата», лежащая в основе «исторической миссии» «Аль-Каиды»*, была частично экстраполирована на цифровое пространство. В частности, представители группировки заявили о намерении принять роль «защитников мусульман» в цифровом пространстве и бороться с «тлетворной пропагандой крестоносцев». См., напр.: Online Jihadist Propaganda – 2021 in review // Europol. 24.05.2022. URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-events/publications/online-jihadist-propaganda-2021-in-review> (дата обращения: 10.10.2022).

¹¹ Управляющий совет группировки из числа наиболее авторитетных джихадистов, наделенных полномочиями принимать решения стратегического характера.

напротив, лоббируют идею трансформации всех аспектов цифровой борьбы – вплоть до калькирования стратегии ИГИЛ* периода правления А. аль-Багдади и переноса акцентов на региональные киберкоманды [Там же].

Отсутствие единства взглядов, демонстрируемое ключевыми кандидатами на пост «эмира», свидетельствует об отсутствии у джихадистов устойчивой «модели преемственности». Эксперты подчеркивают, что, в отличие от ИГИЛ*, где новый «халиф» определялся в соответствии с завещанием предшественника, «Аль-Каида»* по-прежнему принимает подобные решения в формате ad-hoc – во избежание превентивной точечной ликвидации наиболее вероятных преемников [7]. В этой связи будущее «кибердоктрины» «Аль-Каиды»*, как и других составляющих деятельности группировки, на данном этапе полностью зависит от личных взглядов нового «эмира».

Заключение

За более чем 10 лет руководства А. аз-Завахири «Аль-Каидой»* основой его «кибердоктрины», несмотря на несколько попыток трансформации, оставалась агитационно-вербовочная работа, в то время как «ударно-наступательный» аспект деятельности практически не развивался и имел реактивный характер – в первую очередь ввиду отсутствия достаточного деструктивного киберпотенциала, а также отсутствия достаточной координации между «основными» и «региональными» киберкомандами. Вместе с тем подобная расстановка акцентов позволяла не только создавать видимость глубокой вовлеченности в цифровые процессы, но и не вступать в серьезную конфронтацию с частью международного хакерского сообщества, отвергающей радикальные идеи.

В то же время ликвидация лидера «Аль-Каиды»* и перспектива избрания нового «эмира» ставят под вопрос целесообразность следования текущим установкам, что, в свою очередь, может привести к пересмотру стратегии поведения радикалов в киберпространстве. И в данном случае вектор трансформации будет во многом зависеть от личностного фактора.

Исходя из изложенного выше, можно предложить несколько вариантов дальнейшего развития ситуации. Так, согласно первому сценарию, новое руководство «Аль-Каиды»* серьезно пересмотрит стратегию поведения в киберпространстве, сделав акцент на «ударные» технологии, что потребует изменения доктринальных основ деятельности. Впрочем, трансформация в этом случае будет носить постепенный характер, поскольку джихадистам потребуется провести серьезную подготовительную работу (прежде всего восстановить ранее утраченные связи с лояльными хакерскими командами, а также подготовить идеологическое обоснование изменений), ввиду чего вероятность реализации подобного сценария – *средняя*.

Противоположный сценарий предполагает, что джихадисты практически полностью откажутся от продолжения борьбы в киберпространстве, сместив фокус на активизацию традиционных форм террора в регионах присутствия (в то время как акции «цифрового джихада» будут иметь единичный характер). Основанием для подобных суждений можно считать относительно сильные «предвыборные» позиции представителей «филиалов» «Аль-Каиды»*.

Тем не менее даже в случае их победы полноценный отказ от цифровых инструментов (в первую очередь пропагандистских) маловероятен, поскольку поставит под сомнение постулаты не только А. аз-Завахири, но и У. бен Ладена, а также многократно сузит пространство возможностей группировки. Это чревато новым расколом среди джихадистов – более глубоким, чем в начале 2010-х гг. Аналогичным образом будет воспринята и попытка адаптировать цифровой опыт ключевого конкурента (ИГИЛ*) под нужды группировки, по этой причине вероятность реализации сценария – *низкая*.

Также не следует исключать, что группе джихадистов во главе с А. аль-Магриби, разделяющих взгляды аз-Завахири на политику в отношении киберпространства, удастся сохранить текущее влияние, что обеспечит плавный трансфер власти внутри группировки. В этом случае существовавшая ранее «кибердоктрина» не претерпит значительных изменений, будут трансформированы лишь отдельные ее аспекты (например, касающиеся формата взаимодействия с хакерскими командами), что позволит избежать дальнейшего распада цифровых систем группировки. Этот вариант на данный момент является *наиболее вероятным*.

Так или иначе, все сценарии имеют точку пересечения: вне зависимости от исхода до конца «переходного» периода (т. е. в ближайшие несколько месяцев) радикалы не будут предпринимать активных наступательных действий в цифровом пространстве, сосредоточившись на решении внутренних проблем. В противном случае возрастает риск разбалансировки киберструктур группировки.

Подобное положение дел, разумеется, не исключает возможности проведения лояльными «Аль-Каиде»* хакерами-одиночками собственных кибератак (например, взломов «бегущей строки» новостных каналов), однако они, с высокой долей вероятности, получают слабое освещение на пропагандистских ресурсах радикалов – в первую очередь ввиду непредсказуемости позиции потенциального «эмира».

Список литературы

1. *Антонян Е. А.* Вопросы применения новых технологий в противодействии кибертерроризму // Мониторинг правоприменения. 2020. № 1. С. 51–55.
2. *Базаркина Д. Ю.* Зачем Европе Европол? // Современная Европа. 2012. № 3. С. 29–38.
3. *Бартенев В. И.* Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2011. № 3. С. 37–50.
4. *Валиахметова Г. Н., Кашаф К. Ш.* Радикально-экстремистская угроза в цифровом измерении: в поисках путей противодействия // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2019. № 4. С. 84–99.
5. *Ejazi F.* Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space // Media and Terrorism in the 21st Century. IGI Global, 2022. P. 224–236.
6. *Harmouch S.* The question of succession in Al-Qaeda // War on the rocks. 2022. Sept. 29. URL: <https://warontherocks.com/2022/09/the-question-of-succession-in-al-qaeda/> (date of access: 10.10.2022).
7. *Ingram H., Whiteside C.* Generation killed: the challenges of routinizing global Jihad // War on the rocks. 2022. Aug. 18. URL: <https://warontherocks.com/2022/08/generation-killed-the-challenges-of-routinizing-global-jihad/> (date of access: 10.10.2022).

8. Mapping global cyberterror networks: an empirical study of al-Qaeda and ISIS cyberterrorism events / C. S. Lee [et al.] // *Journal of Contemporary Criminal Justice*. 2021. Vol. 37, N 3. P. 333–355.
9. Lyammouri R., Nsabia H. The Digital Transformations of Al-Qaeda and Islamic State in the Battle Against Online Propaganda // *Global network on Extremism and Technology*. 2022. May 19. URL: <https://gnet-research.org/2021/05/19/the-digital-transformations-of-al-qaeda-and-islamic-state-in-the-battle-against-online-propaganda/> (date of access: 10.10.2022).
10. Cyber terrorism and public support for retaliation—a multi-country survey experiment // R. Shandler [et al.] // *British Journal of Political Science*. 2022. N 2. P. 850–868.
11. Soesanto S. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will // *Real Instituto Elcano*. 2020. Apr. 17. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (date of access: 05.10.2022).
12. Teasuro L. The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // *Small Wars Journal*. 2018. Dec. 8. URL: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism> (date of access: 08.10.2022).
13. Treiblmajer A. et al. The New Wars: Terrorism and “Asymmetric” Warfare // *Vojenské rozhledy*. 2021. Vol. 30, N 4. P. 93–108.
14. Weimann G. Lone Wolves in Cyberspace // *Journal of Terrorism Research*. 2012. Sept. 22. URL: <https://cvir.st-andrews.ac.uk/articles/10.15664/jtr.405/> (date of access: 16.10.2022).
15. Williams M. Combating Cyber-Jihad // *RUSI*. 2006. Sept. 20. URL: <https://rusi.org/publication/combating-cyber-jihad> (date of access: 10.10.2022).

References

1. Antonjan E.A. Voprosy primeneniya novyh tehnologij v protivodejstvii kiberterrorizmu [Issues of application of new technologies in countering cyberterrorism]. *Law enforcement monitoring*, 2020, no. 1, pp. 51–55. (in Russian)
2. Bazarkina D.Ju. Zachem Evrope Evropol? [Why does Europe need Europol?]. *Modern Europe*, 2012, no. 3, pp. 29–38. (in Russian)
3. Bartenev V.I. Sek'juritizacija sfery sodejstvija mezhdunarodnomu razvitiyu: analiz politicheskogo diskursa [Securitization of the sphere of international development assistance: analysis of political discourse]. *Bulletin of international organizations: education, science, new economy*, 2011, no. 3, pp. 37–50. (in Russian)
4. Valiahmetova G.N., Kashaf K.Sh. Radikalno-jekstremistskaja ugroza v cifrovom izmerenii: v poiskah putej protivodejstvija [Radical extremist threat in the digital dimension: in search of ways to counter]. *Vestnik MSLU. Social Sciences*, 2019, no. 4, pp. 84–99. (in Russian)
5. Ejazi F. Performance of Virtual Terrorism in Cyber Space. *Media and Terrorism in the 21st Century. IGI Global*, 2022, pp. 224–236.
6. Harmouch S. The question of succession in Al-Qaeda. Available at: <https://warontherocks.com/2022/09/the-question-of-succession-in-al-qaeda/> (date of access: 10.10.2022).
7. Ingram H., Whiteside C. Generation killed: the challenges of routinizing global Jihad. Available at: <https://warontherocks.com/2022/08/generation-killed-the-challenges-of-routinizing-global-jihad/> (date of access: 10.10.2022).
8. Lee C.S. et al. Mapping global cyberterror networks: an empirical study of al-Qaeda and ISIS cyberterrorism events. *Journal of Contemporary Criminal Justice*, 2021, vol. 37, no. 3, pp. 333–355.
9. Lyammouri R., Nsabia H. The Digital Transformations of Al-Qaeda and Islamic State in the Battle Against Online Propaganda. Available at: <https://gnet-research.org/2021/05/19/the-digital-transformations-of-al-qaeda-and-islamic-state-in-the-battle-against-online-propaganda/> (date of access: 10.10.2022).
10. Shandler R. et al. Cyber terrorism and public support for retaliation—a multi-country survey experiment. *British Journal of Political Science*, 2022, no. 2, pp. 850–868.
11. Soesanto S. Cyber Terrorism. Why it exists, why it doesn't, and why it will. Available at: <https://www.realinstitutoelcano.org/en/analyses/cyber-terrorism-why-it-exists-why-it-doesnt-and-why-it-will/> (date of access: 05.10.2022).
12. Teasuro L. The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism. Available at: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism> (date of access: 08.10.2022).

13. Treiblmaier A. et al. The New Wars: Terrorism and “Asymmetric” Warfare. *Vojenské rozhledy*, 2021, vol. 30, no. 4, pp. 93-108.

14. Weimann G. Lone Wolves in Cyberspace. Available at: <https://cvir.standrews.ac.uk/articles/10.15664/jtr.405/> (date of access: 16.10.2022).

15. Williams M. Combating Cyber-Jihad. Available at: <https://rusi.org/publication/combating-cyber-jihad> (date of access: 10.10.2022).

Сведения об авторе

Цуканов Леонид Вячеславович
аспирант, кафедра востоковедения,
департамент (факультет)
международных отношений
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
Российская Федерация, 620050,
г. Екатеринбург, ул. Мира, 19
e-mail: leon.tsukanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6882-9841

Information about the author

Tsukanov Leonid Vyacheslavovich
Postgraduate, Department of Oriental Studies,
Department (Faculty) of International
Relations
Ural Federal University named after the First
President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mir st., Yekaterinburg, 620050,
Russian Federation
e-mail: leon.tsukanov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6882-9841

УДК 327(571.53:52)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.70>

Динамика взаимодействия Иркутской области и Японии во втором десятилетии XXI в.: возможности и вызовы

И. В. Олейников*

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

Аннотация. Исследуются проблемы развития российско-японского международного взаимодействия в политико-административной, экономической и гуманитарной сферах на примере Иркутской области во втором десятилетии XXI в. Реализация двусторонних связей рассматривается посредством применения функционального подхода в теории интеграции и концептов неореализма и рационального актора. Используются материалы периодической печати, а также специальная литература по проблеме.

Ключевые слова: международное взаимодействие, Россия, Япония, Иркутская область, Сибирь.

Для цитирования: Олейников И. В. Динамика взаимодействия Иркутской области и Японии во втором десятилетии XXI в.: возможности и вызовы // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 70–80. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.70>

Original article

Dynamics of Interaction Between the Irkutsk Region and Japan in the Second Decade of the 21st Century: Opportunities and Challenges

I. V. Oleynikov*

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation
Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the problems of the development of Russian-Japanese international cooperation in the political, administrative, economic and humanitarian spheres on the example of the Irkutsk region in the second decade of the 21st century. The implementation of bilateral ties is considered through the application of a functional approach in the theory of integration and the concepts of neorealism and rational actor. The article was prepared on the basis of periodical press materials, with the involvement of special literature on the problem.

Keywords: international interaction, Russia, Japan, Irkutsk region, Siberia.

For citation: Oleynikov I.V. Dynamics of Interaction Between the Irkutsk Region and Japan in the Second Decade of the 21th. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 70–80. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.70> (in Russian)

Выстраивание контактов Иркутской области и Японии имеет давнюю историю. Еще в 1966 г. были заложены основы их современного взаимодействия Соглашением об установлении братских отношений между Иркутским областным отделением общества «СССР – Япония» и Федерацией отделений общества «Япония – СССР» префектуры Исикава. В начале XXI в. активизировалось сотрудничество Иркутской области и префектур Японии в культурной и гуманитарной областях, поступательно развивались и торгово-экономические связи. В 2001 г. в г. Шелехове состоялась встреча Президента РФ В. В. Путина и премьер-министра Японии Ёсиро Мори, по итогам которой было принято Иркутское заявление о дальнейшем продолжении переговоров по проблеме мирного договора¹. Иркутск стал местом проведения Российско-японского форума², на котором поднимались вопросы возможного сотрудничества представителей японского и российского бизнеса в период после мирового финансового кризиса 2008 г., затрагивались и вопросы контактов в сфере образования, культуры и гуманитарных проектов.

Но каким образом происходило развитие российско-японских контактов в политико-административной, экономической и гуманитарной сфере на субнациональном уровне во второй декаде XXI в.? Воздействие каких факторов обуславливало их динамику? Представляется необходимым анализ возможностей и вызовов в развитии российско-японских связей на примере Иркутской области.

В отечественной литературе тема российско-японского взаимодействия на субнациональном уровне применительно к Иркутской области отражена не в полной мере. Ряд работ справочного характера по проблеме или приуроченных к юбилейным датам опубликованы в 1990-е гг. [1; 6]. Из исследований конца 2000-х – начала 2010-х гг. следует выделить статью Е. В. Жарковой [3] об инвестициях Японии в развитие нефтегазодобывающего комплекса Иркутской области и снабженное фотоиллюстрациями юбилейное издание «Книга дружбы», посвященное 45-летию дружественных связей Иркутской области и Японии, в котором содержатся обзорные материалы, исторические исследования, воспоминания и впечатления основателей побратимских связей и участников международных обменов [5]. В последние годы в основном изучаются вопросы связей советского периода: контакты по линии Иркутского областного отделения общества «СССР – Япония» отражены в публикациях В. Г. Дацышена [2] и О. В. Чижиковой [9]. Обзор состояния сотрудничества между городами-побратимами Иркутской области и Японии в постсоветский период был выполнен Е. Л. Кичатиновой [4].

На взаимодействие Иркутской области и префектур Японии воздействуют различные факторы – как позитивные, так и негативные, рассмотрение которых следует начать с применения функционального подхода в теории интеграции и концептов неореализма и рационального актора. Функциональный

¹ Состоялись переговоры Владимира Путина и Премьер-министра Японии Ёсиро Мори // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40681> (дата обращения: 01.11.2022).

² Ответ официального представителя МИД России А. А. Нестеренко на вопрос СМИ в связи с Шестым российско-японским форумом в Иркутске // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1613286/ (дата обращения: 02.11.2022).

подход будет полезен для анализа двустороннего субнационального сотрудничества, привлечение концепта неореализма инструментально необходимо для рассмотрения зависимости побратимских и экономических контактов от общей динамики российско-японского внешнеполитического взаимодействия, функционирования международной системы, подход с позиции рационального актора помогает выявить прагматику в действиях сторон.

Контакты Иркутской области с японскими партнерами на субнациональном уровне системно зависят от общей динамики российско-японских отношений, испытывающей давление международной системы и ограничивающей реализацию сотрудничества, что соотносится с концептом неореализма. На протяжении второго десятилетия XXI в. между Россией и Японией неоднократно проводились переговоры на высшем уровне [8, с. 55–57]. Стороны планировали решить проблему отсутствия мирного договора, для японских администраций важным было решение вопросов «северных территорий», в то время как для российской стороны необходимо было привлечь японские инвестиции в экономику регионов Сибири и Дальнего Востока. Как отмечает отечественный исследователь Д. Стрельцов, «в Японии преобладает точка зрения о том, что экономика должна следовать за политикой, то есть стимулируемые японским правительством экономические проекты в России должны способствовать решению стоящих перед Японией политических задач. Поэтому, в представлении Токио, инвестиции в Россию рассматриваются не обязательно в контексте окупаемости или экономической эффективности, скорее это форма «помощи», призванной побудить Москву принять на себя ответные моральные обязательства и проявить компромисс по территориальному спору» [7].

Функциональное взаимодействие как один из подходов в теории интеграции с течением времени приводит к формированию более тесных связей в разных областях между сотрудничающими акторами, что делает более сложным конфликт в силу наличия комплексных взаимовыгодных контактов. В российско-японских отношениях на субнациональном уровне на протяжении нескольких десятилетий шло интенсивное формирование функциональных связей, это благотворно сказывалось на двустороннем сотрудничестве. Проследим эти тенденции на примере Иркутской области.

Международное взаимодействие между Иркутской областью и Японией функционально можно разделить на связи в политико-административной области, взаимодействие в экономической сфере и контакты в гуманитарной плоскости.

Системным фактором, способствовавшим укреплению межрегиональных связей *в политико-административной области*, стали мероприятия, прошедшие с участием и при поддержке общества «Исикава – Россия». Так, Иркутск посещал бывший премьер-министр Японии Ёсиро Мори (2010, 2011 гг.), состоялись визиты в областной центр чрезвычайного и полномочного посла Японии в России Тикахито Харада (2010, 2011 гг.). Иркутск встречал делегации парламентариев, возглавляемые депутатом Законодательного собрания префектуры Исикава и председателем общества «Исикава – Россия»

Накамура Исао. В составе японских делегаций Иркутскую область неоднократно посещали представители городских администраций, депутаты регионального парламента и представители деловых кругов города-побратима Канадзавы. На регулярной основе обсуждались вопросы экономического и социально-культурного сотрудничества между Иркутской областью и префектурой Исикава. В ходе одного из визитов делегация префектуры Исикава передала партию книг о Японии в Иркутскую областную библиотеку им. Молчанова-Сибирского. Была достигнута договоренность о создании сектора литературы о побратимских связях региона на базе библиотеки, организованного впоследствии как Фонд литературы центра восточной культуры³. Официальные делегации отмечали позитивный опыт взаимодействия России и Японии в рамках «народной дипломатии» и посредством развития побратимских отношений городов Сибири и Японии, создания совместных предприятий.

В *экономической сфере* Япония длительное время оставалась ведущим торговым партнером Иркутской области. По данным Сибирского таможенного управления, в 2020 г. экспорт товаров Иркутской области в Японию составил 505 116,8 тыс., импорт – 24 729,6 тыс. долл. США⁴. Традиционные статьи экспорта в Японию из Иркутской области: продукция лесопромышленного сектора, алюминиевой промышленности, металлургической и нефтяной отраслей. Импортируются в основном товары народного потребления, продукты питания, однако значительная часть импорта поставляется внешнеторговыми компаниями через федеральный центр. Структура внешнеторгового оборота несбалансированна, экспорт из Иркутской области как ресурсного региона традиционно преобладает над импортом из Японии.

На протяжении второго десятилетия XXI в. Иркутская область активно сотрудничала с Японией по вопросу привлечения инвестиций. Наиболее перспективными были проекты в топливно-энергетическом комплексе: сотрудничество по освоению нефтяных и газовых месторождений на севере Иркутской области; поставки технологического оборудования для производства сжиженного природного газа (СПГ); модернизация и развитие сектора электроэнергетики.

Наряду с этим планировалось развивать сотрудничество в лесопромышленном комплексе – применять высокоэффективные японские энергосберегающие технологии, технологии переработки сырья с использованием новейшего лесоперерабатывающего оборудования, привлекать японских специалистов к решению проблем лесовосстановления.

Правительством Иркутской области осуществляется взаимодействие с внешнеторговой корпорацией «Мицуи и Ко, Лтд.». Корпорация «Мицуи» представлена ООО «ТМ Байкал» в г. Свирске. Учредителями компании в 1991 г. стали Мингосимущество России и японские фирмы «Тадзима Ламбер Ко, Лтд.» и «Мицуи и Ко, Лтд.», ранее работавшие в рамках первого советско-

³ Структура библиотеки // ГБУК Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова-Сибирского. URL: <https://irklib.ru/about/struktura-biblioteki/sekto-r-literatury-na-inostran-pykh-yazykakh.php> (дата обращения: 02.11.2022).

⁴ Статистическая информация об итогах внешней торговли Иркутской области за 2020 год // Сибирское таможенное управление URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/325717> (дата обращения: 05.11.2022).

японского лесоперерабатывающего СП «Игирма-Тайрику»⁵. ООО «ТМ Байкал» осуществляет деятельность в сферах лесопиления и деревообработки, глубокой переработки древесины и производства высококачественных сухих (10–15 % влажности) и антисептированных строганых пиломатериалов широкого ассортимента для японского деревянного домостроения (объем производства 120 тыс. куб. м в год)⁶.

Крупнейшим предприятием на территории региона, поставляющим продукцию лесопромышленного комплекса на японский рынок, является ГК «Лесресурс-Русфорест» (преемник СП «Игирма-Тайрику»)⁷. ГК «Лесресурс-Русфорест» входит в число 20 крупнейших производителей пиломатериалов в России и изготавливает брус, доску и брусок «таруки» (продукция для японского рынка) из ангарской сосны. На официальном сайте компании отмечается, что «группа – один из крупнейших российских экспортеров пиломатериалов на рынок Японии» (общий объем производства 420 тыс. куб. м в год)⁸.

На территории Иркутской области на протяжении 2010-х гг. действовало несколько совместных предприятий, наиболее крупными из которых стали созданные Японской национальной корпорацией нефти, газа и металлов (Japan Oil, Gas and Metals National Corporation – JOGMEC) и ООО «Иркутская нефтяная компания» (ИНК) ЗАО «ИНК-Север» и ЗАО «ИНК-Запад», реализующие проекты по разработке северных промышленных месторождений нефти и газа в Иркутской области⁹.

Во второй декаде XXI в. между коммерческими структурами региона были заключены договоры, определяющие взаимодействие в области разведки и добычи углеводородов. Основным партнером с японской стороны является Японская национальная корпорация нефти, газа и металлов¹⁰. В ходе встречи в июне 2012 г., состоявшейся на XVI Петербургском международном экономическом форуме, первого заместителя генерального директора «Газпром нефть» В. Яковлева и исполнительного директора, члена правления JOGMEC Хиронори Васада было подписано соглашение о совместном геологическом изучении компаниями нефтяных запасов Игнялинского лицензионного участка, расположенного в Иркутской области. 29 октября 2012 г. соглашение было одобрено советом директоров ОАО «Газпром нефть». Согласованная сторонами программа работ предусматривала проведение исследований для технико-экономического обоснования (ТЭО), испытание скважин и бурение новых. Инвестиции в завершение изучения участка к концу 2013 г. составили 100 млн долл. США, большую часть которых внесла японская сторона.

⁵ История предприятия // ТМ Байкал. URL: <http://www.tmbaikal.com/company/history/> (дата обращения: 05.11.2022).

⁶ Там же.

⁷ ГК Лесресурс-Русфорест. URL: <https://www.lesresurs.com/> (дата обращения: 05.11.2022).

⁸ Там же.

⁹ История // Иркутская нефтяная компания : офиц. сайт. URL: <https://irkutskoil.ru/about/history/> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁰ Японцы вторглись в Восточную Сибирь // Коммерсант. 29.04.2008. № 73(3890). URL: <https://www.kommersant.ru/doc/887894?query=иркутская%20нефтяная%20компания> (дата обращения: 05.11.2022).

Вторым направлением сотрудничества японской корпорации JOGMEC является взаимодействие с ООО «Иркутская нефтяная компания» на базе совместно созданного предприятия ЗАО «ИНК-Запад». В конце 2012 г. геологами компании были открыты новые месторождения на севере региона – Токминское нефтегазоконденсатное месторождение, Ичёдинское и Большетирское нефтяные месторождения. Был реализован большой объем работы по доразведке новых месторождений, проведены дополнительные сейсмороботы и бурение разведочных скважин.

Как отмечается на официальном сайте ООО «ИНК», «в соответствии с энергетической политикой Японии JOGMEC в 2013 г. привлекла в состав участников АО «ИНК-Запад» частные японские компании ITOCHU Corporation и INPEX CORPORATION»¹¹.

Кроме вышеуказанных направлений взаимодействия в области разведки и добычи углеводородного сырья, японская сторона в начале второго десятилетия XXI в. стала рассматривать возможности сотрудничества в освоении шести лицензионных нефтегазовых участков в Иркутской области в рамках проектов, предложенных президентом компании «Роснефть» И. Сечиным на форуме стран АТЭС, проходившем в сентябре 2012 г. в г. Владивостоке. Представители российских и японских деловых кругов неоднократно обсуждали вопросы дальнейшего взаимодействия в сфере разработки новых месторождений, разведки и добычи углеводородов, использования природного и сопутствующего газа, организации производств по газопереработке и газохимии. Так, японская корпорация «Тойо Инжиниринг» ведет управление строительством завода полимеров, обеспечивает закупки, инжиниринг, технические консультации для газохимического проекта ООО «ИНК», реализуемого в г. Усть-Куте, на севере Иркутской области.

Отметим, что японские инвестиции ограничиваются нефтегазовой и лесоперерабатывающей отраслями. В сфере малого и среднего бизнеса взаимодействие практически отсутствует.

Отдельной составляющей межрегионального сотрудничества Иркутской области и Японии являются *контакты в гуманитарной сфере*, получившие свое развитие с момента подписания Протокола о дружественном обмене между Иркутской областью и префектурой Исикава в октябре 1997 г. в рамках празднования тридцатилетия дружественных связей. В этом же году были установлены первые контакты между городами Шелеховом и Неагари, позднее скрепленные договором о породнении городов, предполагающим развитие сотрудничества в области культуры, образования и здравоохранения. Во втором десятилетии XXI в. Иркутская область поддерживала дружественные отношения с префектурами Исикава и Ниигата. Развивались побратимские связи между городами Иркутском и Канадзавой, Братском и Нанао, Шелеховом и Номи, Усольем-Сибирским и Кага, Железногорском-Илимским и Са-

---

¹¹ ИНК, JOGMEC, TOYO и ITOCHU разработают ТЭО производства «голубого» аммиака в Восточной Сибири // Иркутская нефтяная компания : офиц. сайт. URL: <https://irkutskoil.ru/press-center/ink-jogmec-toyo-itochu-razrabotayut-teo-proizvodstva-golubogo-ammiaka-v-vostochnoy-sibiri/> (дата обращения: 05.11.2022).

ката, Ангарском и Комацу. В соответствии с договорами реализуются программы по обмену стажерами в разных областях, в том числе лингвистике, туризме, экономике, истории, в области международных отношений, позволяющие понять историю и культуру другой страны.

Организовывались ежегодные взаимные визиты делегаций по спортивной и художественной гимнастике, одним из приоритетных направлений в развитии побратимских связей является научно-образовательная деятельность – обмен делегациями, организация курсов изучения японского языка, традиций и обычаев стран, обмен творческими коллективами, участие в спортивных мероприятиях. Так, Иркутский государственный университет с октября 2014 г. был участником программы «Подготовка экспертов для руководящей роли в области устойчивой экологии, культуры и развития в регионах Дальнего Востока и Заполярья» (East Russia – Japan Expert Education Program RJE3), включенной в график мероприятий в рамках Проекта по усилению потенциала международного развития университетов Министерства просвещения, науки, культуры и спорта Японии. «Программа направлена на создание системы международного сотрудничества в области обучения и подготовки специалистов, которые смогут играть лидирующую роль в сфере образования, культуры, экологии и устойчивого развития регионов Дальнего Востока», – отмечается на сайте ИГУ¹². Значительный вклад в реализацию программы внес профессорско-преподавательский состав исторического факультета ИГУ – доктор исторических наук С. И. Кузнецов и кандидат исторических наук Ю. В. Елохина, с японской стороны проект курировал профессор Като Хирофуми.

В Иркутской области на протяжении двадцати лет функционирует Японский информационный центр при Торгово-промышленной палате Восточной Сибири, созданный для осуществления содействия в развитии культурных связей между Японией и Иркутской областью¹³, развитии преподавания японского языка в Восточной Сибири, установлении и активизации деловых контактов предпринимателей Японии и Иркутской области, в оказании услуг по оформлению въездных виз в Японию, предоставлении услуг по осуществлению устного и письменного перевода с японского языка на русский и с русского на японский язык¹⁴. Японским информационным центром совместно с обществами «Байкал – Япония» и «Исикава – Россия» в Иркутске регулярно проводятся мероприятия, популяризирующие японскую культуру: фестиваль японского кино; демонстрации японского кимоно, чайной церемонии и икебаны; представления кукольного театра; выступления музыкантов, играющих на национальных японских инструментах; мастер-классы по традиционной японской кухне; языковые и познавательные викторины для студентов и

¹² Завершился очередной этап программы подготовки кадров RJE3 // Иркутский государственный университет : офиц. сайт. URL: <https://isu.ru/ru/news/2016/details/news-id3918/> (дата обращения: 11.11.2022).

¹³ И тигр в левом углу // Конкурент. 01.07.2014. URL: <https://www.vsp.ru/2014/07/01/i-tigr-v-levom-uglu/> (дата обращения: 11.11.2022).

¹⁴ Об истории и деятельности Японского информационного центра в Иркутске // Общество «Россия – Япония». Общероссийская общественная организация. URL: <https://russiajapansociety.ru/?p=3302> (дата обращения: 11.11.2022).

школьников. Сотрудники Японского информационного центра содействовали реализации российско-японских проектов (строительство отеля «Сайен», реконструкция кладбища японских военнопленных в пос. Листвянка на берегу оз. Байкал, открытие сквера им. С. Мори). В сентябре 2015 г. Японский информационный центр был зарегистрирован как ООО «Информационный центр Мирай».

Япония также выступила хозяйкой ряда мероприятий, принимавшей у себя гостей из Иркутской области. В сентябре представители общества «Байкал – Япония» приняли участие в X Международном форуме в г. Саппоро, по окончании которого состоялась встреча с членами общества «Исикава – Россия». Участниками мероприятия было подтверждено намерение обоих обществ продолжать дружеские отношения, культурные и деловые обмены. Японский город Исикава посетили иркутские школьники – победители областного конкурса детского рисунка «Япония, какая она?».

В течение 2012 г. при содействии общества «Исикава – Россия», поддержке общества дружбы «Байкал – Япония» и Байкальской федерации кендо состоялись обмены спортивными делегациями Иркутска и Канадзавы в рамках мероприятий, посвященных 45-летию побратимских отношений между городами. В г. Шелехове с 2010 г. работает Музей российско-японской дружбы имени С. Мори. Осенью 2011 г. в г. Иркутске состоялось торжественное открытие сквера им. Сигэки Мори, в котором участвовал чрезвычайный и полномочный посол Японии в России Тикахито Харада [4, с. 98]. Имиджевая и научная образовательная деятельность, комбинирующая «мягкую и умную силу», свидетельствует о том, что «...Япония делает упор на проекты, выигрывающие с точки зрения повышения привлекательности Японии в глазах простых россиян. Речь в первую очередь идет о проектах в социальной сфере, реализация которых позволила бы повысить качество жизни, улучшить среду обитания, повысить уровень комфорта... За этим, помимо чисто пропагандистского эффекта, стоит понимание того, что только небольшие по масштабам, но важные в социальном плане начинания могут в будущем оказаться прибыльными и, таким образом, обрести финансовую устойчивость» [7].

Значимость международного взаимодействия Иркутской области с префектурами Японии во втором десятилетии XXI в. трудно переоценить и определяется она следующими факторами.

Во-первых, особенность реализуемых контактов Иркутской области с Японией заключается в передаваемом на протяжении многих лет опыте культурных и гуманитарных связей высокого уровня, что составляет базис для тесного взаимодействия в политико-административной сфере. Это происходит в силу более системного использования японской стороной ресурсов «мягкой и умной силы». Российская сторона полагается преимущественно на традиционные механизмы «народной дипломатии», использовавшиеся с советских времен.

Во-вторых, двусторонние связи в экономической сфере сильно зависят от общей динамики российско-японских отношений. Примечательно, что японская сторона опирается в инвестиционном сотрудничестве с бизнесом Иркутской области на частные компании, а не только на крупные концерны,

связывая дальнейшее углубление взаимодействия с общим прогрессом двухсторонних связей на государственном уровне. Малый и средний бизнес двух стран слабо взаимодействует на территории региона, а реальные экономические контакты связаны с поставкой энергоресурсов и лесоматериалов.

Таким образом, с позиции функционального подхода в теории интеграции во взаимодействии России и Японии на субнациональном уровне в Иркутской области реализуются регулярные контакты в политико-административной, экономической и гуманитарной сферах, формирующие предпосылки для смягчения возможных негативных тенденций в отношениях на межгосударственном уровне.

С позиции концепта неореализма и подхода рационального актора при взаимодействии сторонами двигала прагматика международных отношений, приводившая в действие стратегии торга и балансирования. Бизнес-контрагенты из Японии желали получить устойчивую прибыль от долговременных инвестиций в развивающиеся восточносибирские проекты и поставок нефти, газа и леса по приемлемым ценам, а политикам была необходима диверсификация поставок энергоносителей, тесно переплетавшаяся с дискуссией по вопросу заключения мирного договора и решению территориального спора, важных и для реализации внутривнутриполитических стратегий. Тезис о возможной интенсификации японского инвестирования в сибирские проекты был одним из применявшихся рычагов. Следует учесть и то, что, интенсивно взаимодействуя с Россией в Восточной Сибири, японская власть и бизнес бросали конкурентный вызов китайской и южнокорейской сторонам. Российская сторона, в свою очередь, на региональном бизнес-уровне прагматично использовала японский запрос на ресурсы и контакты, реализуя затратные нефтегазовые инвестпроекты с использованием продвинутых японских технологий. На региональном политическом уровне интересы элиты в японских инвестиционных проектах были связаны с общей эффективностью администрирования на территории региона и отчетностью федеральному центру. На федеральном политическом уровне взаимодействие с Японией в Иркутской области реалистично понималось как попытка балансирования в рамках стратегии диверсификации поставок энергоресурсов, сырья и продукции первого передела в страны Восточной Азии, присутствовала и попытка стимулирования китайских и южнокорейских компаний к уверенному инвестированию в экономику Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Список литературы

1. Винокуров М. А., Суходолов А. П. Экономика Иркутской области. В 6 т. Т. 5. Иркутск : БГУЭП, 2008. 291 с.
2. Дацышен В. Г. Иркутское отделение общества «СССР – Япония»: из истории народной дипломатии в советско-японских отношениях // Ежегодник «Япония». 2021. Т. 50. С. 222–249. <https://doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-222-249>
3. Жаркова Е. В. Японские инвестиции в развитие нефтегазодобывающего комплекса Иркутской области // Вестник ИрГТУ. 2009. № 4(40). С. 90–92.

4. Кичатинова Е. Л. Города-побратимы Иркутской области и Японии: обзор сотрудничества в постсоветский период // 30 лет без Союза: потери, удаchi, перспективы : материалы Всерос. студ. конф. / науч. ред. Ю. А. Зуляр. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 95–99.

5. Книга Дружбы. 45 лет дружественных связей Иркутской области и Японии : сборник / ред.-сост. В. Ф. Невзоров. Иркутск : Байкал – Япония, 2011. 344 с.

6. Страны-соседи. Города-побратимы. 30 лет дружественных связей Иркутской области и Японии / сост. С. И. Кузнецов. Иркутск : ЦОП БУК ИГУ, 1996. 153 с.

7. Стрельцов Д. Новая «Надежда» Синдзо Абэ // Россия в глобальной политике : офиц. сайт. 23.10.2017. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-nadezhda-sindzo-abe/> (дата обращения: 11.11.2022).

8. Стрельцов Д., Лукин А. Российско-японские отношения сквозь призму теории. Реализм, конструктивизм и двухуровневые игры // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 2 (49). С. 44–63. <https://doi.org/10.17994/IT.2017.15.2.49.3>

9. Чижикова О. В. История развития побратимских связей городов Приангарья и Японии в 1960–1980-е гг. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1. С. 28–34.

References

1. Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. *Ekonomika Irkutskoj oblasti* [Economy Irkutsk Region]. In 6 vols. Vol. 5. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ. House, 2008, 291 p. (in Russian)

2. Datsyshen V.G. Irkutskoe otделение obshchestva “SSSR – Yaponiya”: iz istorii narodnoj diplomatii v sovetsko-yaponskih otnosheniyah [Irkutsk Branch of the USSR-Japan Society: from the History of People’s Diplomacy in Soviet-Japanese Relations]. *Ezhegodnik Yaponiya 2021* [Yearbook Japan 2021], 2021, vol. 50, pp. 222–249. <https://doi.org/10.24412/2687-1440-2021-50-222-249> (in Russian)

3. Zharkova E.V. Yaponskie investicii v razvitie neftegazodobyvayushchego kompleksa Irkutskoj oblasti [Japanese Investments into the Development of Oil and Gas Extractive Complex of Irkutsk Region]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [The Bulletin of Irkutsk State Technical University], 2009, no. 4 (40), pp. 90–92. (in Russian)

4. Kichatinova E.L. Goroda-Pobratimy Irkutskoj oblasti i Yaponii: Obzor Sotrudnichestva v Postsovetskij Period [Twin Cities of Irkutsk Region and Japan: Overview of Cooperation in the Post-Soviet Period] *30 let bez Soyuz: poteri, udachi, perspektivy* [30 years without a Union: Losses, Fortunes, Prospects], 2021, pp. 95–99. (in Russian)

5. Nevzorov V.F. (ed.) *Kniga Druzhby. 45 let Druzhestvennyh Svyazej Irkutskoj oblasti i Yaponii: sbornik* [The Book of Friendship. 45 Years of Friendly Relations between Irkutsk Region and Japan: Collection], 2011, 344 p. (in Russian)

6. Kuznetsov S.I. (ed.) *Strany-Sosedi. Goroda-Pobratimy. 30 Let Druzhestvennyh Svyazej Irkutskoj Oblasti i Yaponii* [Neighboring Countries. Sister Cities. 30 Years of Friendly Relations between Irkutsk Region and Japan]. Irkutsk, 1996, 153 p. (in Russian)

7. Strel'tsov D. Novaya “Nadezhda” Sindzo Abe [Shinzo Abe's New “The Hope”]. *Rossiia v Gglobalnoj Politike* [Russia in Global Affairs. Official site], 2017, Oct. 23. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/novaya-nadezhda-sindzo-abe/> (date of access: 11.11.2022). (in Russian)

8. Strel'tsov D., Lukin A. Rossijsko-Yaponskie Otnosheniya skvoz Prizmu Teorii. Realizm, Konstruktivizm i Dvuhurovnevye Iгры [Russian-Japanese Rapprochement through the Lens of IR Theory. Neo-Classical Realism, Constructivism and Two-Level Games]. *Mezhdunarodnye Processy* [International Trends], 2017, vol. 15. no. 2 (49), pp. 44–63 (in Russian)

9. Chizhikova O.V. Istoriya Razvitiya Pobratimskikh Svyazei Gorodov Priangar'ya i Yaponii v 1960–1980-e gody [History of Development of Sister City Ties of the Cities of the Angara Region and Japan in the 1960–1980s]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i Sotsialnye Nauki* [The Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences], 2015. no. 1, pp. 28–34. (in Russian).

Сведения об авторе

Олейников Илья Васильевич

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра политологии, истории и
регионоведения

Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1

доцент, кафедра международных
отношений и таможенного дела

Байкальский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. Ленина, 11

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1582-2016

Information about the author

Oleynikov Ilya Vasilyevich

Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Political Science,
History and Regional Studies

Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation

Associate Professor, Department of
International Relations and Customs
Baikal State University

11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation

e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1582-2016

Статья поступила в редакцию **01.11.2022**; одобрена после рецензирования **22.11.2022**; принята к публикации **30.11.2022**

The article was submitted **November, 01, 2022**; approved after reviewing **November, 11, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**

РАЗДЕЛ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ» /
SECTION “PHILOSOPHY OF SCIENCE”

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (HISTORY)

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 81–97

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

Научная статья

УДК 341.781.2:271.2

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81>

**Православие и церковь в повседневной жизни
российских дипломатов в США конца XIX –
начала XX в.**

Вал. В. Печатнов, В. О. Печатнов*

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России, г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. На документах российских и американских архивов исследуются роль православия в системе ценностей российских дипломатов, их участие в церковной жизни и взаимоотношения со священнослужителями. Раскрывается роль православия и Церкви в повседневной жизни дипломатов Российской империи, работавших в США в 1867–1917 гг., когда взаимодействие российской дипломатии и Алеутско-Аляскинской (Северо-Американской) епархии РПЦ достигло своего расцвета. Показывается, что вся повседневная жизнь дипломатов в Америке строилась по церковному календарю с его чередой религиозных праздников, постов и других церковных событий. Делается вывод о том, что, несмотря на расхождение корпоративных культур этих институтов духовной и светской власти Российской империи, а также на большие различия в образе жизни дипломатов и священнослужителей, их объединяла общая религиозно-государственная идентичность и общая миссия – продвижение влияния России в США. На конкретных примерах выявляются основные типы участия дипломатов в жизни епархии – от формального до ревностно благочестивого. Рассматривается также уровень межличностного общения представителей духовенства и российской дипломатической колонии в США.

Ключевые слова: Алеутско-Аляскинская (Северо-Американская) епархия РПЦ, МИД, дипломатические миссии России в США, П. С. Боткин, Н. Н. Лодыженский, епископ Николай (Зиоров), архиепископ Тихон (Беллавин).

Для цитирования: Печатнов Вал. В., Печатнов В. О. Православие и церковь в повседневной жизни российских дипломатов в США конца XIX – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 81–97. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81>

Orthodox Religion and Church in Everyday Life of Russian Diplomats in the United States of the Late 19th – Early 20th Century

Val. V. Pechatnov, V. O. Pechatnov*

Moscow State Institute of International Relations (University), Moscow, Russian Federation

Abstract. The article, based on documents from Russian and American archives, explores the role of Orthodoxy in the value system of Russian diplomats, their participation in church life and relationships with the clergy. The article reveals the role of Orthodoxy and the Church in the daily life of diplomats of the Russian Empire who worked in the United States in 1867–1917, when the interaction of Russian diplomacy and the Aleutian-Alaska (North American) Diocese of the Russian Orthodox Church reached its heyday. It is shown that the entire daily life of diplomats in America was built according to the church calendar with its series of religious holidays, fasts and other church events. It is concluded that, despite the divergence of corporate cultures of these institutions of spiritual and secular power of the Russian Empire, as well as the great differences in the lifestyle of diplomats and clergy, they were united by a common religious and state identity and a common mission – the promotion of Russian influence in the United States. In the conditions of being in an alien environment, Orthodoxy for diplomats became the most important part of Russian self-identification. At the same time, much depended on the individual characteristics of the representatives of the diplomatic corps: social origin, the degree of their religiosity and other features of the worldview. Concrete examples reveal the main types of participation of diplomats in the life of the diocese – from formal to zealously pious. The level of interpersonal communication between representatives of the clergy and the Russian diplomatic colony in the United States is also considered.

Keywords: Aleutian-Alaskan (North American) Diocese of the Russian Orthodox Church, Foreign Ministry, diplomatic missions of Russia to the USA, P.S. Botkin, N.N. Lodyzhensky, Bishop Nikolai (Ziorov), Archbishop Tikhon (Bellavin).

For citation: Pechatnov Val.V., Pechatnov V.O. Orthodox Religion and Church in Everyday Life of Russian Diplomats in the United States of the Late 19th – Early 20th Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 81-97. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.81> (in Russian)

«Православная культура придавала особую окраску всему строю жизни и деятельности русской дипломатии, не только обставляя ее внешней обрядностью, но и наполняя глубоким внутренним содержанием», – заключает дипломат и историк А. И. Кузнецов в своем исследовании особенностей воспитания и подготовки российских дипломатов во второй половине XIX – начале XX в. [6, с. 186]. Действительно, несмотря на рост секулярных тенденций в российском обществе этого периода, православие и церковная жизнь оставались важной частью образа жизни и профессиональной деятельности российской дипломатии, в том числе и в ее зарубежных представительствах. В последнем случае значение религиозного начала даже возрастало, поскольку в условиях пребывания в чужеродной среде православие становилось важнейшей частью российской самоидентификации и неременным условием сохранения самой национальной идентичности. При всех естественных индивидуальных различиях в степени религиозности дипломатов того времени можно говорить о некоторых общих чертах их корпоративного отношения к религии и православной церкви.

Для дипломатов, стоявших на страже национально-государственных интересов и имевших, как правило, великодержавное имперское мышление, православие являлось государственной религией – духовной скрепой, необходимой для сохранения прочности огромной Российской империи, а значит, и ее статуса великой мировой державы. Сказывалось и дворянское происхождение большей части представителей дипломатического корпуса, для которой религиозные ценности с малых лет были неотъемлемой частью процесса воспитания и образования. При поступлении на службу в МИД дипломаты, как и другие государственные служащие, давали в церкви «Клятвенное обещание», обязуясь нести ответ за свои действия «перед Богом и Судом Его страшным». Клятвенные листы подписывались принимавшими клятву священниками и хранились в личных делах чиновников министерства. Таким образом, дипломатическая служба рассматривалась как важная форма не только государственного, но и религиозного служения.

Вместе с тем интернациональный и многоконфессиональный состав дипломатического корпуса с его особенно ощутимым остзейским компонентом, а также близкое знакомство с внешним миром минимизировали православный фундаментализм и панславистские настроения, присущие многим российским священнослужителям, и придавали дипломатам налет космополитизма [3, с. 29]. Дипломатам было свойственно терпимое отношение к другим христианским конфессиям, неприятие шовинизма и экстремизма на национальной или религиозной почве. Единственным исключением был антисемитизм, в котором дипломаты несколько не уступали священнослужителям (правда, у российских дипломатов в США он имел «дежурный», или служебный, характер, поскольку местная еврейская диаспора относилась к российскому самодержавию с открытой враждебностью). В дипломатической среде культивировалось уважительное отношение к православию и православной церкви; открытый атеизм и даже равнодушие к религии считались дурным тоном, но особая набожность и религиозное рвение были редкостью.

Все эти особенности проявлялись и в жизни российской дипломатической колонии в Америке. По своему национальному составу в ней, как и МИДе в целом, было много представителей европейской (преимущественно остзейской) аристократии: только 5 из 12 российских посланников и послов в 1867–1917 гг. относились к этническим русским. Высокой была доля русских подданных с иностранными корнями и среди среднего и младшего дипломатического состава императорской миссии в Вашингтоне и российских консульств в Сан-Франциско, Нью-Йорке и Чикаго. Бароны А. Шлиппенбах и Х. Таль (консулы в Чикаго), барон Э. Шиллинг (поверенный в делах и вице-консул в Нью-Йорке), барон де Бодэ (военный атташе посольства), В. де Воллан и Ф. Гансеп (секретари посольства) – вот только наиболее заметные фигуры этого плана, работавшие в США на рубеже XIX–XX вв. Иностранные корни несколько не умаляли ни профессиональных достоинств этих дипломатов, ни их преданности российскому престолу [5, с. 107–108], но все-таки накладывали свой отпечаток на их религиозные чувства. Недаром ревнитель нацио-

нального православия обер-прокурор Святейшего Правительствующего синода К. П. Победоносцев, курировавший Алеутскую и Аляскинскую (с 1905 г. – Алеутскую и Северо-Американскую) епархию и знакомый с большинством российских дипломатов в США, писал своему доверенному корреспонденту: «...вот первого человека встретил с русским сердцем – Боткина, – но и тот, кажется, года через полтора оставляет Америку»¹. Первый секретарь и одно время управляющий миссией в Вашингтоне Петр Сергеевич Боткин, как мы увидим ниже, действительно был энергичным защитником православия и поддерживал тесные отношения с епископом Николаем (Зиоровым), хотя оставался сугубо светским человеком, свободно вращавшимся в высших кругах Вашингтона и Нью-Йорка.

Организирующим началом всей жизни дипломатов в Америке служил церковный календарь с его чередой религиозных праздников, постов и других церковных событий. «Вся официальная жизнь дипломатической службы была окружена православной обрядностью, – замечает А. И. Кузнецов. – Любое, сколько-нибудь заметное событие в жизни государства, МИД или дипломатического представительства за границей отмечалось богослужением и молебном» [6, с. 176]. Все награждения и продвижения по службе, как правило, приурочивались к Пасхе или Рождеству. Неотъемлемым атрибутом образа жизни дипломатов было участие в богослужениях и других церковных обрядах. Даже те чиновники, которые жили вдали от церкви (как, например, в Вашингтоне, где не было ни посольского, ни просто православного храма), должны были ходить на исповедь и причастие хотя бы раз в год. На Пасху и Рождество все дипломаты миссии (с 1898 г. – посольства) во главе с посланником (послом), как правило, отправлялись в Нью-Йорк на праздничную литургию в Свято-Николаевскую церковь, которая с 1905 г. стала кафедральным собором. Так, например, в апреле 1910 г. нью-йоркские газеты подробно описывали торжественное пасхальное богослужение в новом кафедральном соборе с участием посла Р. Р. Розена, консула А. А. Шлиппенбаха и других российских дипломатов; вел службу глава епархии еп. Платон (Рождественский). Особое впечатление на американцев неизменно производили нарядные облачения священников, богатое убранство церкви и красота православного церковного пения².

Другим торжественным событием с непрямым участием дипломатов было освящение новых храмов. Центральным из них стало освящение 10 ноября 1902 г. того же Свято-Николаевского храма в Нью-Йорке, построенного в основном на народные пожертвования. «С левой стороны алтаря, на солее, поместилось посольство во главе с императорским чрезвычайным послом графом А. П. Кассини, генеральный консул Н. Н. Лодыженский с прочими чиновниками консульства, русский посланник в Корее А. И. Павлов, консул в Канаде Н. Б. Струве, мэр города Нью-Йорка С. Лоу, почетные прихожане и семейства причта», – описывал эту картину настоятель храма протоиерей

¹ Его Преосвященству, Епископу Алеутскому и Аляскинскому Николаю, 1 декабря 1893 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 247. Л. 36.

² New York Tribune. 1910. April 30.

А. Хотовицкий³. После литургии был дан обед для почетных гостей. «Продолжительное ура и троекратно исполненный гимн «Боже, Царя храни» сопровождали первый, возглашенный г. послом графом А. П. Кассини, тост за здоровье Государя Императора, – продолжал в своем отчете прот. Хотовицкий. – Тут же отправлена была за подписью графа А. П. Кассини и епископа Тихона телеграмма на имя министра иностранных дел»⁴.

Не меньшим торжеством были богослужения в честь коронации новых российских императоров и других праздничных событий в жизни монарших особ, отмечаемых с участием дипломатов. В частности, молебен по случаю восшествия на престол Александра III был проведен во всех приходах епархии, а в Сан-Франциско по просьбе генерального консульства России проводилась еще и отдельная служба для иностранных консулов⁵. Еще более торжественно отмечалась коронация Николая II. В Сан-Франциско после богослужения консул В. А. Арцимович устроил прием для почетных гостей; молебны прошли во всех приходах епархии с участием дипломатов там, где это было возможно⁶.

Кончины царственных особ также отмечались церковными службами. В марте 1881 г. панихида по «мученически убиенном Императоре Александре II» проводилась в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Чикаго и других православных храмах. Осенью 1894 г. российский посланник князь Г. Л. Кантакузен пригласил тогдашнего главу Северо-Американской епархии РПЦ епископа Николая в Вашингтон для «совершения заупокойной литургии, панихиды и приведения членов посольства к присяге» в связи с кончиной императора Александра III. 26 октября епископ отслужил всенощное бдение и привел к присяге сотрудников посольства, которые поклялись «верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови» новому российскому самодержцу Николаю II. Приведение к присяге новому императору священниками было обязательным для всех дипломатов; как и «Клятвенное обещание», оно символизировало единство государственного и духовного служения.

Присягали новому самодержцу не только дипломаты, но и все священнослужители, а также и другие русские подданные, находившиеся в США. Наилучшим каналом для охвата этой последней категории служили православные приходы, и не случайно российские миссии пользовались для этого церковной инфраструктурой. В ноябре того же, 1894 г. сразу после описанной процедуры в российской миссии посланник Кантакузен обратился к еп. Николаю с просьбой разослать всем настоятелям православных храмов в Америке Высочайший манифест и текст «Клятвенного обещания» верности новому императору и его наследнику с указанием о проведении обряда присяги. За его

³ Торжество освящения русского православного храма в Нью-Йорке // Прибавления к церковным ведомостям. 1902. № 50. С. 1772.

⁴ Там же. С. 1774.

⁵ Книга для записи бумаг по канцелярии Епископа Нестора с 1879 по 1882 г. // Alaskan Russian Church Archives, Library of Congress, Manuscript Division (далее – ARCA). Cont. B, Reels 39-40. Zass (Nestor) (Nikolay Pavlovich), Bishop, Office correspondence 1881–1882.

⁶ San-Francisco Call. 1896. May 27.

соблюдением должны были следить штатные консулы, «вблизи которых находятся означенные церкви». Присяжные листы с подписями подданных и принимавших присягу священников надлежало переправить в российскую миссию в Вашингтоне⁷.

В столице епископ также провел заупокойную литургию и панихиду в присутствии президента США Г. Кливленда, членов его кабинета и дипломатического корпуса, отстоявших всю службу со свечами в руках [8, с. 20]. По отзывам американской прессы, «это было одно из самых впечатляющих событий такого рода, когда-либо наблюдавшихся в Вашингтоне». Подробно описывая церемонию богослужения, местные газеты сообщали, что «поскольку в Вашингтоне нет православной церкви, то помещение миссии было переоборудовано в молитвенное место с алтарем и всеми другими необходимыми принадлежностями»⁸. На следующий день еп. Николай в сопровождении русского посланника был тепло принят в Белом доме, где рассказал о проблемах епархии и заручился заверениями президента и его министров содействовать русской православной миссии на Аляске. В отчете К. П. Победоносцеву владыка Николай писал, что в заключение встречи президент Кливленд «вопреки этикету, проводил нас до дверей зала, любезно раскланявшись с нами. Наша служба, по его словам, произвела на него потрясающее впечатление (impressive)»⁹. Так церковь и дипломатия использовали, казалось бы, чисто церковные поводы для защиты своих интересов перед американскими властями.

В практике российской дипломатии в Америке случались и более необычные примеры богослужений, связанных с дипломатическими переговорами. Пожалуй, наиболее яркий из них имел место во время визита в США российской делегации во главе с председателем Комитета министров С. Ю. Витте для участия в российско-японских переговорах по заключению мирного договора с Японией летом 1905 г. Вскоре после прибытия делегации в Нью-Йорк в Свято-Николаевском кафедральном соборе был устроен молебен во имя успешного проведения этих сложных для России переговоров после унижительного поражения в Русско-японской войне. Сам Витте показал себя в Америке с самой лучшей стороны как христианин и государственный деятель. «Витте встречали прекрасно, – сообщал настоятель собора А. Хотовицкий главе епархии еп. Тихону. – В несколько дней он повернул симпатии публики в сторону несколько иную, чем прежде. Очень простой человек. Принимали его в церкви и в Ваших покоях. Молебен был непередаваемо молитвенный...» [10, с. 159]. В самый ответственный момент переговоров заместитель главы делегации, российский посол в США барон Р. Р. Розен пригласил настоятеля о. А. Хотовицкого в Портсмут для проведения молебна в помощь их успешному завершению; туда же в напряженном ожидании съехались и представители других христианских конфессий. Судьба переговоров висела на волоске вплоть до последнего дня, когда были согласованы окончательные

⁷ Его Преосвященству Епископу Николаю, 17/29 ноября 1894 г. // ARCA, Cont. D 474-475, 1894–1895.

⁸ The Morning Call. 1894. November 10; The Evening World. 1894. November 9.

⁹ Его Высокопревосходительству Ober-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, 3/15 ноября 1894 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3093. Л. 27–29.

условия мирного договора. Сразу после их согласования российская делегация отправилась в местный епископальный собор, где впервые в истории был организован совместный благодарственный молебен православных и англиканских священников «за ниспослание мира и прекращение пролития невинной крови», как писал в своих воспоминаниях С. Ю. Витте. Протоиерей Хотовицкий произнес проникновенную краткую проповедь на английском языке в память всех павших в этой войне. «Затем последовало пение благодарственного церковного гимна всеми служителями церкви и церковными хорами, – продолжал Витте. – Все время многие молящиеся плакали. Я никогда не молился так горячо, как тогда. В этом торжестве проявилось единение всех христианских церквей, мечта всех истинно просвещенных последователей христианского учения и единения всех сынов Христа в чувстве признания великой заповеди – не убий» [2, с. 357]¹⁰. Так богослужение стало своеобразным литургическим сопровождением дипломатических переговоров.

Участие дипломатов в церковных делах не ограничивалось богослужениями. В консульских округах существовала традиция избрания консулов старостами городских приходов: В. А. Арцимовичи П. М. Козакевич в Сан-Франциско, Х. Я. Таль и А. А. Шлиппенбах в Чикаго, В. А. Теплов и Н. Н. Лодыженский в Нью-Йорке. Для церкви такая практика объяснялась соображениями целесообразности, поскольку консулы по долгу службы занимались защитой интересов российских граждан, а также помогали в решении имущественных и правовых проблем епархии, пользовались известностью и уважением на приходах. Для консулов, в свою очередь, тесная связь с приходами, объединявшими членов русской колонии, была важна для выполнения их служебных обязанностей. Вот, например, с чего начиналась служба генерального консула в Нью-Йорке Владимира Александровича Теплова по описанию прот. А. Хотовицкого в его рапорте главе епархии: «Немедленно почти с парохода он явился в церковь, где по его просьбе было мною отслужено благодарственное Господу Богу молебен по поводу благополучного исхода плавания, – а в воскресенье г. Теплов после литургии знакомился у нас в доме с русской колонией: присутствовали не только интеллигентные люди, но и простые прихожане. В силу того, что при нашей церкви до сих пор нет старосты, прошу покорнейше разрешить теперь же произвести избрание одного, наименовав таковым нового консула»¹¹. Разрешение епископа не замедлило себя ждать.

Большинство консулов ответственно относилось к выполнению своих приходских обязанностей, но некоторые делали это весьма формально, не утруждая себя лишними заботами. Так, переписка еп. Николая с К. П. Победоносцевым пестрит сетованиями в адрес консула в Чикаго Х. Я. Таля, не проявлявшего рвения в помощи церковным делам, в том числе в деле передачи Аляскинскому духовному правлению пожертвованного имущества Русского павильона на Всемирной выставке в Чикаго 1893 г. «Поведение Талья приводит меня в негодование, – отвечал Победоносцев владыке на его жалобы. –

¹⁰ Priests of Greek and Episcopal Churches Conduct Service // New York Tribune. 1905. September 6.

¹¹ Его Преосвященству Преосвященнейшему Николаю, 5/17 мая 1898 г. // ARCA, Cont. D, Reel 452-453, New York, New York, Hotovitskii Aleksandr, 1895-1898.

Буду всячески стараться, чтобы его убрали... И здесь немного найдешь людей, понимающих дело и потребности церковные»¹². Видимо, не без вмешательства обер-прокурора Таля в Чикаго вскоре заменил барон А. Шлиппенбах.

Еще более вопиющим исключением стала деятельность того же Теплова. Это был на свой лад незаурядный человек с опытом дипломатической работы на Балканах, занимавшийся исторической публицистикой на международные темы, в том числе на страницах катковского «Русского вестника». Но в церковные дела он душу явно не вкладывал. Будучи по должности попечителем строящегося Свято-Николаевского собора и членом комитета по его строительству, консул не проявлял особой заинтересованности в содействии этому предприятию, что не мешало ему приписывать себе большие заслуги в его продвижении перед своим начальством. Так, при освящении нового храма в 1902 г. он опередил посла А. П. Кассини телеграммой в Священный синод об этом событии, в которой (как писал вл. Тихону о. А. Хотовицкий) «фигурировал, понятно, только “он”, то есть сам устроитель, а прочее все являлось только дополнением к его заботливости, щедрости и пр.» [10, с. 77]. Консул «на каждом шагу выдвигает себя как деятеля и строителя нашей церкви, хлопотавшего-де в Петербурге и др., когда он палец о палец не ударил», добавлял настоятель в письме еп. Тихону [Там же, с. 66–67].

Мало того, Теплов настолько увлекся незаконными финансовыми операциями (в том числе с приходскими средствами, которые хранились в банке на его счете), что вызвал жалобы со стороны своих подчиненных. «Оказывается, что этот, возлагающий на алтарь отечества и церкви столько часов деятель, – сообщал еп. Тихону прот. Хотовицкий в начале 1901 г., – разоблачен в своем поведении своим помощником Карасевым с самых некрасивых сторон: продавал фальшивые паспорта, занимался грязными комиссиями, делал подлоги, растраты и пр.». Дело дошло до того, что посол А. П. Кассини, будучи в Нью-Йорке, приватно попросил о. А. Хотовицкого «не сдавать церковных сумм Теплову на хранение в Консульство, так как-де он по денежной части очень неразборчив и окружает себя недостойными людьми». Провинившийся консул был вскоре отозван в Россию. «Скатертью ему дорога», – откомментировал Хотовицкий отъезд Теплова [10, с. 67].

Преемником Теплова стал Николай Николаевич Лодыженский – дипломат и композитор-любитель, сочинения которого заслужили похвалу Н. А. Римского-Корсакова. Он происходил из музыкальной семьи обедневших тверских помещиков, состоял в родстве с А. С. Даргомыжским и был близок к балакириевской «Могучей кучке». Оставив занятия музыкой с середины 1870-х гг., он посвятил себя дипломатической службе, работал в дипломатических миссиях на Балканах, где изучал языки и культуру местных славянских народов. Убегденный славянофил, тесно связанный с православной церковью, Лодыженский принял горячее участие в жизни своего нью-йоркского прихода. Лучше всего о его деятельности на этом поприще рассказал прот. А. Хотовицкий в своем прошении о награждении консула за заслуги перед

¹² 25 августа 1893 г. // РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 247. Л. 30.

церковью. Этот доклад настоятеля заслуживает подробного изложения, поскольку в нем отражена вся многогранная работа Лодыженского.

«Сопряженная с особыми трудностями в метрополии Северной Америки, г. Нью-Йорке, эта должность (приходского старосты. – *Авт.*) встретила в своем носителе энергичного работника церковного, убежденного христианина, преданнейшего сына православной церкви и родины, который, несмотря на свои немолодые годы, не щадил сил на дело преуспевания нашего храма здесь и при нем православного прихода, помогая причту во всех обстоятельствах сложной миссионерской жизни. Как церковный человек, г. Лодыженский лично – своими знакомствами установил в Нью-Йорке сердечные отношения к нам со стороны других исповеданий, способствовал ознакомлению оных с особенностями нашей православной Церкви, приветливостью привлекая случайных посетителей нашего храма к более частому и внимательному посещению православных служб и т. д. Этим церковным характером и истинной набожностью Н. Н. Лодыженский приобрел в глазах американцев высокое уважение и доверие». Консул много жертвовал церкви из личных средств, способствовал сближению с американской епископальной церковью, принимая участие в совместных богослужениях¹³ и публикациях с епископами. Свой интерес к англиканской церкви он объяснял американской аудитории тем, что его мать, получившая английское образование, в детстве научила его молиться на обоих языках¹⁴.

«Он всегда по своему собственному почину сопутствовал Архипастырю при путешествии Владыки по окрестным приходам, искренне интересуясь приходскими успехами, составом населения и т. д., – продолжал в своем представлении о. Хотовицкий. – Знание славянских народов и языков, при смешанности православного населения в Америке, приблизило г. Лодыженского к сердцу прихожан многих церквей, а глубокая его религиозность и убежденность сделали, быть может, больше в смысле победы над предубеждениями

---

¹³ Этими богослужениями не нарушались каноны православной Церкви, запрещающие совместные молитвы с еретиками. Хотя Англиканское сообщество церквей (в которое входит Епископальная церковь США, далее – ЕЦ США) в своей догматике, экклесиологии и основах канонического устройства (а сегодня и в вопросах христианской нравственности) существенно отошло от веры и учения апостолов, хранимых в православной Церкви, православная Церковь официально не объявляла англикан еретиками [9, с. 18]. Напротив, 2-я пол. XIX – нач. XX в. было временем сближения Русской православной церкви и англиканских церквей, которые тогда были неизмеримо ближе к православию, чем в настоящее время. Достаточно сказать, что в 1912 г. Св. синод РПЦ утвердил устав Общества ревнителей единения восточно-православной и англиканской Церквей, а председателем Общества стал архиеп. Холмский и Люблинский Евлогий (Георгиевский). Дружественные отношения между РПЦ и ЕЦ США также развивались, в частности, благодаря контактам главы Алеутской и Северо-Американской епархии архиеп. Тихона (Белафина) с еп. Фон-дю-Лакским Чарлзом Графтоном (Англикано-православные связи // Православная энциклопедия. Т. 2. URL: <https://www.pravenc.ru/text/Англикано-православные%20связи.html> (дата обращения: 12.08.2022). Активную позицию в этом деле занял и о. А. Хотовицкий, который в 1913 г. участвовал в подготовке Всемирной экуменической конференции «Вера и церковное устройство», идея которой была разработана ЕЦ США [9, с. 27]. Однако такие общие богослужения были не евхаристическими, так как евхаристического общения между православными и епископами не было даже тогда. Если такие богослужения проходили с совместным участием православных и англиканских священнослужителей, то это были специально составленные неуставные молебствия по особым случаям, подобным вышеупомянутому благодарственному молебну в сентябре 1905 г.

¹⁴ The Sun. 1908. March 20.

против России и “цезаризма”, чем многие проповеди». Во время Русско-японской войны, когда американская пресса повернулась против России, продолжал настоятель, «наша церковь освободилась от многих горьких минут и испытаний в эту пору, благодаря благородной душе Николая Николаевича, всегда ревностно отстаивавшего интересы нашей родины и Церкви на американских собраниях, беседах и пр.».

Особенно важную роль Лодыженский сыграл в борьбе с кампанией против бруклинского викария епископа Рафаила (Хававини) – самого известного православного священника сиро-арабского происхождения в США, главы сиро-арабской миссии в Северной Америке (позднее канонизированного святителем Православной церкви Америки). В августе-сентябре 1905 г., когда обострился межконфессиональный конфликт внутри сиро-арабской диаспоры Нью-Йорка между православными и католиками-маронитами, он стал главной мишенью маронитов и был арестован по ложному обвинению в нападении на полицейского¹⁵. Консул Лодыженский, как отмечала нью-йоркская пресса, выступил главным защитником обвиняемого¹⁶. «На Преосвященного Рафаила враждебная его церкви и его русским чувствованиям клика обрушилась с самыми жестокими обвинениями, пытаясь втянуть его в ответственное пред законом положение заговорщика и пр., – писал об этом настоятель. – Искусно и нагло подстроенная западня с подкупом местного низшего полицейского чина в Бруклине должны были выставить Преосвященного Рафаила в роли подстрекателя к убийству и пр. Ввиду того, что противная партия умела ловко использовать и обратить в свою выгоду прежнюю миссионерскую борьбу Преосв. Рафаила против латинства и представить Преосв. Рафаила как подпленного русского агента, проводника российского «деспотизма» здесь и т. д., требовалось очень умное и энергичное противопоставление этим клеветникам доводов истины и в этом деле Н. Н. Лодыженский проявил истинное и бескорыстное мужество, уделив поднятому в суде процессу массу своего времени и внимания, и честным путем добившись полного посрамления клеветников и признания судом невиновности Преосв. Рафаила и злостности возведенных против него обвинений». В заключение о. А. Хотовицкий ходатайствовал перед еп. Тихоном о представлении консула к «возможно высокой – не в очередь – награде»¹⁷. Видимо, не без ходатайства Церкви Лодыженский вскоре получил орден Святого Станислава.

Весной 1908 г. нью-йоркские прихожане и другие почитатели Лодыженского торжественно проводили его на родину. Американская епископальная церковь во главе со своими иерархами устроила в его честь прием, на котором консулу вручили памятный серебряный кубок тонкой работы и адрес со словами: «Вами совершено так много в течение Вашего здесь пребывания, к

¹⁵ Подробнее об этом конфликте см.: Namee M. The Battle of Pacific Street, Part 4 // Orthodox History. URL: <https://orthodoxhistory.org/2014/08/04/the-battle-of-pacific-street-part-4-did-st-raphael-try-to-shoot-a-policeman> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁶ Syrian Bishop Speaks // New York Tribune. 1905. September 25.

¹⁷ Почтительнейший доклад, 1/14 декабря 1905 г. // Св. Александр (Хотовицкий). Миссионерский период Православной церкви в Америке 1896–1909. Т. 2. С. 162–163.

утверждению дружеских чувств между американской церковью и православной русской церковью и к расширению – на всех путях влияния Вашего – идеи приязни и единения, что в Вашем лице понесена будет великая потеря». От епископальной церкви адрес подписали семь епископов, шестьдесят три священника и четырнадцать наиболее видных мирян¹⁸. Чествование состоялось и в кафедральном Свято-Николаевском соборе с участием еп. Тихона. Оно «было закончено молебствием с провозглашением обычных к сему обстоятельству приличествующих многолетий, – писал об этом «Американский православный вестник», – после чего в покоех Владыки Архиепископа почтитатели – каждый по своему – приветствовали растроганного Николая Николаевича и желали ему всего лучшего в жизни» [10, с. 196–197].

Н. Н. Лодыженский и после возвращения в Россию не оставил своего служения обществу и православной церкви: состоял кашинским уездным предводителем дворянства, чиновником особых поручений при обер-прокуроре Святейшего синода, казначеем Палестинского общества, членом Славянского благотворительного общества, а также стал одним из основателей Общества ревнителей единения восточно-православной и англиканской церквей.

Если Лодыженский может служить образцом благочестия среди дипломатов, то Петр Сергеевич Боткин – секретарь и одно время управляющий миссией России в Вашингтоне (1892–1895 гг.) – был в этом отношении более типичной для российского дипломатического корпуса фигурой. Сын знаменитого врача и организатора отечественной медицины С. П. Боткина, родной брат лейб-медика Е. С. Боткина, сохранившего верность царской семье, убитого вместе с ней в 1918 г. и недавно прославленного РПЦ в лике страстотерпцев, он вырос в рафинированной среде столичной интеллигенции, собиравшейся в гостеприимном боткинском доме. После окончания Петербургского университета Петр Боткин поступил на работу в МИД, но, не имея протекции, застрял мелким чиновником Азиатского департамента, пока не получил место в Вашингтоне, куда в ту пору мало кто хотел ехать из-за отдаленности и низкой престижности. В США, однако, молодой дипломат быстро освоился и нашел себя. «В Америке все для меня было ново, занимательно, интересно, весело, с ног сшибательно, – вспоминал он позднее. – ...Я катался как сыр в масле, перелетая из Вашингтона в Нью-Йорк, Бостон, Филадельфию, Балтимору и возвращался обратно в свое гнездо, в Вашингтон, где светская жизнь в зимнее время была ключом» [1, с. 63]. Живой, общительный и образованный собеседник, театрал, меломан и хороший спортсмен, Боткин пользовался успехом в американском обществе и вел активную светскую жизнь: приемы, балы, концерты и выставки, любительские спектакли. Это не мешало ему оставаться глубоко русским православным человеком, принимавшим близко к сердцу нападки на Россию и ее церковь.

С разрешения руководства МИД он не побоялся вступить в публичную полемику с главным тогда критиком русского самодержавия маститым публицистом Дж. Кеннаном. В феврале 1893 г. популярный иллюстрированный

¹⁸ Loving Cup to de Lodyginsky // The Sun. 1908. March 20.

ежемесячник Century опубликовал его статью «Голос в защиту России», в которой Боткин в пику Кеннану доказывал органичность автократического правления для России и веротерпимость Русской православной церкви. «Сила России, – заключал он, – именно и заключается в этом единстве власти, крепкой вере, любви народа к своему отечеству и преданности и доверии к Монарху» [11, р. 611–615].

Статья вызвала большой резонанс в американской и российской печати. Отклики в Америке были большей частью положительные. «... Не только американская печать, но и все американское общество с большой сердечностью, почти с энтузиазмом отозвалось на статью молодого русского дипломата, – писала нью-йоркская The Sun. – М-р Боткин может по праву гордиться своим обращением к американскому обществу»¹⁹. Но были и серьезные критики: ему ответил сам Кеннан и революционные эмигранты из России, гневно осудившие защитника самодержавия [4, с. 194–197]. Боткин отправил статью владыке Николаю, с которым поддерживал тесные отношения, на предмет совета по церковной части: «Мне очень интересно было бы знать Ваше мнение относительно того, что я написал о нашей церкви и ее веротерпимости»²⁰. С той же просьбой Боткин обратился к еп. Николаю в конце года, когда по поручению МИД готовил новую статью для американской прессы: «Если бы Вы были так добры и дали мне кое-какие пункты относительно веротерпимости православной церкви, я был бы Вам ужасно благодарен...»²¹

Вл. Николай исправно снабжал Боткина необходимыми сведениями и аргументами. Вдохновленный успехом своей статьи, Боткин по совету своего знакомого Теодора Рузвельта (будущего президента США, в ту пору главы комиссии Нью-Йорка по гражданской службе) обратился к посланнику Кантакузену с просьбой разрешить ему поездку по стране с лекциями о России. Посланник – дипломат «старого закала», по словам Боткина, – был искренне возмущен: «Что с Вами? Ваши успехи, кажется, вскружили Вам голову. Что Вы воображаете? Вы – Аделина Патти? Баттистини? Падеревский?»²² Нет, до того еще не дошло, чтобы дипломаты выступали на подмостках с волшебными фонарями» [1, с. 179].

Служебными вопросами переписка молодого дипломата со священником немногим старше его годами не ограничивалась. В ней видно почтительное и вместе с тем теплое отношение Боткина к еп. Николаю как духовному наставнику, его искреннее желание помочь и заслужить одобрение последнего. «От души желаю быть Вам полезным, в чем прикажете», – пишет он владыке, сообщая ему о состоянии ходатайства последнего по церковной собственности на Аляске²³. «Я сделал небольшое собрание изображений наших посланников

¹⁹ The Russian Treaty // The Sun. 1893. May 8.

²⁰ 24 декабря/5 января 1892/1893 гг. // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

²¹ 27 декабря 1893/8 января 1894 // Ibid.

²² А. Патти и М. Баттистини – итальянские оперные певцы того времени; И. Я. Падеревский – польский пианист и композитор, а с 1910-х гг. также государственный и общественный деятель.

²³ 11/23 ноября 1892 г. // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

как блюстителей наших политических интересов, – пишет Боткин в конце того же года, – и мне было бы чрезвычайно приятно иметь и Ваше изображение как блюстителя наших духовных интересов. Портреты эти должны сохраняться на вечные времена в назидание и воспоминание нашим будущим представителям в дальнем крае»²⁴. Где-то сейчас эти изображения?

Вот Боткин приглашает епископа отдохнуть после болезни «у нас на востоке»: «В лице князя Кантакузена Вы найдете гостеприимного хозяина, умного и прекраснейшего человека. Князь очень сожалеет, что ему не удастся приехать на Страстной в Чикаго говеть. В последнее время мы были немного заняты заключением трактата о выдаче преступников и очень довольны его результатом – отныне Америка больше не будет приютом для крамольников» (как видно, дипломата и священника объединяли охранительный патриотизм и монархизм). Или сожалеет, что не сможет к Пасхе приехать в Чикаго, так как должен ожидать приезда фрейлины Ее И. В. княгини Шаховской, которую ему поручено было сопровождать: «Мне это очень грустно – вот уже второй год, что я этот день встречаю не в нашей церкви. Когда-то будет русская церковь и в Вашингтоне?»²⁵

В Чикаго они вскоре встретились и много общались на Всемирной выставке при открытии русского отдела [8, с. 15–18]. Во время отпусков в Петербурге Боткин обязательно посещал Священный синод, привозя еп. Николаю письма и книги от К. П. Победоносцева. После очередного возвращения из отпуска в конце 1893 г. он пишет владыке: «Когда-то мы встретимся опять? Не пожалуете ли как-нибудь к нам в Вашингтон? Так буду рад Вас видеть и побеседовать»²⁶. Строгий обер-прокурор, как уже отмечалось, выделял Боткина как истинно русского человека. Впоследствии П. С. Боткин сделал неплохую дипломатическую карьеру, закончив ее в 1917 г. посланником в Португалии в ранге действительного статского советника и придворном звании камергера. После революции он эмигрировал во Францию, где и скончался в 1933 г.

Российские дипломаты выполняли и другие церковные обязанности: были попечителями православных храмов и обществ, доверенными лицами при получении займов на строительство церковных сооружений. Например, в 1902 г. посол А. П. Кассини по просьбе еп. Тихона стал гарантом получения ссуды под залог земли в банковском доме Дж. П. Моргана, необходимой для завершения строительства Свято-Николаевского храма в Нью-Йорке. Вопреки правилам посол даже не стал запрашивать разрешения на то МИД. По мнению настоятеля храма о. А. Хотовицкого, «помогло делу и то, что Кассини, кажется, не православный, и боялся бы в случае отказа получить упрек в холодности к православию» [10, с. 84]. Действительно, несмотря на свое лютеранское прошлое, граф проявлял неизменное участие в делах епархии, чем заслужил уважение ее руководства. В 1903 г. по представлению еп. Тихона

²⁴ 24 декабря/5 января 1892/1893 гг. // Ibid.

²⁵ 8/20 марта 1893 // Ibid. Первая приходская православная церковь в Вашингтоне, построенная на средства русских эмигрантов, появится только в 1930 г.

²⁶ 27 декабря 1893 / 8 января 1894 // ARCA, Cont.D 476-478, Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Russian Imperial Legation, Washington, 1892–1898.

²⁶ Там же.

Священный синод выразил признательность послу за «доброе содействие его преуспеянию православного дела в Америке и внимание к нуждам нью-йоркского храма» и наградил его Священным Писанием в подарочном переплете²⁷.

Дипломаты также регулярно участвовали в организованных епархией благотворительных мероприятиях. Так, весной 1910 г. посол Р. Р. Розен и его помощники присутствовали на благотворительном концерте в знаменитой нью-йоркской гостинице «Валдорф Астория», организованном преосв. Платоном в пользу Русского православного дома для иммигрантов²⁸.

Важную роль в отношениях между дипломатами и священнослужителями играл «человеческий фактор» – личные связи между ними. Здесь немало зависело от авторитета главы епархии и его умения налаживать отношения с дипломатическими представителями. Не случайно сильные, колоритные иерархи – еп. Николай и его преемник архиеп. Тихон – пользовались уважением в дипломатической среде, хотя их жалобы на пассивность российских миссий в Америке и вызывали порой скрытое раздражение руководства этих миссий. В частности, вл. Николай плодотворно сотрудничал с консулом и церковным старостой В. А. Арцимовичем, в консульском округе которого тогда располагалась и кафедра епархии. Арцимович происходил из дворянского рода польского происхождения (его отец был тайным советником и сенатором), человеком по-европейски светским и элегантным, что не мешало его дружбе с не жаловавшим поляков епископом Николаем. В американском архиве сохранилась их переписка, отражающая дружеский характер их взаимоотношений: они вместе организуют церковные и светские мероприятия, обедают в местном Pacific Union Club (членом которого был Арцимович), информируют друг друга о подозрительных персонажах среди русских эмигрантов, обсуждают козни противников православия и способы борьбы с ними. Так, в начале 1894 г., когда отмечалось столетие русской духовной миссии в Америке, в калифорнийской газете Examiner появилась пасквильная статья, из которой, как писал консул епископу, «я увидел, что враги церкви нашей в Сан-Франциско по-своему готовились и готовили публику к предстоящему торжеству. Со скорбью и негодованием читал эту пакость! К счастью, в Америке мало обращают внимания на выходки этих грязных пачкунов»²⁹. Арцимович помогает еп. Николаю в организации его ежегодных дальних поездок по обозрению епархии. Провожая владыку в очередное плавание на Аляску, консул пишет ему: «Это не просто путешествие, а действительный подвиг на пользу Православия и молю Бога, чтобы здоровье и бодрость душевная не покидали Вас!»³⁰ Арцимович впоследствии сделает большую и нетипичную для кон-

²⁷ Определение Св. Синода от 30 июля 1903 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 184 (1903). Д. 54486. Л. 2–2 об.

²⁸ New York Tribune. 1910. March 13.

²⁹ 30 декабря 1893/ 11 января 1894 // ARCA, Cont.D 476-478. Ziorov, Nikolai (Bishop) to: from Artsimovich, Vladimir (Antonovich), Imperial Russian Consul, 1871–1897.

³⁰ 28 июня /10 июля 1897 г. // Ibid.

сульской работы дипломатическую карьеру, дослужившись до поста директора Департамента личного состава и хозяйственных дел (1910) и товарища министра иностранных дел (1914–1916)³¹.

Конечно, жизнь российских дипломатов и священнослужителей в США резко отличалась. Дипломаты, особенно руководящий состав, вели светский образ жизни, свободно вращаясь в кругу американской знати и дипломатического корпуса, составленного тогда преимущественно из представителей европейского дворянства. Некоторых из них с американским светом связывали родственные узы (Ю. П. Бахметев, барон Бодэ, Г. Б. Шиллинг, В. А. Арцимович были женаты на светских американках). Российские дипломаты были частыми персонажами светской хроники Нью-Йорка и Вашингтона, сообщавшей о приемах, балах, концертах и благотворительных мероприятиях.

Особенно плотно интегрированными в столичную светскую жизнь были посланник К. В. Струве и посол Р. Р. Розен. Первый – «удивительно милый, добрейшей души человек» (по отзыву Боткина), сын знаменитого астронома и сам незаурядный астроном, а также способный пианист – относился к славной династии Струве, давшей России целую плеяду ученых, дипломатов и политических деятелей. «Большая семья Струве, – пишет знаток истории российско-американских отношений Н. Соул, – прекрасно прижилась и высоко ценилась в вашингтонском обществе (у Струве было пятеро детей, в том числе четыре дочери, которые впоследствии все стали фрейлинами. – *Авт.*)» [12, р. 263]. При Струве российская миссия переехала в престижный и просторный особняк на Коннектикут-авеню, ставший одним из центров дипломатической жизни Вашингтона.

Розен, который до этого уже работал и в миссии в Вашингтоне, и консулом в Чикаго и Нью-Йорке, все эти годы сохранял членство в привилегированном вашингтонском клубе «Метрополитэн», был частым гостем на ежегодных обедах другого эксклюзивного столичного клуба «Гридирон», где собиралась вся вашингтонская знать. Газеты подробно писали и о светских успехах его супруги и юной дочери, отличавшейся не только на балах, но и спортивных состязаниях³². На лето (с мая по октябрь) российское посольство, как и остальной дипломатический корпус и само правительство, перебиралось из знойного Вашингтона в прохладную Новую Англию, где на фешенебельных дачах богачей и иностранных дипломатов кипел летний светский сезон. Короче говоря, российские дипломаты в Америке жили в комфортной и культурно близкой им среде.

³¹ По словам дипломата Г. Н. Михайловского, «...Арцимович был человек „заграничный“. Очень элегантно наружности и „дипломатической“ обходительности в обращении, Арцимович был прежде всего „человеком приятным во всех отношениях“... это был дипломат из консулов; при том различии консульской и дипломатической карьеры это было странно, а то, что он дослужился до такого крупного поста, прямо изумительно. Некоторый свет проливает на такое возвышение Арцимовича его долгое пребывание в качестве нашего генерального консула в Берлине. Арцимович имел счастье понравиться Вильгельму II и, получив, как это было точно известно в ведомстве, придворное звание камергера не без протекции германского правительства, приглашался к германскому императору во дворец, тогда как обычно консулы не имели входа туда. Честолюбивая жена-американка (Арцимович был до этого консулом в Сан-Франциско, где и женился) также много способствовала его положению в Берлине [7, с. 12–13].

³² New York Tribune. 1906. June 10; 1907. April 15.

Другое дело – священнослужители, в большинстве своем не знавшие ни английского языка, ни американских порядков и вообще впервые оказавшиеся за границей. «Архиерею везде хорошо», – полушутя говаривал преосв. Тихон, но даже для епископов жизнь в Америке была нелегкой. Постоянные объезды огромной епархии (самой большой по размерам в православном мире), особенно ежегодные изнурительные поездки на Аляску, при весьма скромном содержании и постоянных хлопотах управления сложным епархиальным хозяйством ложились тяжелым бременем на плечи церковного начальства. Настоятелям и рядовым приходским священникам тоже приходилось нелегко в общении с непривычной для них паствой, тем более туземцами Аляски, не знавшими русского языка. И уже совсем тяжелой была служба миссионеров на Аляске, месяцами странствующих на байдарках и пешком среди не всегда миролюбивых туземных племен. И тем не менее эти два русских мира объединяла общая вера и общее дело – продвижение российского влияния в Америке.

Список литературы

1. Боткин С. Картинки дипломатической жизни. Париж : Изд-во Е. Сияльской, 1930. 187 с.
2. Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1: Царствование Николая II / [предисл. М. И. Покровского]. Петроград [Ленинград] : Гос. изд-во, 1923. 471 с.
3. Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX в. М. : Молодая гвардия, 2010. 521 с.
4. Журавлева В. И. Понимание России в США. Образы и мифы, 1881–1914. М. : РГГУ, 2012. 1150 с.
5. Кузнецов А. И. «Засилье» иностранцев на дипломатической службе Российской империи: миф и реальность // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 104–109.
6. Кузнецов А. И. Подготовка и воспитание дипломата в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. М., 2005. 218 с.
7. Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. Кн. 1. М. : Междунар. отношения, 1993. 520 с.
8. Печатнов В. О., Печатнов Вал. В. Русский епископ в Америке «позолоченного века» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 1(14). С. 7–30.
9. Православие и экуменизм : документы и материалы, 1902–1998. М. : МФТИ, 1999. 496 с.
10. Св. Александр (Хотовицкий). Миссионерский период Православной церкви в Америке 1896–1909 / под ред. Г. М. Солдатова. Minneapolis, Minnesota : AARDM Press., 1998. 242 с.
11. Botkin P. Voice for Russia // Century. 1893. Vol. 45. February. P. 611–615.
12. Saul N. Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867–1914. Lawrence, Kansas : University Press of Kansas, 1996. 672 p.

References

1. Botkin S. *Kartinki diplomaticheskoi zhizni* [Pictures of diplomatic life]. Paris, E. Siyalskaya Publ., 1930. 187 p. (in Russian)
2. Vitte S.Yu. *Vospominaniya. T. 1: Tsarstvovanie Nikolaya II* [Memories. Vol. 1: The reign of Nicholas II]. Foreword by M. I. Pokrovsky. Petrograd, St. Publ., 1923, 471 p. (in Russian)
3. Grigor'ev B.N. *Povsednevnyaya zhizn tsarskikh diplomatov v XIX v.* [Daily life of tsarist diplomats in the 19th century]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2010, 521 p. (in Russian)
4. Zhuravleva V.I. *Ponimanie Rossii v SShA. Obrazy i mify, 1881–1914* [Understanding Russia in the USA. Images and myths, 1881–1914]. Moscow, RGGU Publ., 2012, 1150 p. (in Russian)
5. Kuznetsov A.I. “Zasil'e” inostrantsev na diplomaticheskoi sluzhbe Rossiiskoi imperii: mif i realnost [“Dominance” of foreigners in the diplomatic service of the Russian Empire: myth and reality]. *Novaya i noveishaya istoriya*, 2014, no. 3, pp. 104–109. (in Russian)

6. Kuznetsov A.I. *Podgotovka i vospitanie diplomata v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.)* [Training and education of a diplomat in the Russian Empire (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Ph. D. dissertation thesis. Moscow, 2005. 218 p. (in Russian)
7. Mikhailovskii G.N. *Zapiski. Iz istorii rossiiskogo vneshnepoliticheskogo vedomstva, 1914-1920 gg. Kniga I* [Notes. From the history of the Russian Foreign Ministry, 1914-1920. Book 1.]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1993. 520 p. (in Russian)
8. Pechatnov V.O., Pechatnov Val.V. Russkii episkop v Amerike «pozolochennogo veka» [Russian Bishop in Gilded Age America]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021. no. 1(14). pp. 7-30. (in Russian)
9. *Pravoslaviye i ekumenizm. Dokumenty i materialy, 1902-1998* [Orthodoxy and ecumenism. Documents and materials, 1902-1998]. Moscow, MFTI Publ., 1999. 496 p. (in Russian)
10. *Sv. Aleksandr (Khotovitskii). Missionerskii period Pravoslavnoi tserkvi v Amerike 1896-1909* [St. Alexander (Khotovitsky). Missionary Period of the Orthodox Church in America 1896-1909]. Ed. by G.M. Soldatov. Minneapolis, Minnesota, AARDM Press, 1998, 242 p. (in Russian)
11. Botkine P. Voice for Russia. *Century*, 1893, vol. 45, Febr., pp. 611-615.
12. Saul N. *Concord and Conflict: the United States and Russia, 1867-1914*. Lawrence, Kansas, University Press of Kansas, 1996, 672 p.

Сведения об авторах

Печатнов Валентин Владимирович
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра философии им. А. Ф. Шишкина
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России
Российская Федерация, 119154, г. Москва,
пр-т Вернадского, 76
e-mail: vpechatnov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9340-9363

Печатнов Владимир Олегович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра истории и политики стран Европы
и Америки
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России
Российская Федерация, 119154, г. Москва,
пр-т Вернадского, 76
e-mail: vopechatnov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6733-031x

Information about the authors

Pechatnov Valentin Vladimirovich
Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of Philosophy
Moscow State Institute of International
Relations (University)
76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russian
Federation
e-mail: vpechatnov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9340-9363

Pechatnov Vladimir Olegovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of European and American Studies
Moscow State Institute of International
Relations (University)
76, Vernadskiy av., Moscow, 119454, Russian
Federation
e-mail: vopechatnov@gmail.com
ORCID: 0000-0001-6733-031x

УДК 271.22+913-3(Заб)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98>

Особенности отбывания наказания лиц духовного звания в Нерчинском Успенском монастыре-пенитенциарии XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви)

Е. С. Бушуева*

*Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск,
Российская Федерация*

Аннотация. Статья продолжает тематический цикл авторских публикаций, раскрывающих особенности пенитенциарной деятельности Нерчинского Успенского мужского монастыря. Рассматривается очередная группа узников, представленная наместниками Успенского монастыря, которые в разное время привлекались к архиерейскому следствию за противоправные деяния. Выявляются особенности тюремного заточения отбывающих наказание влиятельных лиц духовного звания, освещаются судебные следственные мероприятия в отношении некоторых из них. Подвергается углубленному анализу большой объем не опубликованных ранее рукописных исторических документов из архивохранилищ городов Читы и Иркутска (с последующим введением их в научный оборот), на основе которых составляется развернутая классификация групп осужденных, отбывающих наказание в Успенском мужском монастыре. Устанавливается взаимосвязь и взаимозависимость специфики монастырского наказания и политико-идеологических и духовно-нравственных приоритетов конкретных исторических периодов, проявившихся в постепенном отказе от покаянно-исправительной составляющей монастырского наказания и преобладании карательно-устрашающей практики.

Ключевые слова: Нерчинский Успенский мужской монастырь, архиерейское судопроизводство, наместник монастыря, епитимия, монастырское смирение, отдаленное место заточения.

Для цитирования: Бушуева Е. С. Особенности отбывания наказания лиц духовного звания в Нерчинском Успенском монастыре-пенитенциарии XVIII в. (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 98–108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98>

Original article

Features of Serving the Sentence of Persons of the Clergy in Nerchinsk Assumption Monastery-Penitentiary of the 18th Century (on the History of the Nerchinsk Assumption Church)

E. S. Bushueva*

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The proposed article continues the thematic cycle of author's publications, revealing the peculiarities of the penitentiary activities of the Nerchinsky Assumption monastery. Acquaintance with unknown pages of history Nerchinsky Assumption monastery relevant on the eve of the 315th anniversary her foundations, which will celebrate this year. The article substantiates, that throughout its history the Nerchinsky Assumption monastery was actively used as a place of exile, imprisonment and punishment for both laity and clergy of various ranks (from the lower echelon of the clergy to the archpesters of church government of the Russian Orthodox Church). The next group of prisoners is considered, represented by the governors of this monastery, who at different times were involved in the bishop's investigation for illegal acts. Research result historical-religious-legal problem can be called identifying features prison imprisonment influential persons of clergy and coverage of forensic activities in respect of some of them. The appeal to the principle of historicism made it possible to seek and subject to a comprehensive analysis of a significant amount of previously unpublished handwritten historical documents from the archives of the city of Chita and city of Irkutsk, with the subsequent introduction into scientific circulation. The principle of objectivity helped to trace the relationship and interdependence of the specifics of monastic punishment on the political-ideological and spiritual-moral priorities of specific historical periods, manifested in the gradual abandonment of the penitential and corrective component of monastic punishment and the acquisition of punitive and intimidating practices. The topic considered in the article deserves further research insofar as Nerchinsky Assumption monastery throughout all 18th was one element in the chain of penitentiary monasteries in the Russian empire.

Keywords: Nerchinsky Assumption monastery, hierarchical proceedings, abbot of the monastery, penance, monastic humility, remote place of confinement.

For citation: Bushueva E.S. Features of Serving the Sentence of Persons of the Clergy in Nerchinsk Assumption Monastery-Penitentiary of the 18th Century (on the History of the Nerchinsk Assumption Church). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 98-108. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.98> (in Russian)

2021 г. был знаменателен для истории Забайкальского края и всей Русской православной церкви тем, что 315 лет назад, 31 мая 1706 г., самодержец российский Петр I собственноручно подписал указ об учреждении первого в Нерчинском дистрикте Иркутского викарианства заштатного мужского монастыря. Данный монастырь стал самым удаленным на юго-восточной окраине складывающейся великой Российской империи. Он находился «за семь тысяч верст» от стольных городов «на краю Сибири» [2, с. 90; 3, с. 121; 14, с. 25; 16, с. 497]. Решением служилого казачества Даурии монастырь возвели на месте прежнего «зимовья с нагороднею», сооруженного в 1653 г. казаками из отряда десятника Максима Уразова. Мужскую обитель посвятили Успению Пресвятой Богородицы – небесной защитницы земли Русской, олицетворяющей возрождение к новой жизни на новых землях.

Монастырь учреждался как последнее пристанище для престарелых и увечных служилых людей, некогда боевых товарищей первых строителей Нерчинска, сподвижников Максима Уразова, Петра Бекетова, Афанасия Пашкова.

История монастыря чрезвычайно интересна, самобытна и абсолютно не знакома широкому кругу читателей. Сведения о повседневной жизни и деятельности обители, ее наместниках, братии и насельниках, о хозяйственно-экономической, религиозно-просветительской, миссионерской и пенитенциарной деятельности автору пришлось собирать буквально по крупицам.

Изучение прошлого Нерчинского Успенского монастыря выявило ряд особенностей, отличающих его от монастырей исконно русских территорий.

К первой отличительной особенности можно отнести тот факт, что Нерчинский мужской монастырь, как периферийный, наиболее удаленный от центра русского православия, с момента своего основания (31 мая 1706 г.) и до упразднения (1773 г.) был погружен в иноязычную среду и действовал в полиэтническом, поликультурном и поликонфессиональном регионе. Он оказал существенное влияние на формирование специфической социокультурной среды, в которой успешно развивались взаимоотношения пришлых русских и представителей автохтонного населения края (тунгусов, эвенков, бурят, монголов и пр.) на принципах толерантности и добрососедского сотрудничества [5, с. 30–40; 6, с. 285–291]. Вторая особенность состоит в факте активного включения Нерчинского Успенского монастыря в формирующуюся церковно-пенитенциарную систему Российского государства. Дефиниция понятия «церковно-пенитенциарная система» всесторонне проанализирована В. Л. Харлановым. Исследователь-правовед объясняет, что это «реализуемая государством при участии церкви в аспекте механизма правового регулирования взаимосвязанная совокупность нормативных актов, учреждений и организаций ... для исправления осужденных и предупреждение совершения ими новых преступлений» [15, с. 121].

К первой половине XVIII в. Успенский монастырь уже являлся важным звеном в цепи периферийных монастырей-пенитенциариев, где отбывали ссылку, заточение и наказание не только миряне, преступившие морально-нравственные нормы евангельской этики, но и лица духовного звания – от нижнего звена клира до опальных духовных архиереев, в свое время входивших в состав руководства высшего органа церковно-государственного управления Русской православной церкви [2–4; 10; 14; 16].

В статье на основе обобщения неизвестных ранее исторических документов, найденных автором в фондах архивохранилищ Читы и Иркутска, рассматривается очередная группа «невольников» (из составленной авторской классификации), отбывающих наказание в Успенской мужской обители [1, с. 77–80; 2, с. 90–95; 3, с. 121–127]. Данная группа узников представлена влиятельными монашествующими, которые по приговору архиерейского суда оказались в тюремном заточении Нерчинского Успенского монастыря.

Актуальность исследования обуславливается необходимостью комплексного изучения жизнедеятельности Успенской обители как яркой страницы в истории и культуре Забайкальского края. Новизна исследования заключается в том, что на основе найденного в архивах Восточной Сибири исторического материала удалось описать условия содержания очередной группы «колодников», в частности высокопоставленных монашествующих, отбывающих ссылку, заключение или наказание в Нерчинском Успенском монастыре [1–3].

Тема заявленного исследования ранее не привлекала внимания историков, краеведов, юристов Восточной Сибири. Проблеме монастырских тюрем в Сибири посвящены несколько публикаций сибирских историков, в которых Нерчинский Успенский монастырь не упоминается [9; 14; 18].

Исследование в интересующем нас аспекте осуществлялось на основе принципа исторического познания, предусматривающего научную объективность и историзм. Обращение к принципу историзма позволило провести углубленный анализ большого объема не опубликованных ранее рукописных исторических документов из Государственного архива Забайкальского края (Ф. 282 «Церкви Забайкальской области», Ф. 8 «Забайкальская духовная консистория») и Государственного архива Иркутской области (Ф. 50 «Иркутская духовная консистория», Ф. 482 «Киренский Троицкий монастырь» и пр.). Обобщение архивных документов показало, что периферийные монастыри Восточной Сибири, в частности Нерчинский Успенский, находящийся «за семь тысяч верст ... на краю Сибири», использовались как место ссылки, заточения и наказания для мирян и лиц духовного звания. С помощью типологического метода раскрыта типичность данной социальной проблемы для рассматриваемого века и показана ведущая роль монастыря в сфере морально-нравственного воспитания прихожан Нерчинского дистрикта. Принцип объективности, а также историко-краеведческий и нарративный методы дали возможность проследить взаимосвязь и взаимозависимость специфики монастырского наказания и политико-идеологических и духовно-нравственных приоритетов конкретных исторических периодов, проявившихся в постепенном отказе от покаянно-исправительной составляющей монастырского наказания и преобладании карательно-устрашающей практики.

Важное место в методологии исследования жизнедеятельности монастырей-пенитенциариев, к которым относится и Нерчинский Успенский мужской монастырь, занимает сравнительный анализ. Указанный метод обнаружил свою эффективность в процессе сопоставления фактического материала, отобранного путем сплошной полистной выборки архивных источников, что позволило выявить общие и специфические особенности монастырского наказания, присущие удаленным монастырям на территории Юго-Восточной Азии в период формирования Российской империи.

Рассматриваемая группа ссылаемых в Нерчинский Успенский мужской монастырь-пенитенциарий представлена обложенными властью монашествующими – наместниками Успенского монастыря, в разное время бывшими под архиерейским следствием за противоправные дела. Результаты анализа содержания исторических документов свидетельствуют, что более половины из числа наместников Нерчинского Успенского монастыря (пятеро из девяти настоятелей монастыря) привлекались к церковному суду или были уличены в противоправных деяниях. Примером сказанному может стать следствие в отношении наместников Успенского монастыря: Виталия, уличенного в «мужеложестве», Нафанаила, Виктора и Иова, обвиняемых в убийствах вкладчиков и монашествующих путем «засечения до смерти»; Нафанаила, Виктора и Антония, расхитивших монастырское имущество и пр. Судебные материалы, собранные автором, достаточно объемны и разноплановы. В настоящей статье ограничимся знакомством только со следственными делами иеромонахов Виталия и Виктора, непродолжительное время бывших наместниками Успенской мужской обители.

Архиерейское судопроизводство в отношении церковных людей обеспечивало прежде всего судебный ведомственный иммунитет церкви, что позволяло не доводить до сведения широкой общественности информацию о противоправных деяниях служителей православного культа. В перечень церковных людей, подлежащих юрисдикции епископа, входили представители белого духовенства, включая членов низшего церковного клира, их жены и дети, а также «чернецы», не исключая игуменов (игумений) монастырей.

К особенностям ссылки в Нерчинский Успенский монастырь можно отнести: во-первых, факт отсутствия среди сосланных «невольников» отбывающих наказание расколоучителей и сектантов; во-вторых, распределение части особо опасных ссыльных в подведомственные монастырю дальние поселья Черное, Шакшинское и Ундинское зимовье. Известно, что в 1754 г. по указу Иркутской духовной консистории после длительного судебного разбирательства в Нерчинский Успенский монастырь был препровожден с конвоем «из четырех крепких казаков» некий «секретный колодник»¹ монах Виталий. Прежде этот разжалованный «секретный» узник-монах исполнял обязанности наместника данного монастыря в должности иеромонаха. В приговоре, вынесенном архиереем Иркутской епархии Иннокентием I (Кульчицким), внимание акцентировалось на исправительно-покаянной стороне наказания, но при этом присутствовали как карательная составляющая наказания – «в монастырское заключение до дня смерти его»², так и устрашающая – «чтоб другим неповадно было»³. По прибытии «секретного колодника» в Успенский монастырь его новый наместник иеромонах Тихон «в силу приказа архиерейского суда» уточнил место отбывания наказания узника – он «повелел по силе приказа отвезти в Черную деревню для содержания там до дня смерти его под караулом в железах»⁴. По мнению ряда исследователей, «заключение в монастырские тюрьмы... принимало искаженную форму» по той причине, что «кающийся становился под формальный контроль настоятеля»⁵ [8; 10; 11; 13; 14; 17; 18].

С сопровождающими узника караульными казаками была прислана «память», составленная наместником Тихоном. В «памяти» на имя поселщика Григория Теменина предписывалось «принять тебе Теменину показанного монаха... в железах посадить в старую избу, окна закупорить только оставить одно окно маленько для света». По требованиям тюремного заточения того времени, с осужденных даже в камере (или ином помещении, приспособленном под камеру) никогда не снимали железных оков [11; 12; 14]. Далее в тексте распоряжения наместника Тихона внимание обращалось на изоляцию ссыльного от жертвы – монастырского вкладчика С-на – и от всего окружающего мира: «К нему никого не допускать и речи с ним не плодить, бумаги, чернил, бересты отнюдь не давать под страхом жестокого наказания». Осужденный, разжалованный в монахи, был важной персоной. На данный факт ука-

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 282. Оп. 1. Д. 45. Л. 191.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 67. Л. 335.

³ ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 67. Л. 335 об.

⁴ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 45. Л. 385.

⁵ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февр.). С. 113.

зывает то обстоятельство, что в «памяти» оговаривалась возможность поступления от него «слова и дела»: «...а коли он Виталий за собою важные дела станет показывать отнюдь не верить и писем от него не принимать».

В распоряжении, отданном иеромонахом Тихоном, подробно расписывались условия содержания заключенного узника-монаха. В частности, предписывалось «в избе где посажен будет еже ли печь худа починить или новую збить». Здесь же оговаривалась «кормежка», которую должен был получать невольник: «А пищу давать ему Виталию как надлежит безоскудно». Процитированные из «памяти» требования к условиям содержания узника характеризуют нового наместника Нерчинской Успенской обители иеромонаха Тихона как добросердечного и милосердного человека. В тот период истории тюремная обстановка, в которую помещался тот или иной «колодник», полностью зависела от первого лица монастыря, его личностных качеств и отношения к осужденному с учетом противоправных деяний последнего [2; 3; 12–14; 17; 18].

Без внимания наместника Тихона не остался вопрос охраны жизни невольника-монаха. В целях самосохранения несчастного указывалось: «А караульщика приставить днем и ночью из братии безысходно... смотреть тебе над караульщиками накрепко самому дабы у него Виталия не было не топора и не ножа и повреждения человеческому здоровью».

Приведенные выдержки из распоряжения, сохранившегося в приходно-расходной книге Нерчинского Успенского монастыря – редкого в своем роде исторического документа, найденного автором в фондах Государственного архива Забайкальского края в 2009 г., – предоставили уникальную возможность узнать об условиях содержания духовных лиц в ином типе монастырского тюремного заточения (в отличие от каменного мешка – подклети соборной Успенской церкви [1, с. 77–84; 2, с. 90–95; 3, с. 64–65; 5]), усугубленного высылкой в отдаленное, слабообжитое, глухое место.

Показательны приговоры, вынесенные епархиальными иерархами в отношении противоправных поступков других наместников Нерчинской Успенской обители. Обращаясь к уголовному делу наместника иеромонаха Виктора, узнаем, что он в начале апреля 1746 г. «бил смертными побоями монастырского вкладчика тобольца Григория Лебедева», после смерти которого угрожал «жене его Лебедевой Марии Якимовой с детьми ее застрелить и двор ее сжечь»⁶. Схваченный монашествующими и насельниками наместник-убийца был водворен в монастырскую тюрьму – подклеть каменной Успенской церкви. Здесь в ожидании архиерейского суда, опасаясь расправы со стороны многочисленных вкладчиков, он принял схиму с именем Венедикт.

К расследованию уголовного дела приступила Нерчинская воеводская канцелярия, которая разыскала и привлекла «к тому делу во свидетельство людей кто знает то дело», а именно: крестьян деревни Каменской «Никиту да Карнилия Зимиревых, Максима Замятина, Логина Шренева»⁷. В свою очередь, во избежание выхода ситуации из-под контроля церковного ведомства

⁶ ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 52. Л. 225.

⁷ Там же. Д. 52. Л. 227 об.

Иркутская духовная консистория настоятельно требовала «для уточнения и очной ставки ... выслать без замедления» в Иркутск «за провожатыми» виновного в преднамеренном убийстве наместника иеромонаха Виктора со свидетелями «из вкладчиков того монастыря».

Арестованный 30 мая 1746 г. наместник Виктор в первых числах июля был доставлен на архиерейский суд в Иркутск. Его дело начал рассматривать преосвященный Иннокентий II (Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский. Тем не менее окончательный приговор по уголовному делу иеромонаха Виктора был вынесен позже архимандритом Нафанаилом (Калинницким), в то время первым лицом Иркутской епархии. Вследствие серьезной болезни и скорой кончины Иннокентия II (Неруновича) Нафанаил (Калинницкий) долгие шесть лет исполнял обязанности наместника обширной Иркутской епархии⁸ [9].

Заметим, подследственный иеромонах Виктор (в схиме Венедикт) избежал сурового церковного наказания. В целях его безопасности он был переведен (вернее изолирован от возмущенных вкладчиков Нерчинского Успенского монастыря) в Иркутский Вознесенский монастырь «на житие среди братии» для «приведения к раскаянию и исправлению». На деле к схимнику Венедикту (бывшему наместнику Виктору) не были применены никакие покаянно-увещательные и воспитательно-исправительные меры – по причине того, что в свое время архимандрит Нафанаил (Калинницкий), будучи игуменом Нерчинского Успенского монастыря, сам привлекался к уголовной ответственности за «засечение до смерти вкладчика» указанного монастыря. Расследование по делу Нафанаила (Калинницкого) вели одновременно представители высшей государственной и духовной власти Восточной Сибири – вице-губернатор А. Н. Плещеев и преосвященный Иннокентий II (Нерунович), епископ Иркутский и Нерчинский. Следствие затянулось, около года собирали доказательства о виновности бывшего наместника Успенского монастыря. Ситуацией неопределенности воспользовался епископ Иннокентий II (Нерунович), возглавивший после смерти святителя Иннокентия I (Кульчицкого) самую протяженную в территориальном плане епархию. Новый владыка, не найдя ничего предосудительного «в жестоком наказании монастырского насельника» со стороны наместника Нерчинской Успенской обители Нафанаила (Калинницкого), не привлек его к архиерейскому суду, не вменил ему монастырской ссылки или епитимии, а, сохранив подследственного в сане архимандрита, весной того же 1735 г. указом по духовному ведомству назначил наместником Якутского Спасского монастыря, «для которого, по высказыванию епископа, он и был предназначен»⁹.

⁸ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

⁹ ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 11. Л. 183 об.; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

Братия Спасской мужской обители, получив распоряжение иркутского архиерея, выступила против жестокого и алчного наместника-убийцы Нафанаила (Калининского), отказав ему в наместничестве¹⁰. От лица иноков Спасского монастыря было выслано гневное письмо в Иркутскую духовную консисторию, следом посыпались многочисленные жалобы от архимандрита Нафанаила (Калининского), назначенного на должность настоятеля данного монастыря, обвинявшего монахов и насельников в «произволе и неподчинении». Данный инцидент потребовал персонального вмешательства Иннокентия II (Неруновича), вынужденного предпринять дальнюю поездку в Якутск и силой своего авторитетного положения, а также подкупа в виде льгот и привилегий Спасскому монастырю утвердить во главе его своего ставленника. Несмотря на отъезд обвиняемого Нафанаила (Калининского), Иркутская провинциальная канцелярия продолжала расследование уголовного дела. Ее сотрудниками был найден и арестован священнический сын Иван Попов, выходец из города Устюга Великого. На момент ареста он исполнял должность писца в архиерейском приказе преосвященного Иннокентия II (Неруновича). Следователи провинциальной канцелярии полагали, что Иван Попов мог знать о преступлении, произошедшем в Нерчинском Успенском монастыре, так как «когда-то временно проживал в нем». Вначале в атмосфере доброжелательной беседы сотрудник канцелярии Лебратовский попытался выяснить истинное положение дел и склонить невольного очевидца к показанию о противоправных действиях прежде бывшего настоятеля Успенского мужского монастыря Нафанаила (Калининского). После упорного молчания писца Попова к нему в целях дознания были применены пытки – «цепью, плетью, дыбками, хомутом и другими страшными орудиями»¹¹, но получить от Ивана Попова обвинительного показания в отношении архимандрита Нафанаила (Калининского) не удалось [7]. Со стороны же духовного начальства епархии к преступнику не было применено никаких церковно-покаянных мер.

Таким образом, в рассматриваемый исторический период в среде не только белого, но и черного духовенства Восточной Сибири, в частности Нерчинского дистрикта, совершались противоправные преступные деяния. О данном факте сохранился внушительного объема архивный материал, который дает возможность проследить специфику межличностных отношений в среде монашествующих, раскрыть мотивы, которыми руководствовались наместники православных обителей, совершая преступления, а также выявить особенности архиерейского судопроизводства по отношению к монастырским иереям. Заметим, что архивные источники убедительно показали, что в период формирования и начала деятельности самостоятельной Иркутской епархии в целях наведения дисциплины в духовном ведомстве епархиальные архиереи часто прибегали к судебнo-следственным действиям. На их фоне значительно выделялся своей принципиальностью, образованностью, знанием многочисленных гражданских, военных и духовных законодательных актов

¹⁰ ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 57. Л. 241 об.; Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1878. № 1 (январь). С. 85.

¹¹ Иркутские епархиальные ведомости (Прибавления). 1880. № 4 (февраль). С. 113.

епископ святитель Иннокентий (Кульчицкий), в прошлом главный военный священник Русского флота. На эту должность он лично был утвержден самодержцем Петром I. Компетентность и высокие нравственные качества Иннокентия I (Кульчицкого) помогали ему выносить обоснованные приговоры влиятельным духовным лицам, невзирая на их статус¹². Данные прецеденты подробно рассмотрены автором в предыдущих статьях.

Нерчинский Успенский монастырь широко использовался как место отбывания наказания, связанного с лишением свободы для лиц духовного звания. Черное и белое духовенство из епархий европейской части России, а также местные священноцерковнослужители разных званий привлекались к ответственности в специфической форме монастырского покаяния через изоляцию посредством «тюремного заточения» или через «тяжелые работы», что соответствовало христианской философии покаянно-епитимийных (подлинно пенитенциарных) действий со стороны руководства Православной церкви.

Список литературы

1. Бушueva Е. С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели 1775–1930 гг. (к 310-летию основания монастыря) / науч. ред. П. А. Новиков. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2016. 319 с.
2. Бушueva Е. С. Нерчинский Успенский мужской монастырь в пенитенциарной системе Российской империи // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2020. Т. 32. С. 90–95.
3. Бушueva Е. С. Неизвестные факты заточения Георгия Дашкова в тюрьме Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 121–127.
4. Бушueva Е. С. Богадельня Нерчинского Успенского монастыря – первое благотворительное учреждение Забайкалья (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Забайкалье историческое : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. Чита : Изд-во ЗабГУ, 2021. С. 56–62.
5. Бушueva Е. С., Новиков П. А. Роль межнациональных браков в стабилизации межэтнических отношений в этноконтактной зоне Восточного Забайкалья во второй половине XVII–XVIII веков (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 3. С. 30–40.
6. Бушueva Е. С. Развитие межэтнических отношений в Восточном Забайкалье (к истории Нерчинской Успенской церкви) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 11 (106). С. 285–291.
7. Бушueva Е. С. Первый настоятель Нерчинского Успенского монастыря: жизнь и деятельность // Православное Забайкалье. 2011. 11 марта. С. 5.
8. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 (1825–1870 гг.). М. : Юриздат, 1946. 478 с.
9. Жалсараев А. Д. Поселения, православные храмы, священнослужители Бурятии XVII–XX столетий. Энциклопедический справочник. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 2001. 386 с.
10. Карташов А. В. Очерки по истории Русской церкви. Т. 2. Репринтное воспроизведение. YMCA-PRESS. Париж, 1959. М. : Наука, 1991. 693 с.
11. Павлушков А. Р. Пенитенциарная практика северных монастырей XVIII–XIX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. Вологда, 2000. 29 с.
12. Полищук Н. И., Нарышкина Н. И. Применение к заключенным цепей и кандалов в тюрьмах России и Европы (X–XVII веков) // Семейное и трудовое право. 2017. № 1. (Т. 93). С. 27–33.
13. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством // Монастырские тюрьмы в царской России : сборник / подгот. к изд. А. И. Цепковым. Рязань : Александрия, 2010. 316 с.

¹² ГАИО. Ф. 50 (ОЦ). Оп. 1. Д. 12. Л. 62 об.

14. Сельский И. С. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц // Русское слово, 1861. Кн. 8 (август). С. 24–28.
15. Харланов В. Л. Церковно-пенитенциарная система: понятие, компоненты // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 3. С. 108–114.
16. Чистович И. А. Феофан Прокопович и его время. СПб. : [б. и.], 1878. 750 с.
17. Шаляпин С. О. Церковно-пенитенциарная система в России XV–XVIII веков : монография / Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М. В. Ломоносова. Архангельск : ИПЦ САФУ, 2013. 240 с.
18. Шорохов Л. П. Узники сибирских монастырей в XVIII веке // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX вв.) / отв. ред. Л. М. Горюшкин. Новосибирск : Наука, 1978. С. 294–308.

References

1. Bushueva E.S. *Naslediye Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monastyrya: prikhodskoy khram i yego nastoyateli 1775–1930 gg. (k 310-letiyu osnovaniya monastyrya)* [The legacy of the Nerchinsky Holy Dormition Monastery: the parish church and its abbots 1775–1930. (to the 310th anniversary of the founding of the monastery)]. Sci. ed. P. A. Novikov. Irkutsk, IGU Publ., 2016, 319 p. (in Russian)
2. Bushueva E.S. Nerchinskiy Uspenskiy muzhskoy monastyr v penitentsiarnoy sisteme Rossiyskoy imperii [Nerchinsk Assumption Monastery in the penitentiary system of the Russian Empire]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2020, vol. 32, pp. 90–95. (in Russian)
3. Bushueva E.S. Neizvestnyye fakty zatocheniya Georgiya Dashkova v tyur'me Nerchinskogo Svyato-Uspenskogo muzhskogo monastyrya [Unknown facts of the imprisonment of Georgy Dashkov in the prison of the Nerchinsk Holy Assumption Monastery]. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 121–127. (in Russian)
4. Bushueva E.S. Bogadelnya Nerchinskogo Uspenskogo monastyrya – pervoye blagotvoritelnoye uchrezhdeniye Zabaykal'ya (k istorii Nerchinskoy Uspenskoy tserkvi) [The almshouse of the Nerchinsk Assumption Monastery is the first charitable institution in Transbaikalia (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Zabajkalie istoricheskoe* [Historical Transbaikalia]. Proc. of the 1st All-Russian Sci. and Prac. Conf. Chita, ZabGU Publ., 2021, pp. 56–62. (in Russian)
5. Bushueva E.S., Novikov P.A. Rol mezhnatsional'nykh brakov v stabilizatsii mezhetnicheskikh otnosheniy v etnokontaktnoy zone Vostochnogo Zabaykal'ya vo vtoroy polovine XVII–XVIII vekov (k istorii Nerchinskoy Uspenskoy tserkvi) [The role of interethnic marriages in the stabilization of interethnic relations in the ethnocontact zone of Eastern Transbaikalia in the second half of the 17th–18th centuries (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector], 2020, vol. 15, no. 3, pp. 30–40. (in Russian)
6. Bushueva E.S. Razvitiye mezhetnicheskikh otnosheniy v Vostochnom Zabaykal'ye (k istorii Nerchinskoy Uspenskoy tserkvi) [Development of interethnic relations in Eastern Transbaikalia (on the history of the Nerchinsk Assumption Church)]. *Vestnik IrGTU* [Bulletin of ISTU], 2015, no. 11 (106), pp. 285–291. (in Russian)
7. Bushueva E.S. Pervyy nastoyatel Nerchinskogo Uspenskogo monastyrya: zhizn' i deyatelnost [The first rector of the Nerchinsk Assumption Monastery: life and work]. *Pravoslavnoe Zabajkalie* [Orthodox Transbaikalia], 2011, March 11, pp. 5–6. (in Russian)
8. Gernet M.N. *Istoriya tsarskoy tyurmy (1825–1870 gg.)* [History of the royal prison. In 5 vols. Vol. 2 (1825–1870)]. Moscow, Yurizdat Publ., 1946, 478 p. (in Russian)
9. Zhalsaraev A.D. *Poseleniya, pravoslavnyye khramy, svyashchennosluzhiteli Buryatii XVII–XX stoletiy* [Settlements, Orthodox churches, clergy of Buryatia 17th–20th centuries]. Encyclopedic reference book. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 2001, 386 p. (in Russian)
10. Kartashov A.V. *Ocherki po istorii Russkoy tserkvi* [Essays on the history of the Russian Church]. Vol. 2. Reprint reproduction. YMCA PRESS Publ. Paris, 1959. Moscow, Nauka Publ., 1991, 693 p. (in Russian)
11. Pavlushkov A.R. *Penitentsiarnaya praktika severnykh monastyrey XVIII–XIX vv.* [The penitentiary practice of the northern monasteries of the 18th–19th centuries] Cand. sci. diss. abstr. Volgda, 2000, 29 p. (in Russian)

12. Polishchuk N.I., Naryshkina N.I. Primeneniye k zaklyuchennym tsepey i kandalov v tyur'makh Rossii i Yevropy (X–XVII vekov) [Application of chains and shackles to prisoners in prisons of Russia and Europe (10th–17th centuries)]. *Semejnoe i trudovoe pravo* [Family and labor law]. 2017, vol. 93, no. 1, pp. 27–33. (in Russian)
13. Prugavin A.S. Monastyrskiye tyurmy v borbe s sektantstvom. [Monastic prisons in the fight against sectarianism]. *Monastyrskiye tyurmy v tsarskoy Rossii* [Monastic prisons in Tsarist Russia]. Prepared for publication by A.I. Tsepkov. Ryazan, Alexandria Publ., 2010, 316 p. (in Russian)
14. Selsky I.S. Ssylka v Vostochnuyu Sibir zamechatelnykh lits [Link to Eastern Siberia of remarkable persons]. *Russian Word*, 1861, book 8 (August), pp. 24–28. (in Russian)
15. Kharlanov V.L. Tserkovno-penitentsiarnaya sistema : ponyatiye, komponenty [Church and penitentiary system: concept, components]. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Pravo* [Bulletin of YUUrGU. Series: Law], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 108–114. (in Russian)
16. Chistovich I.A. *Feofan Prokopovich i yego vremya* [Feofan Prokopovich and his time]. St. Petersburg, 1878, 750 p. (in Russian)
17. Chaliapin S.O. *Tserkovno-penitentsiarnaya sistema v Rossii XV–XVIII vekov* [Church-penitentiary system in Russia 16th–18th centuries]. Monograph. Arkhangelsk, IPC SAFU Publ., 2013, 240 p. (in Russian)
18. Shorokhov L.P. *Uzniki sibirskikh monastyrey v XVIII veke* [Prisoners of Siberian monasteries in the 18th century]. Link and social and political life in Siberia (18th – early 20th centuries). Ed. ed. L.M. Goryushkin. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 294–308. (in Russian)

Сведения об авторе

Бушueva Елена Сергеевна
 старший преподаватель
 Иркутский национальный
 исследовательский технический
 университет
 Российская Федерация, 664074, г. Иркутск,
 ул. Лермонтова, 83
 e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8837-4917

Information about the author

Bushueva Elena Sergeevna
 Senior Lecturer
 Irkutsk National Research Technical University
 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, Russian
 Federation
 e-mail: tserkov1712spasite@yandex.ru
 ORCID: 0000-0002-8837-4917

Статья поступила в редакцию **15.02.2020**, одобрена после рецензирования **05.09.2022**, принята к публикации **30.11.2022**
 The article was submitted **February, 15, 2020**, approved after reviewing **September, 05, 2022**, accepted for publication **November, 30, 2022**

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ) / PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

Серия «Политология. Религиоведение»

2022. Т. 42. С. 109–116

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

Научная статья

УДК 291.3

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109>

**Экзистенциально-катафатический аспект восприятия
православной деревянной скульптуры на примере
Саваофа (Иркутск, XVIII в.)**

В. С. Кузнецова*

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Аннотация. Дается семиотическое обоснование использования неканонической деревянной скульптуры в православных приходах Иркутска XVIII в. С позиций семиотического подхода рассматриваются причины, по которым неканонический статус скульптуры не препятствовал ее использованию в литургии. Отмечается, что народное восприятие представлено в его тяготении к субстанциальному общению с сакральным, наделенным экзистенциалом присутствия; скульптура в народном мировосприятии представляется как экзистенциал субстанциального присутствия Бога и катафатическое явление его предикатов. Семиотический статус скульптуры определяется как подвижный, находящийся между символом и знаком.

Ключевые слова: скульптура в православии, экзистенциал, апофатизм, катафатизм, Саваоф, символ, знак, семиотика, иркутская деревянная православная скульптура.

Для цитирования: Кузнецова В. С. Экзистенциально-катафатический аспект восприятия православной деревянной скульптуры на примере Саваофа (Иркутск, XVIII в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 109–116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109>

Original article

**Existential-Cataphatic Aspect of the Perception
of Orthodox Wooden Sculpture on the Example of Sabaoth
(Irkutsk, 18th Century)**

V. S. Kuznetsova*

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. We give a semiotic justification of the using of non-canonical wooden sculpture in the Orthodox parishes of Irkutsk in the 18th century. From the standpoint of the semiotic approach, we consider the reasons why the non-canonical status of the sculpture did not prevent its applying in the liturgy. People's perception is presented in its craving for the substantial communication with the sacred, endowed by the existential of presence. Sculpture, from the point of view of the people's

© Кузнецова В. С., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

worldview, is presented as the existential of the substantial presence of God and the cataphatic manifestation of his predicates. The semiotic status of sculpture is defined as mobile, located between a symbol and a sign. The sculpture is deprived the apophatic abstractness of the symbol, however, it does not become a pointing sign. This position of the sculpture as a cataphatic affirmation of the predicates of God as merciful and forgiving makes it effective in conditions of transcultural missionary communication with indigenous peoples of Baikal region, creating an existential of presence and connection with God.

Keywords: sculpture in Orthodoxy, existentialism, apophaticism, cataphatism, Sabaoth, symbol, sign, semiotics, Irkutsk wooden orthodox sculpture.

For citation: Kuznetsova V.S. Existential-Cataphatic Aspect of the Perception of Orthodox Wooden Sculpture on the Example of Sabaoth (Irkutsk, 18th Century) . *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 109-116. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.109> (in Russian)

Одна из актуальных проблем философии религии и религиоведения связана с пониманием сущности религиозного символа и его воплощения в литургических образах предметов церковного культа. Существует тесная связь литургии и догматики в христианстве, поэтому в поле исследований различных аспектов литургии попадает только регламентированное догматикой, но религиозный символ существует и вне догматических представлений о нем. Так, например, в христианских конфессиях исповедание веры первично, а форма литургии вторична и зависит от особенностей исповедания веры: литургия у католиков, православных и лютеран предметно нам это показывает. То есть мы не можем сказать ничего утвердительного о смыслах происходящего на литургии до тех пор, пока детально не ознакомимся с содержанием вероучения: вне вероучения литургия в авраамических религиях исследователем (теоретическим дискурсом) не рассматривается. Очевидно, что в силу этого обстоятельства феномен православной скульптуры остается в тени науки, а иркутская православная деревянная скульптура до сих пор не имела посвященных ей научных исследований, в отличие от изученной и атрибутированной пермской деревянной скульптуры и скульптуры Русского Севера.

При таком взгляде мы часто упускаем из виду специфику восприятия религиозной доктрины стихийным религиозным сознанием. Для подобной стихийной коллективной религиозности характерно активное воображение, имажинативность [3, с. 13], образность в восприятии и передаче символического. Как раз этот уровень стихийной религиозности и соответствующий ему уровень понимания культа мы не учитываем, когда не рассматриваем возможность других форм существования культа, кроме догматически-канонических. Мы полагаем, что именно народное религиозное сознание было одной из причин появления и существования деревянной скульптуры как его адекватного языка, выражающего народный религиозный опыт, соответствующий транскультурной ситуации XVIII в., сложившейся в Байкальском регионе.

Обратимся к феномену деревянной скульптуры в пространстве православного храма Иркутской епархии XVII–XVIII вв. на примере ее ярчайшего образца – скульптуры Саваофа, датированной XVIII в., ныне находящейся в Иркутском областном художественном музее им. В. П. Сукачева, поступившей из Крестовоздвиженской церкви в 1974 г. (рис. 1) [4, с. 53]. Скульптура высотой около двух метров, по мнению искусствоведов музея, венчала иконостас [Там же, с. 46].

*Рис. 1. Саваоф. Резьба по дереву, XVIII в.
Иркутский художественный музей имени В. П. Сукачева
(фото автора)*

Отметим, что после возвращения с реставрации в 2015 г. скульптура Саваофа преобразилась, лик расчистили, скульптуру разместили на определенной высоте. Стало понятно, что Саваоф обладает силой воздействия на зрителей и звучанием, более громким и куда менее абстрактным, чем древнерусская икона и икона XVII–XVIII вв. Это различие восприятий скульптуры и иконы побуждает к теоретическому поиску обоснования его не столь очевидных причин. И икона, и сакральная скульптура, в данном случае Саваофа, – это различные формы – морфемы передачи символического, в терминологии структуры символического К. А. Свасьяна [7, с. 104], а именно содержания символического – метаморфемы, которые в авраамических религиях являются представлением о божественном таким, каким оно открылось Аврааму. Обратимся к рассмотрению семиотического статуса скульптуры Саваофа, литургический образ которого, по нашему мнению, воплощает экзистенциал народного мифа.

Олицетворение символа в пластических формах характерно для народного мифа как семиозиса, основанного на не-дискурсивном восприятии. В сакральной скульптуре мы имеем образцовый пример мифосемиотизации в авраамических религиях, вызывавший порицание со стороны церковной элиты, в лучшем случае своими указами убиравшей скульптуры в «рухлядные каморы». Напомним, что богословский апофатизм иудаизма и ислама не допускает визуализации Бога, тем более объемных изображений. Обратимся к истокам и вспомним, что Господь велел Моисею украсить крышку ковчега херувимами: «Сделай одного херувима с одного края, а другого херувима с другого края; *выдавшимися* из крышки сделайте херувимов на обоих краях ее»

(Исх. 25: 17–20). Из описания не следует указания на степень этого «выдавания» (объемности) фигур – ему может соответствовать и барельеф, и круглая скульптура. В историческое время формирования доктринальной (догматической и канонической) основы христианства на Вселенских соборах мы находим различные формы раннехристианского творчества. Скульптуры создавались вплоть до VII в. [5, с. 53] и только в период иконоборчества прекратили свое существование. Таким образом, возрождения скульптуры как иконы не произошло.

На Руси сакральная скульптура изначально присутствовала в культовых действиях. Скульптура из дерева восходит ко времени язычества [6, с. 14]. Русские мастера на протяжении веков хранили и передавали традиции оригинальной деревянной пластики. Народный опыт создания сакральной пластики много позже был реализован в Оружейной палате. По мнению Н. Н. Соболева, произведения Оружейной палаты начинают представлять собой интересную смесь западного влияния с пережитками местной старины [8, с. 74]. Языческие основы православной пластики исследует М. А. Бурганова, по словам которой, «дохристианские традиции были необыкновенно устойчивы в скульптуре, и обойти их, анализируя русскую религиозную скульптуру, невозможно» [2, с. 21]. Этот же автор отмечает необычайную популярность в народе рельефных икон из дерева или металлических сплавов и круглой скульптуры. Однако практика использования скульптур в православном церковном служении была, по нашему мнению, дискретной и противоречивой.

Говоря о силе взаимодействия восприятия человека и визуальных форм и образов литургии, можно сказать, что чем более конкретный, предметный и осязаемый образ для передачи идеи первообраза будет использован, тем легче будет достигнута коммуникативная цель. Интенциональность субъективного восприятия ищет экзистенциальные подобию, и эмоциональность подобию, какую мы видим в примере с Саваофом, усиливает его аттрактивность. Цель культа, понимаемая на уровне народного мифа как установление связи с Богом, в использовании скульптуры достигает субстанциальной коммуникации, для иллюстрации чего позволим себе привести пример «Христа в вязаных носках». Речь идет о скульптурном типе «Муж скорбей», представленном в крупнейшем хранилище православной скульптуры музеев и галерей г. Перми. Прихожане скульптуру «Христа в муках» одевали, на праздники наряжали, надевали на нее украшения. Христос в своих крестных страданиях обнажен, что было пыткой обнаженностью для честного человека, страдание обнаженностью Христа вызывало отклик у православных прихожан одеть скульптуру Христа. Известны случаи, когда люди («бабушки») приносили в музей спасенные в годы советских преследований религии скульптуры «Христа в муках», на ноги которых были надеты носки¹ и имевшие несколько комплектов облачения – «повседневное» и праздничное – и даже белье. Экзистенциальность коммуникации адептов и скульптуры Саваофа усилена его конкретикой, ма-

¹ Христос в вязаных носках: загадки православных «истуканов». URL: <https://ria.ru/20210103/statui-1590899136.html> (дата обращения: 22.08.2022).

териальной конкретикой того, что для адепта есть-для-него-сущее. О приоритете скульптур перед иконами в народном интенциале также свидетельствует наблюдение начальника отдела экспертизы и искусствоведческих заключений музея имени Андрея Рублева Жанны Белик: «Если в храме есть икона свяителя Николая и его же изваяние, то свечек больше у изваяния, нежели у писаного образа». Экзистенциальность восприятия усиливается «субстанциальностью присутствия», «наличностью» [10, с. 114].

Народный миф живет утверждением конкретной предметности символов абстрактных понятий. Отличие опредмеченного символа в стихийном народном религиозном восприятии от канонизированного, дискурсивно декларированного символа состоит в том, что народный миф находит разнообразные предметные формы высказываний о Боге как о метаморфеме, делит метаморфему Бога на ее составляющие, никогда ей не равные, стремясь олицетворить символическое. Высказывание о метаморфеме авраамического делает катафатическое утверждение о сути того, что стоит за этой предметной формой символа. Имеем ли мы дело с символом в данном случае или символ становится знаком? Очевидно, что метаморфема здесь теряет объем своего содержания, приобретая конкретность. Эта динамика, или эманация (нисхождение) от символа к знаку, может менять вектор и подниматься к исходной высоте символа. Это колебание между знаком и символом мы назовем диалектикой апофатического и катафатического, диалектическим взаимодействием морфемы одной из возможных персонификаций образа Творца и метаморфемы Творца как абстрактного символа, не выразимого ни одной из попыток его антропоморфного олицетворения.

Вернемся к скульптуре Саваофа, представляющего собой образ Бога Отца, стоящего на облаке (рис. 2).

Рис. 2. Саваоф, XVIII в. (фото автора)

Опустим явную даже для неэкспертов «неканоничность» такого изображения. Когда мы пытаемся воспринять облик Саваофа, выполненный в технике резьбы по дереву в XVIII в. для одной из иркутских церквей, очевидно, с миссионерской целью, мы видим, что этот образ выполнен его художником как сентиментальный образ Бога Отца. Лик Саваофа предстает без рельефа морщин, но в обрамлении белых седин. На лице Саваофа нет гневно сдвинутых бровей, драматических заломов, нахмуренного лба, на нижних веках под глазами нет теней, как в иконографии Пантократора (заметим – также катафатического высказывания), или, например, яркого гневного образа иконы «Спас Ярое Око». Интересно, что П. Флоренский «страх Божий» в своих лекциях по философии культа называл главным определением культа, «исходным переживанием культа» [9, с. 88–89]. Но Саваоф – с гладким ликом, мягким взглядом смотрящий на нас, – не вызывает «страха Божьего», порождая сентиментальность восприятия (воздействуя на чувства, а не на разум), вызывая чувства близости, доступности, «отеческой» милости, доброты и всепрощения, понятных в том числе тем, кто не понимает церковнославянского языка проповеди, – представителям коренных народов Прибайкалья XVIII в., шаманистам, адептам тенгрианства. Визуальный объект воспринимается в первую очередь семантически, и возникающее «первовидение» является «отношенческим» [1, с. 75]. В сакральной коммуникации «ответ на *кто* идет из самого *я*, субъекта, самости...» [10, с. 114], воспринимающий чувственно ощущает Бога в ней как бытие сущего, бытие присутствия, «сущее, которое всегда есть я сам, бытие всегда мое» [Там же]. Предположим, что литургический образ Саваофа в данной транскультурной коммуникации партиципирует с образом Небесного отца Тэнгэр Эцэп и, соединяясь, создает сильную эмоционально-чувственную связь. Можно также вспомнить, что тюркские и монгольские народы тоже имели опыт сакральной круглой скульптуры, например онгоны, духи предков. В транскультурной сакральной коммуникации Саваоф сам ведет сентиментальную проповедь к чувствам всех, кто к нему пришел, даже без участия священника. Он не апофатичен, он – катафатическое выражение народного мифа, олицетворение, метафора, образ, он – производная форма символа Творца и более соотносим с морфемой символа, чем с самим символом. В скульптуре деревянного Саваофа катафатически утверждается возможность высказывания о предикатах Творца в форме, выходящей за границы канонов православия, свержения символа с высот его абстрактности и предметно-чувственного оплотнения всех чаяний к трансцендентному без «страха Божьего».

Таким образом, можно, при внимании к неканоническим формам религиозного искусства, увидеть существование народного мифа в форме олицетворения исходного метаморфемного символа Творца в сентиментальный образ доброго старца на облаке. Семиотическое осмысление феномена сакральной скульптуры в авраамических религиях и в православии помогает рассматривать культ и участие символа в нем как коммуникацию с сакральным на разных уровнях восприятия. На примере деревянной скульптуры Саваофа мы

определили семиотическое положение скульптуры в православии как динамическое состояние между морфемой народного мифа с присущим катафатическим утверждением милости и доброты Бога Отца и христианско-православным канонизированным символом в официальной практике вероисповедания. На уровне народного семиозиса коммуникация с сакральным происходит через образы-знаки, лишенные абстрактности символа. Скульптура Саваофа представляется предметным образом с сентиментально-положительным характером в состоянии семиотической динамики между символом и знаком. Эта модальность ближе к народному восприятию, имажинативно-народной структуре чувства, поскольку субстанциально участвует в культе – коммуникативном акте с сакральным. Форма скульптуры, не являясь православным каноном, но и не имея достаточного обоснования на запрет, востребована типом народного восприятия, идентифицирующего себя как нуждающегося в защите, ищущего не характерно-конфессионального для православия переживания «страха Божьего», а чувства отеческой заботы и всепрощения. Экзистенциально-катафатический образ Саваофа, находящийся между символом и знаком, исключительное явление в православной литургической практике. Но ее семиотический статус, как мы видим, делает скульптуру закономерной и необходимой. Данное положение скульптуры в качестве катафатического утверждения предикатов Бога как милостивого и прощающего определяет ее высокий коммуникативный потенциал в условиях транскультурной миссионерской коммуникации с коренными народами, создавая экзистенциал присутствия и связи с Богом.

Список литературы

1. *Артемяева Е. Ю.* Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М. : Наука : Смысл, 1990. 147 с.
2. *Бурганова М. А.* Русская сакральная пластика : дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.04. М., 2002. 269 с.
3. *Голосовкер Я. Э.* Имагинативный абсолют. М. : Акад. проект, 2012. 312 с.
4. Иркутский художественный музей имени В. П. Сукачева. Живопись. Графика. Декоративно-прикладное искусство / И. Е. Прудников [и др.]. СПб. : АРС, 1993. 262 с.
5. *Лазарев В. Н.* История византийской живописи. Т. 1. М. : Искусство, 1986. 764 с.
6. *Померанцев Н. Н.* Русская деревянная скульптура. М. : Сов. художник, 1967. 132 с.
7. *Свасьян К. А.* Проблема символа в современной философии. М. : Акад. проект, 2010. 224 с.
8. *Соболев Н. Н.* Русская народная резьба по дереву. М. ; Л. : ACADEMIA, 1934. 478 с.
9. *Флоренский П. А.* Из богословского наследия священника Павла Флоренского // Богословские труды. Сб. 17. М. : Изд. Моск. Патриархии, 1977. С. 87–248.
10. *Хайдеггер М.* Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. 5-е изд. М. : Акад. проспект, 2015. 460 с.

References

1. Artemyeva E.Y. *Osnovy psikhologii sub"ektivnoj semantiki* [Fundamentals of the psychology of subjective semantics]. Ed. I.B. Khanina. Moscow, Nauka Publ., Meaning Publ., 1990, 147 p. (in Russian)
2. Burganova M.A. *Russkaya sakralnaya plastika* [Russian sacred plasticity]. Cand. sci. diss. Moscow, 2002, 269 p. (in Russian)
3. Golosovker Y.E. *Imaginativnyj absoljut* [Imaginative absolute]. Moscow, Academic project Publ., 2012, 312 p. (in Russian)

4. Irkutskij hudozhestvennyj muzej imeni V.P. Sukachyova. Zhivopis. Grafika. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo [Irkutsk Art Museum named after V.P. Sukachev. Painting. Graphic arts. Arts and Crafts]. I.E. Prudnikov, E.S. Zubriy, T.P. Ogorodnikova et al. St. Petersburg, ARS Publ., 1993, 262 p. (in Russian)

5. Lazarev V.N. *Istoriya vizantijskoj zhivopisi* [History of Byzantine Painting]. Vol. 1. Moscow, Art Publ., 1986, 764 p. (in Russian)

6. Pomerantsev N.N. *Russkaya derevyannaya skulptura* [Russian wooden sculpture]. Moscow, Soviet Artist Publ., 1967, 132 p. (in Russian)

7. Svasyan K.A. *Problema simvola v sovremennoj filosofii* [The problem of the symbol in modern philosophy]. Moscow, Academic Project Publ., 2010, 224 p. (in Russian)

8. Sobolev N.N. *Russkaya narodnaya rezba po derevu* [Russian folk woodcarving]. Moscow, Leningrad, ACADEMIA Publ., 1934, 478 p. (in Russian)

9. Florensky P.A. Iz bogoslovskogo naslediya svyashchennika Pavla Florenskogo [From the theological heritage of Priest Pavel Florensky]. *Bogoslovskie trudy. Sbornik 17* [Theological Works. Collection 17th]. Moscow, Moscow Patriarchy, 1977, pp. 87-248. (in Russian)

10. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. translation from V.V. German Bibikhina. 5th ed. Moscow, Academic project Publ., 460 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Кузнецова Виктория Сергеевна

кандидат философских наук, доцент,
кафедра философии и методологии науки
Иркутский государственный университет
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1
e-mail: fly.888@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7400-5758

Information about the author

Kuznetsova Victoria Sergeyevna

Candidate of Sciences (Philosophy), Associate
Professor, Department of Philosophy and
Methodology of Science
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian
Federation
e-mail: e-mail: fly.888@ya.ru
ORCID: 0000-0002-7400-5758

Статья поступила в редакцию **23.08.2022**; одобрена после рецензирования **20.09.2022**; принята к публикации **30.11.2022**
The article was submitted **August, 23, 2022**; approved after reviewing **September, 20, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**

УДК 291.62

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.117>

Шаманский нарратив в современной Бурятии

Е. А. Епихина*

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва
Российская Федерация*

Аннотация. Проводится семантический, функциональный и структурный анализ автобиографий современных бурятских шаманов с целью выявления устойчивых элементов и их функций, который в последующем может помочь в определении соотношения традиции и новации в шаманизме. Статья основывается на полевом материале автора, собранном в августе 2021 г. в г. Улан-Удэ в местной религиозной организации шаманов «Тэнгэри». При опросе применялся метод полуструктурированного интервью. Данные полевых исследований сравниваются с результатами анализа автобиографий нганасанских шаманов, представленными в статье О. Б. Христофоровой. В ходе исследования устанавливается, что нарративы современных бурятских шаманов являются скорее спонтанными рассуждениями собеседников (в ответ на вопросы исследователя), а не устойчивыми сложившимися рассказами, тем не менее в автобиографиях современных шаманов можно обнаружить элементы традиционного шаманского фольклора: нарративы о шаманской болезни и избранничестве. Кроме того, в автобиографиях наших респондентов выделяются новые мотивы: «поиск разрешения кризиса», «шаманы советского периода» и «изменение жизни». Эти мотивы можно отнести к элементам новаций, которые дополняют и развивают традиционные сюжеты.

Ключевые слова: бурятский шаманизм, автобиография шамана, нарратив, традиция, новация.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Традиционные сообщества в постсекулярную эпоху» при поддержке ПСТГУ и фонда «Живая традиция».

Для цитирования: Епихина Е. А. Шаманский нарратив в современной Бурятии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 117–127. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.117>

Original article

Shamanic Narrative in Modern Buryatia

E. A. Epikhina*

Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article provides a semantic, functional and structural analysis of the autobiographies of modern Buryat shamans in order to determine stable elements and functions, which can later help in determining the relationship between tradition and innovation in shamanism. The article is based on the author's field material collected in August 2021 in Ulan-Ude in the local religious organization of shamans "Tengeri". A semi-structured interview method was used in the survey. The field research data are compared with the results of the analysis of the autobiographies of the Nganasan shamans, given in the article by O. B. Khristoforova. In the course of the study, it was revealed that the narratives

of modern Buryat shamans are rather spontaneous arguments of interlocutors (in response to the researcher's questions), rather than stable established stories. Nevertheless, elements of traditional shamanic folklore can be found in the autobiographies of modern shamans: narratives about shamanic illness and election. These two motives act as some kind of identification marker of belonging to the tradition (the function of substantiating the truth of the shamanic gift), which is important for modern shamans. However, we can notice that the function of "interpretation of psychophysiological states" is weakened due to the formation of a shaman in a different socio-cultural context, and the description of visions during shamanic illness is either absent or taboo. New motives are highlighted in the autobiographies of our respondents: "the search for a solution to the crisis", "shamans of the Soviet period" and "changing lives". These motifs can be attributed to the elements of innovations that complement and develop traditional plots.

Keywords: buryat shamanism, autobiography of a shaman, narrative, tradition, innovation.

For citation: Epikhina E. A. Shamanic Narrative in Modern Buryatia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 117-127. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.117> (in Russian)

Различные аспекты шаманизма пронизывали социальную, экономическую и политическую сферы общественной жизни бурятского народа. Это проявлялось прежде всего в деятельности шамана: в совершении обрядов жизненного цикла, участии в моральном и правовом регулировании, проведении обрядов по сохранению и умножению скота и т. д. По традиционным представлениям, именно шаман обладал экстраординарными способностями, благодаря которым он мог входить в непосредственный контакт с духами и божествами, от его способностей и успешности проведенного им обряда зависело благополучие народа. Поэтому шаман являлся одной из значимых фигур в традиционном сообществе.

Однако под влиянием буддизма, христианства, советской идеологии и модернизации роль шамана (и шаманизма в целом) постепенно нивелировалась в бурятском социуме. По словам Т. М. Михайлова, вследствие антирелигиозной кампании в 50–70-е гг. настал кризис бурятского шаманизма [5, с. 204–255]. Но в конце XX в. в республике на фоне общего религиозного «ренессанса» наблюдалось возрождение шаманизма. Спрос населения на разного рода религиозные услуги начал расти. Количество шаманов резко увеличилось. Перед исследователями стал вопрос о традиционности современных шаманов [1; 6], а перед самими шаманами – вопрос об истинности шаманских способностей их коллег. Появились шаманские организации, которые проводили демаркацию между «настоящими шаманами» и «лжешаманами». Антропологи, историки, религиоведы стали предпринимать исследования, в которых резюмировалось, что некоторые черты, приобретенные современным шаманизмом в ходе процесса возрождения, нехарактерны для традиционного шаманизма, а современные шаманы все менее похожи на своих предшественников. Нам кажется, все это оказывает определенное давление на современных шаманов, которые вынуждены доказывать свою традиционность. Приверженность к традиции для них синонимична истинности шаманского дара (возможно, поэтому так болезненно отнесся к статье известного академика

Н. В. Абасева Б. Ж. Цырендоджиев)¹. В связи с этим, на наш взгляд, своевременным представляется анализ автобиографии современного шамана для определения параметров традиционности.

О современном бурятском шаманизме писало множество авторов, среди которых можно выделить В. И. Харитонову [6], А. И. Дарханову [2], Н. Л. Жуковскую [3; 4], Э. М. Цыденова [8], З. Ц. Будажапова [1] и др. В их работах так или иначе был представлен автобиографический аспект шаманизма, но структура, мотивы и функции автобиографии шамана в шаманском сообществе не рассматривались. В нашей статье мы постараемся провести семантический, функциональный и структурный анализ автобиографий современных шаманов с целью определения устойчивых элементов и их функций. Мы предполагаем, что это может приблизить нас к ответу на вопрос о соотношении традиции и новации в шаманизме.

В августе 2021 г. нами было организовано пилотное исследование в г. Улан-Удэ в местной религиозной организации шаманов (МРОШ) «Тэнгэри». «Тэнгэри» – на настоящий момент одна из самых активно развивающихся и медийных шаманских организаций в Республике Бурятия, которая привлекает внимание не только исследователей, но СМИ и туристов. Шаманы этой организации открыты для общения, они активно включены в реалии современного мира.

По словам пресс-секретаря «Тэнгэри» Оксаны Ким, в организацию входят шаманы из Республики Бурятия и Иркутской области. На август 2021 г. в ней зарегистрировано 108 человек, из них 30–35 практически постоянно присутствуют в «Тэнгэри». Нами был опрошен 21 шаман (наши респонденты согласились ответить на вопросы на условиях анонимности, поэтому инициалы являются вымышленными), т. е. 60–70 % от числа постоянно присутствующих в центре. К опросу нами был применен метод полуструктурированного интервью с целью выявления общих черт в автобиографии. Изучение интервью, носящих автобиографический характер, позволило практически везде выявить единый нарратив.

Результаты анализа интервью шаманов организации «Тэнгэри» мы сравним с данными статьи современного отечественного антрополога О. Б. Христофоровой «Получение дара: рассказы о шаманском становлении у нганасан» [7, с. 100–101], в которой изучены биографии шаманов-нганасан, записанные в 30-е гг., когда эта народность еще сохраняла традиционный образ жизни. О. Б. Христофорова выделяет основные способы получения шаманского дара у нганасан и основные мотивы рассказов о снах-становлениях. Статья представляется для нас ценной, так как в ней предложена структура и определены функции автобиографии шаманов, которые, по нашему мнению, можно обнаружить в автобиографиях шаманов других традиционных сообществ.

С точки зрения автора, «рассказы о шаманском становлении (автобиографии. – *Прим. авт.*) у нганасан по структуре, символическим и мотивам представляют собой инициационные тексты – не вполне институционализированные, наполненные индивидуальными особенностями, но все же построенные по

¹ Дело № 2-1349/2020 // Судебные решения РФ: [сайт]. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/53127962> (дата обращения: 25.07.2022).

вполне фольклорной схеме, стандартизирующей персональный опыт видений» [7, с. 100].

Так, ученый выделяет два крупных блока нарратива: избранничество и шаманскую болезнь. Эти два блока достаточно широко распространены в шаманском фольклоре разных народов, и поэтому вполне можно назвать их универсальными.

Автобиография шамана имеет прагматическую функцию «обоснование истинности шаманского дара» [Там же, с. 87], а также функцию «интерпретации распространенных среди народов Севера определенных психофизиологических состояний и направления развития этих состояний у молодых людей по схеме “шаманская болезнь”» [Там же, с. 88], которая, по нашему мнению, так или иначе прослеживается и в автобиографии современных бурятских шаманов.

Таким образом, нам предстоит выяснить, является ли автобиография современного бурятского шамана относительно устойчивым нарративом, имеющим повторяющиеся структуру, мотивы и сюжеты, но тем не менее не лишенным индивидуализма и личных переживаний.

Мотивы избранничества и «шаманской болезни»

Мотивы избранничества и шаманской болезни мы встречаем в рассказах современных шаманов Республики Бурятия.

В отличие от автобиографий нганасанских шаманов начала XX в. автобиография о становлении шамана в современной Бурятии начинается не с рассказа об избранничестве, а с повествования о поиске возможностей преодоления жизненных трудностей, которые впоследствии нашими респондентами стали ассоциироваться с «шаманской болезнью». Этот мотив мы предлагаем назвать «поиском разрешения кризиса». Данное обстоятельство можно объяснить двумя факторами. Во-первых, тем, что в результате вышеупомянутых исторических событий современные шаманы были воспитаны в ином социокультурном контексте, где шаманизм находился на периферии жизни либо попросту отсутствовал. Во-вторых, религиозным плюрализмом, который является результатом секуляризационных процессов, породивших «религиозный рынок».

Респонденты подчеркивают, что до посвящения религия играла незначительную роль в их жизни либо вообще отсутствовала. Для них было достаточно, что их родители или прародители (бабушка и/или дедушка) молятся за них.

До определенного момента респонденты были удовлетворены жизнью, занимали достаточно хорошее и устойчивое положение в обществе. Наши собеседники были до посвящения педагогами, юристами, бухгалтерами, бизнесменами, ветеринарами, занимали должности в государственных структурах. Но в определенный момент у всех опрошиваемых произошел кризис (большинство из них стало шаманами в возрасте от 30 до 40 лет), который был связан с болезнью (иногда неизлечимой или не определимой врачами), различными проблемами в семье и профессиональной деятельности, депрессивными состояниями. Все эти проблемы у большинства возникали комплексно. Воспитываясь в совершенно «обычных» семьях, они не распознали в этом кризисе «шаманскую болезнь», пытались разрешить его различными способами – об-

ращались за помощью к врачам, психологам, ламам, православным священникам, гадалкам. Однако после того, как все варианты были опробованы и не принесли ожидаемого результата, респонденты отправлялись к шаманам, которые после проведения обрядовых действий сообщали о наличии в их родословной шаманов (чаще всего и по материнской, и по отцовской линиям) и констатировали у них «шаманскую болезнь».

Некоторые наши собеседники крайне неохотно сообщали о протекании «шаманской болезни», так как этот период был для них очень трудным. Рассказы о «шаманской болезни» были достаточно сжатыми и сводились лишь к описаниям тупиковых жизненных ситуаций. Рассказы о мистических переживаниях, которыми наполнены автобиографии нганасанских шаманов, попадают у наших респондентов крайне редко и даны достаточно лаконично. Возможно, это связано с тем, что эти переживания либо вообще не встречались в практике опрашиваемых, либо связано с религиозным страхом перед сверхъестественными силами: «Вот я, когда вначале начал болтать, что я это... и сразу у меня голова начала болеть, так они (духи. – *Прим. автора*) влияют на это, жестко начала болеть, типа, замолчи. Я сперва хотел сказать, давайте закончим, потом я постепенно ушел немножко в другую тему, и они сразу отпустили. В данное время я нормально чувствую»².

Однако в автобиографиях некоторых наших собеседников присутствуют элементы интерпретации «шаманской болезни»: «Прежде чем стать шаманом, неофит, у которого уже началась шаманская болезнь, должен пройти все ипостаси этой жизни – и огонь, и воду, и медные трубы. Человек должен пройти, чтобы понимать страдание, чтобы понимать то состояние, с которым к нему может прийти человек. Он должен, возможно, даже получить это более утрированно, нежели тот человек, у которого что-то болит. То есть люди, которые испытывают страшные боли от онкологии, этот человек, который может им помочь, должен их испытать втрое сильнее, вчетверо сильнее. Конечно, может быть, это будет в менее продолжительном времени, нежели та болезнь, которая преследует именно того человека страждущего, шаман, будущий шаман, должен испытать на себе все это»³. Дают опрашиваемые своему состоянию другое толкование: «Когда приходит дар, мы называем это шаманской болезнью. Да? И здесь появляются те или иные особенности этой болезни, скажем, которые не слишком приятны для человека. Мы говорим: это нарушение психологии, восприятия мира, и она дает тоже свой оттенок. И когда это пришло, ты именно находился вне общества, когда при проведении родового обряда божества выбирают именно тебя, когда делают тебе посвящение, и ты становишься обратно нормальным, то есть начинаешь обратно нормально воспринимать мир, то тогда ты уже понимаешь, что это какое-то чудо, да? Ты полностью начинаешь верить в то, во что раньше не верил, и ты тогда начинаешь узнавать, познавать те или иные особенности веры, иные особенности религии. И тогда приходит то, что мы говорим “знание о мире в

² Полевые материалы автора (ПМА). 2021. Бурятия. Б-ев С. С., 1962 г. р., шаман.

³ ПМА. 2021. Бурятия. У-ев А. К., 1980 г. р., шаман.

целом»⁴. Первая интерпретация связана с вопросом «почему?» и с мотивом страдания, сострадания и эмпатии, вторая – с вопросами «как?» и «что происходит во время шаманской болезни?».

Также интересно было отметить, что рассказы о мистических переживаниях чаще всего встречаются у шаманов, чьи детские воспоминания связаны с участием в шаманских обрядах и с опытом репрессий советского периода против верующих. Эти рассказы можно выделить в отдельный блок «шаманы советского периода». В советское время шаманизм был под запретом, поэтому шаманская атрибутика пряталась, крупные обряды (например, тайлаган. Тайлаган – это обряд, совершаемый шаманом или шаманкой в масштабе улуса или улусов одного рода. Основная цель обряда – испрашивание у богов, эжиров благополучия), которые могли привлечь внимание общественности, в этот период не совершались. Но небольшие обряды все же проводились на дому или в лесу подальше от людей. Случалось, что обрядовые действия совершались ночью. Иногда во время обряда детей уводили из дома из опасения, что они расскажут посторонним людям об этом. Люди боялись становиться шаманами, так как они могли быть репрессированы (у некоторых шаманов родственники в 30-е гг. были расстреляны).

Приведем один из самых ярких фрагментов, посвященный воспоминаниям о шаманизме советского периода: «Из-за репрессий шаманизм в нашем районе укоротился, или уменьшился, забыли атрибуты из-за репрессий тридцатых годов, из-за репрессий на религию. Боялись они, атрибуты спрятали, зеркальные нагрудные знаки, все убрали, шляпа, шапочка, пояс был бы, и дедушка у кого-то знает этот обряд, вот они и проводили, даже во время репрессий ночью проводили, где-то собирались потихоньку, потихоньку молились ночью и заканчивали. Потом, когда сейчас, скажем, двадцать лет назад, примерно двадцать пять лет назад, новый век, новое время пришло – она открылась. <...> В 1943 году ему (отцу. – *Прим. авт.*) было семнадцать лет, он резко заболел. Отцы и дедушки были, они участвовали, бабушка со старым дедушкой не могли понять. Там был один-единственный какой-то шаман опытный оставшийся, его привезли ночью, он посмотрел, погадал, говорит... Из-за болезни отец был на грани смерти, то сознание потеряет, то приходит, то температура. Один раз приходил, когда шаман здесь сидел, он сказал: тут пришли ко мне дедушка наш, говорит, ну, который был шаманом, дух его пришел, говорит, требует. Ну что, возьмешь по-белому или по-черному, давай выбирай. И этот опытный шаман объяснил его маме, дедушке объяснил, что надо делать, что его посвящать надо. Они испугались из-за репрессий: давайте что-нибудь сделаем, пока не будем, слишком маленький, семнадцать лет, ребенок еще, не понимает. И этот шаман решил просить продления. Взрослого барана с большими рогами ночью, сделал обряд жертвоприношения и попросил двадцать лет подождать, так как он еще не созрел, и это нормально, прошел. И у нас в основном кузнечный, если кузнечный, например, чтобы не брать, можно было работать в кузнице с железом, или строить дома, по дереву столярничать

⁴ ПМА. 2021. Бурятия. П-ев С. У., 1966 г. р., шаман.

уметь, когда этим делом занят кузнечным – божества не трогают, на шаманизм не тянут, есть такой метод...»⁵

Некоторые респонденты в интервью упоминают о миграции бурятов в Монголию в 30-е гг., во время репрессий. И подчеркивают, что именно благодаря тому, что их родственники мигрировали, бурятский шаманизм сохранился. По словам Б. Ж. Цырендоржиева, основателя и председателя правления МРОШ «Тэнгэри», его родственники были репрессированы в это время. После того как у него обнаружилась «шаманская болезнь», он поехал посвящаться в Монголию, по возвращении из которой начал возрождать в Бурятии традиционный бурятский шаманизм.

Во всех рассказах о шаманах советского периода прослеживалась идея о том, что, несмотря на все трудности, шаманы пытались сохранить веру и проводили обряды. Шаманизм сохранился на семейно-бытовом уровне. И в этом контексте опрашиваемые шаманы сообщают, с одной стороны, о том, что шаманская традиция хоть и находилась в состоянии упадка, но все же не была прервана, с другой стороны, через рассказ о шаманах-предках они легитимизируют свой шаманский дар.

Мотивы избранничества также прослеживаются в автобиографиях наших респондентов. Все шаманы сообщали о наличии у них шаманского корня – халуунай удха («халуунай удха» – термин, обозначающий передачу шаманского дара по отцовской линии) или хари удха («хари удха» – термин, обозначающий передачу шаманского дара по материнской линии). Но в отличие от шаманов традиционных сообществ знание об этом было ими получено разными способами: из рассказов родственников, от опытного шамана, от гадалок. Некоторые опрашиваемые рассказывали о том, что признаки «шаманской болезни» проявлялись еще в детском возрасте, но они не придавали этому значения, так как думали, что это обыденность. Другие вспоминали случаи о том, что ранее в молодости им гадалки или шаманы, которые проводили обряд их родственникам, предрекали судьбу шамана, но в тот момент они не обратили особого внимания на эти предсказания.

Большинство опрашиваемых не хотели принимать шаманский дар, осознавая неготовность к радикальным изменениям в жизни и понимая, что принятие шаманского дара – это большая ответственность и нагрузка. Но безвыходность ситуации заставила согласиться стать шаманом.

Мотив «изменение жизни»

Для удобства изложения произошедших в жизни шамана изменений предлагаем разделить их на три этапа:

- 1) первый этап связан с «шаманской болезнью», когда распорядок обычной жизни был нарушен;
- 2) второй этап связан с переживаниями первого обряда посвящения;
- 3) третий этап связан с ведением шаманской деятельности.

---

⁵ ПИМА. 2021. Бурятия. Б-ев С. С., 1962 г. р., шаман.

Так как первый этап, когда дает о себе знать «шаманская болезнь», был описан ранее, перейдем к описанию второго этапа – переживания обряда посвящения. Некоторые шаманы подчеркивали, что до обряда посвящения были измотаны эмоционально и физически: не спали на протяжении нескольких лет, чувствовали внутреннее напряжение, болели. Подготовка к посвящению и сам обряд также сопровождались большим физическим и психологическим напряжением. Может быть, даже наиболее интенсивным. После посвящения это напряжение ушло, и многие ощущали себя счастливыми, испытывали «очень приятное чувство, которое длилось долго»⁶, «целую гамму чувств, непередаваемую словами»⁷, которые можно сравнить с состоянием эйфории. Одна женщина не испытала во время посвящения никаких чувств, для нее обряд прошел достаточно быстро, она «даже не заметила»⁸. Но после посвящения, уже дома, она почувствовала необычное ощущение: «Когда домой пришла, успокоилась, легла спать – не знаю, может, это моя фантазия, но я ощутила – прямо рядом как будто кто-то стоит или лежит, не пойму, и такое состояние какое-то было»⁹.

Несколько опрошиваемых пытались передать ощущения до и после посвящения. Приведем одно из описаний: «Я вам скажу, чем для меня отличалось состояние перед посвящением и во время посвящения. В какой-то момент я ощутил это прямо на первом посвящении. К моменту посвящения я уже ни спать, ни есть не мог, я чувствовал себя как трансформаторная будка – я весь гудел, я был абсолютно расфокусирован, я уже внимание плохо сосредотачивал на одном предмете, не мог удержать его... Там сопутствующих факторов было очень много, но самое основное – это абсолютный расфокус, это постоянное состояние тремора и внутреннего, и наружного. Я гудел, у меня амплитуда моего колебания, наверное, была очень высокой и, возможно, даже заметной снаружи. И в какой-то момент, уже в момент посвящения, я вдруг обнаружил, что я не трясусь, что я не гужу, как будка трансформаторная. Вдруг со мной стало все в порядке. После первого посвящения я чувствовал себя великолепно, я был как новорожденный, как будто у меня отпуск выдался, я отдыхал месяц на самых лучших курортах нашей планеты, меня накачали силами, и я чувствовал себя просто великолепно. Никаких головных болей, никаких болей в суставах, мышцах, никаких головокружений, никакой чесотки, нервных моментов. Сон прекрасный, спать хотелось изо всех сил, то есть отсутствие сна прошло, нормализовался сон, нормализовался прием пищи. Да все, в принципе, нормализовалось. Я чувствовал себя сильным, здоровым человеком, которому по плечу многие вещи»¹⁰. Другой респондент состояние после посвящения сравнил с образом мира, который до посвящения был черно-белым, а после заиграл разноцветными красками.

⁶ ПМА. 2021. Бурятия. У-ина А. С., 1969 г. р., шаманка.

⁷ ПМА. 2021. Бурятия. П-ев К. С., 1975 г. р., шаман.

⁸ ПМА. 2021. Бурятия. Е-ина П. Н., 1985 г. р., шаманка.

⁹ Там же.

¹⁰ ПМА. 2021. Бурятия. У-ев А. К., 1980 г. р., шаман.

После обряда посвящения (начало третьего этапа) в процессе ведения шаманской деятельности жизнь шаманов, по их признанию, изменилась в лучшую сторону. В основном это связано с материальным благополучием («дела пошли в гору», «дом достроился»), нормализацией психологического состояния (стали спокойнее), здоровья. Некоторые отметили, что в процессе ведения шаманской деятельности поменялись ценности, жизнь стала более осмысленной и изменилось отношение к людям. Респонденты стали более участливыми к проблемам людей: «Отношения, да, отношения точно изменились (к жизни. – *Прим. авт.*). После первого вряд ли. Наверное, сейчас точно изменились. Человек, который пришел в десятом году на первое посвящение и сегодняшний человек – это абсолютно разные люди. Абсолютно разные, хотя внешне... а, внешне тоже, рыха стала шире. Мировоззренчески – да, очень многие вещи изменились, понимание внутреннее изменилось, отношение к людям, ну, это, скорее всего, после третьего – пятого, я думаю, после девятого вы ко мне приедете, если будем разговаривать, то будем разговаривать совершенно... ну, почти о том же, но другими словами, и совершенно другое отношение будет. Поменялись такие материально-духовные ценности, вот это да, очень серьезно изменилось. Тут скорее, знаете, традиционно возврат к корням, традиционным вещам»¹¹.

Опрошенные нами шаманы радикально изменили свою жизнь: они оставили прежнее место работы (однако некоторые шаманы в начале своего шаманского пути старались совмещать функции шамана с обычной работой, но впоследствии им пришлось отказаться от нее, так как количество обращающихся увеличивалось, и проведение обрядов отнимало больше времени и сил) и практически полностью связали свою жизнь с шаманизмом.

Некоторые наши собеседники на данный момент в шаманском центре занимаются не только проведением шаманских обрядов, но и просветительской деятельностью: читают лекции по шаманизму для туристов, пишут книги о шаманах, проводят экскурсии, выступают на радио и телевидении.

Несмотря на положительные изменения в жизни в связи с ведением шаманской деятельности, у многих возникало или до сих пор приходит желание отойти от шаманской практики. Такой настрой у многих был вызван большими физическими и эмоциональными нагрузками, которые шаманы испытывают во время проведения обряда. Но несмотря на эти трудности, шаманы не отказались от своей деятельности из-за положительной обратной связи с людьми, ответственности перед родом. («Я тоже хотел бы узнать, почему-то я не отхожу. Что-то сдерживает, конечно, есть люди, которые отходят. Я человек ответственный, мне дали, я получил, меня выбрали, из сотни, можно сказать, родственников, меня одного, а не кого-то другого, это ответственность большая, и я не могу не оправдать их доверие. Это независимо, что я плохо делаю, это вообще не важно, я могу плохо делать, но я должен сидеть на этом месте, пускай плохо будет, пускай квалификация слабенькая будет, но главное – вот эту нишу занять. Важно для онгона, чтобы я был проводником, для них это более важно, чем крутые шаманы»¹².)

¹¹ ПМА. 2021. Бурятия. Л-ев Г. К., 1972 г. р., шаман.

¹² ПМА. 2021. Бурятия. Ж-ев П. А., 1971 г. р., шаман.

Для большинства опрошенных шаманизм стал основой жизни: «Для меня шаманизм – это жизнь, это быт, это уклад мой жизненный»¹³; «Я не верю в это, я этим просто живу и все»¹⁴; «Ну, если мне, например, сейчас скажут: откажись от этого – это невозможно, это как дышать, как кушать, как чай пить. Хоть будет запрет, хоть меня закроют, я все равно буду, привыкла уже, привыкла. Никого не остановить, понимаете? Невозможно это. Даже если меня в четырех стенах закроют, я все равно буду молиться, ну, это как дышать. Это уже заложено, это не зависит, это, как говорится, каждая клетка тела, это все заложено»¹⁵. Некоторым шаманизм дает «личностный рост», «уверенность в будущем»: «Уверенность в себе, уверенность в будущем, очень огромная уверенность. Уверенность, что именно я поклоняюсь своим предкам, двенадцати хатам, тенгрианству, я, получается, для своих»¹⁶.

Выводы

Записанные нами нарративы современных бурятских шаманов являются скорее спонтанными рассуждениями собеседников (в ответ на вопросы исследователя), а не устойчивыми сложившимися рассказами, которые многократно воспроизводились нганасанами для подтверждения истинности своего дара. Тем не менее в автобиографиях современных шаманов организации «Тэнгэри» мы можем наблюдать элементы традиционного шаманского фольклора – нарративы о шаманской болезни и избранничестве. Эти два мотива выступают некоторым идентификатором принадлежности к традиции (функция обоснования истинности шаманского дара). Однако мы можем заметить, что функция «интерпретация психофизиологических состояний» ослаблена в силу становления шамана в другом социокультурном контексте, а описание видений во время «шаманской болезни» либо отсутствует, либо табуировано. В автобиографиях наших респондентов мы выделяем новые мотивы, которые условно назвали «поиск разрешения кризиса», «шаманы советского периода» и «изменение жизни». Эти мотивы можно отнести к элементам новаций, которые дополняют и развивают традиционные сюжеты.

Список литературы

1. Будажапов З. Ц. Культурно-историческая преемственность традиций шаманизма в Агинском бурятском автономном округе (1991–2001) : дис. ... канд. ист. наук : 24.00.01. Улан-Удэ, 2001. 144 с.
2. Дарханова А. И. Шаманизм бурят Предбайкалья в постсоветский период: (социальные функции, традиции и новации) / отв. ред. А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2011. 203 с.
3. Жуковская Н. Л. Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Ч. 1 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 5 (39). С. 97–109.
4. Жуковская Н. Л. Шаманы и шаманки Бурятии: их мистический опыт и мои экспедиционные исследования. Ч. 2 // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2018. № 6 (40). С. 15–22.

¹³ ПМА. 2021. Бурятия. У-ев А. К., 1980 г. р., шаман.

¹⁴ ПМА. 2021. Бурятия. Л-ев Г. К., 1972 г. р., шаман.

¹⁵ ПМА. 2021. Бурятия. П-ина А. С., ок. 1974 г. р., шаманка.

¹⁶ ПМА. 2021. Бурятия. О-ва М. Л., 1973 г. р. шаманка.

5. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции / отв. ред И. А. Асалханов ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Бурят. фил., Бурят. ин-т обществ. наук. Новосибирск : Наука, 1987. 288 с.
6. Харитонова В. И. Феникс из пепла? Сибирский шаманизм на рубеже тысячелетий. М. : ИЭА РАН, 2006. 372 с.
7. Христофорова О. Б. Получение дара: рассказы о шаманском становлении у нганасан // Arbor mundi. 2003. № 10. С. 87–105.
8. Цыденов Э. М. Бурятский шаманизм в постсоветский период: на материале г. Улан-Удэ : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Улан-Удэ, 2013. 153 с.

References

1. Budazhapov Z.TS. *Kulturno-istoricheskaya preemstvennost traditsii shamanizma v aginskom buryatskom avtonomnom okruge (1991-2001)* [Cultural and historical continuity of Shamanism traditions in the Aginsky Buryat Autonomous Okrug (1991-2001)]. Ulan-Ude, 2001, 144 p. (in Russian)
2. Darkhanova A.I. *Shamanizm buryat Predbaikaliya v postsovetitskii period: (sotsial'nye funktsii, traditsii i novatsii)* [Shamanism of the Pre-Baikal Buryats in the post-Soviet period: (social functions, traditions and innovations)]. Ulan-Ude, Buryat State Univ. Publ., 2011, 203 p. (in Russian)
3. Zhukovskaya N.L. Shamany i shamanki Buryatii: ikh misticheskii opyt i moi ehkspeditsionnye issledovaniya. CH. I [Male and female shamans of Buryatia: their mystical experiences and the author's field research. Part one]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS], 2018, no. 5 (39), pp. 97-109. (in Russian)
4. Zhukovskaya N.L. Shamany i shamanki Buryatii: ikh misticheskii opyt i moi ehkspeditsionnye issledovaniya. CH. II [Male and female shamans of Buryatia: their mystical experiences and the author's field research. Part one]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Studies RAS], 2018, no. 6 (40), pp. 15-22. (in Russian)
5. Mikhailov T.M. *Buryatskii shamanizm: istoriya, struktura i sotsialnye funktsii* [Buryat Shamanism: history, structure and social functions], Novosibirsk, 1987, 288 p. (in Russian)
6. Kharitonova V.I. *Feniks iz pepla? Sibirskii shamanizm na rubezhe tysyacheletii* [A Phoenix from the Ashes? (Siberian Shamanism at the Turn of the Millennium)]. Moscow, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology Publ., 2006, 372 p. (in Russian)
7. Khristoforova O.B. Poluchenie dara: rasskazy o shamanskoy stanovlenii u nganasan [Receiving a gift: narration about becoming of nganasan shaman]. *Arbor mundi*, 2003, no.10, pp. 87-105. (in Russian)
8. Tsydenov E.M. *Buryatskii shamanizm v postsovetitskii period: na materiale g. Ulan-Ude* [Buryat shamanism in the post-Soviet period: based on the material of Ulan-Ude]. Ulan-Ude, 2013, 153 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Епихина Екатерина Анатольевна
 ведущий специалист, кафедра
 социальной работы
 Православный Свято-Тихоновский
 гуманитарный университет
 Российская Федерация, 115184, г. Москва,
 ул. Новокузнецкая, 23Б
 e-mail: katena.epikhina@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-0126-7159

Information about the author

Epikhina Ekaterina Anatolyevna
 Leading Specialist, Department of Social Work
 Saint Tikhon's Orthodox University of
 Humanities
 23B, Novokuznetskaya st., Moscow, 115184,
 Russian Federation
 e-mail: katena.epikhina@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-0126-7159

УДК 291

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.128>

Социалистический реализм VS религия

М. А. Щукина*

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Российская Федерация*

Аннотация. На примере соцреалистической литературы исследуется взаимосвязь идеологии, религии и искусства. Решается важная концептуальная задача – уточнения роли религии в советском идеологическом и культурном процессе. В узком смысле рассматриваются различные инструменты соцреализма, верифицируется зависимость литературы от социума и ценностных установок названной эпохи, анализируются статьи именитых культурологов и литературоведов в рамках интересующей темы. Ключевой результат исследования заключается в доказательстве психологической составляющей соцреализма наряду с идеологической и искусствоведческой.

Ключевые слова: религия, идеология, советская литература, социалистический реализм, творческий метод, советология.

Для цитирования: Щукина М. А. Социалистический реализм VS религия // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 128–134. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.128>

Original article

Socialist Realism VS Religion

M. A. Shchukina*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The phenomenon of Soviet literature is a controversial chapter in the Russian history of the 20th century which was dominated by socialist ideology and where relations between the authors and the authorities were regulated by special rules. Thus, the literature of the Soviet period was characterized by its driving ambition to realize its place in time and space. Now experts agree that it integrated various sets of values. Soviet literature was used for educational, ideological, political and other purposes. This article explores the relation between ideology, religion and art using the example of socialist realism literature. The fact that the topic of religion fell by the wayside in the age of scientific atheism and socialist realism is of great interest for religion studies. The author aims to define the role of religion in the Soviet ideological and cultural process. This article examines various instruments of socialist realism, verifies dependence of literature on the society and value systems of the time, as well as analyzes relevant articles of distinguished scholars in culture and literature studies. The main result of this research is proving the existence of psychological component in socialist realism, alongside with the ideological and artistic ones.

Keywords: religion, ideology, Soviet literature, socialist realism, creative method, sovietology.

For citation: Shchukina M. A. Socialist Realism VS Religion. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 128–134. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.128> (in Russian)

Коммунизм – это моя религия.

Александр Твардовский¹

Мы разносчики новой веры.

Владимир Маяковский²

Как известно, советский период в отечественной истории провозгласил концепции нового мира и нового человека, тем самым сузив традиционный круг тем, приемлемых для творчества. Отдельное место среди них заняла тема религии, к которой так любили обращаться русские писатели-классики XIX и первой половины XX в., русские символисты и поэты Серебряного века, русские религиозные философы и последователи «нового религиозного сознания».

«Что такое социалистический реализм? Что означает это странное, режущее ухо сочетание? Разве бывает реализм социалистическим, капиталистическим, христианским, магометанским?...» [15, с. 3] – с иронией вопрошал писатель и критик Абрам Терц в 1988 г. (литературный псевдоним А. Д. Синявского). Именно с его именем связывают развитие «диссидентского движения» в СССР, получившего широкое распространение в результате судебного процесса над ним и Юлием Даниэлем в 1965 г. В действительности история соцреализма (пришедшего на смену критическому реализму) начинается задолго до этих событий, в первой половине XX в.

К вопросу о методологии. С точки зрения литературоведов Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого [10, с. 10], известны два методологических подхода к изучению истории литературы: дескриптивный (дает картину художественного движения через описание литературных явлений, поставленных в хронологический ряд) и так называемая история-процесс (выявляет в хронологическом потоке литературы те тенденции и закономерности, которые характеризуют существо литературы изучаемого времени и определяют направление и динамику художественного развития). Сосредоточимся на последнем подходе, выделяя в качестве основной тенденции творческий метод, характерный для советского времени.

Итак, социалистический реализм – официально признанный в СССР и других социалистических странах художественный метод в литературе и искусстве, который преобладал в 20–50-е гг. XX в. (но раскритикован был лишь в середине 80-х гг.). В качестве принципов, присущих социалистическому реализму, выделяют: утопизм, жизнеутверждающий пафос, верность идеалам социализма, интернационализм и др. [8, с. 173]. К писателям-соцреалистам принято относить В. В. Маяковского, А. Н. Толстого, М. А. Шолохова, А. А. Фадеева, А. Т. Твардовского, Ф. В. Гладкова, В. П. Катаева, Н. А. Островского. Из писателей «второго ряда» это П. Л. Проскурин, Г. М. Марков и др. Как правило, произведения, написанные в лучших традициях социалистического реализма, творили новые «социальные» мифы, несколько приукрашивая действительность.

¹ Померанцев К. Д. Сквозь смерть. Встречи с А. Твардовским и А. Сурковым // Остров-сайт Александра Радашкевича. URL: http://www.radashkevich.info/KD-Pomerancev/KD-Pomerancev_187.html (дата обращения: 19.09.2022).

² Маяковский В. В. Мы идем : каталог стихотворений // Гуманитарный просветительский проект «Культура.РФ». URL: <https://www.culture.ru/poems/20559/my-idyom> (дата обращения: 19.09.2022).

Теория соцреализма берет свое начало с «Основ позитивной эстетики» А. В. Луначарского (1904), где прозвучали следующие идеи: а) искусство ориентируется не на сущее, а на должное; б) творчество впервые становится всеобщим: «Грядет новое, народное искусство, для которого заказчиком явится не богат, а народ...» [12, с. 98]. Само же словосочетание «социалистический реализм» впервые появилось в «Литературной газете» 1932 г. со ссылкой на речь И. М. Гронского: «Основным методом советской литературы является метод социалистического реализма» [14, с. 1], однако на официальном уровне соцреализм был признан лишь в 1934 г. – после публичных докладов литераторов и партийных деятелей на Первом Всесоюзном съезде советских писателей. Именно по этой причине советская литература так прочно ассоциируется с социалистическим реализмом.

Так, М. Горький акцентировал внимание на исключительности метода: «Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого – непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека, ради победы его над силами природы... ради великого счастья жить на земле...» [4, с. 17].

Н. И. Бухарин указал на философско-политические основания соцреализма, а также на его отличие от «буржуазного реализма»: «Философской предпосылкой социалистического реализма является диалектический материализм... социалистический реализм как метод – враг всякой потусторонности, мистики, всякого инобытия идеализма... социалистический реализм антииндивидуалистичен...» [2, с. 500–502].

В свою очередь речь Ф. В. Гладкова отличалась явным антропоцентризмом, провозглашая идею ответственности личности перед историей: «Социалистический реализм по существу своему есть образное познание революционного развития нашей действительности, т. е. действительности в ее напряженной борьбе, в создании новых социалистических ценностей, в познании человека наших дней как творца, как строителя, как героя» [3, с. 149].

Итак, вполне закономерно, что соцреализм получил статус «государственного искусства», поскольку его познавательная сфера ограничивалась и регламентировалась задачей отражать процессы переустройства мира в свете коммунистического идеала и марксистско-ленинской идеологии. В связи с чем исследователи пишут об ангажированности советского искусства и наличии строгой цензуры: «...главный и направляющий метод советской литературы вытеснил все остальное. В этот период никакое другое мировоззрение, кроме государственного, официального, уже открыто не манифестировалось... Государство контролировало не только идеологию, но и формы художественного творчества... Все, что открывало реальное положение, уничтожалось...» [13, с. 7–8].

Современные советологи критикуют социалистический реализм с позиций социального детерминизма, поскольку тенденции развития советской литературы были прописаны в строго заданном направлении. В подобных условиях страдала творческая свобода, назревал конфликт между властью и культурой на предмет соотношения индивидуального и общественного, свободы

слова и подчинения господствующей идее. Преследованиям в то время подверглись будущие диссиденты А. И. Солженицын, И. А. Бродский, Н. Е. Горбаневская и др.

Иначе говоря, отрицалась ценность отдельно взятой человеческой личности: «Господство в XX в. общества над индивидом формирует воспринимающую ориентацию, что ведет к упадку творческой активности, пассивному потреблению человеком достижений культуры» [9, с. 49]. Напомним, что еще Н. А. Бердяев в работе «Социальный кризис культуры» (1932) писал о том, что «массовизация» – следствие разрушения культуры, которая ведет к ее упадку и понижению качества [1, с. 46].

Таким образом, принято считать, что генезис социалистического реализма находится исключительно в интенциях политического и искусствоведческого дискурсов. Несмотря на такую распространенную точку зрения, нельзя не вспомнить, что на девятом заседании Первого Всесоюзного съезда советских писателей с пламенной речью выступил главный идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель Центрального совета «Союза воинствующих безбожников» Е. М. Ярославский: «Происходит крушение религии, этого страшного орудия реакции... И эта гибель богов – где она описана? Где описан распад этой страшной силы... отмирание религии – это величайшее социальное явление эпохи пролетарской революции?..» [17, с. 240]. Как видно из контекста, антирелигиозная политика должна была играть непосредственную роль при создании подобных произведений.

Обратным образом рассуждают современные отечественные исследователи. Некоторые из них, напротив, усматривают истоки социалистического реализма глубоко в психологии и антропологии религии, называя его «превращенным религиозным сознанием» и «советским мифом».

Известный историк сталинской культуры и филолог Е. А. Добренко является автором нескольких книг о соцреализме, а также соредактором международного издания «Соцреалистический канон». В одной из статей он пишет про метафизические предпосылки литературного метода в контексте массовой культуры, функционирующей в XX в.

Исследователь рассматривает тоталитарную культуру как возвращение в мир детства, говоря точнее – в семейно-родовую культуру и в связанный с ней тип религиозного сознания, где человек больше не является целью и смыслом жизни, поскольку над ним довлеют внешние силы: «Тоталитарная культура в ее превращенной ранней религиозности есть культура отцовская, где основная добродетель – послушание. В чистом виде этот фактор накладывается на культ вождя...» [6, с. 39].

Ссылаясь на этнологов Э. Б. Тайлора, С. А. Токарева и цитируя поэта О. Мандельштама, в другой своей работе Е. А. Добренко выделяет общие признаки советской культуры и родо-племенного строя: «...инициация (что особенно видно в мире детского социума – октябрюта, пионеры, клятвы и другие атрибуты), культ тайных союзов, культ вождей, культ племенного бога, матриархально-родовой культ святынь и покровителей, патриархальный се-

мейно-родовой культ предков...» [5, с. 170]. В сущности, исследователь перечисляет все особенности родо-племенных религий, добавляя веру «компенсирующего свойства».

Развивает тему специалист в области теории литературы и методологии гуманитарных исследований И. А. Есаулов. В статье «Соцреализм и религиозное сознание» он пишет, что существует минимальный набор общих аксиологических ориентиров, которые позволяют говорить «о советскости как об определенном духовном феномене XX в.» [7, с. 50], подкрепляя свои рассуждения примерами из произведений В. В. Маяковского, С. М. Городецкого, В. Д. Александровского, А. И. Безыменского и др.

Религиозным шедевром советской эпохи он называет стихотворение Э. Г. Багрицкого «Смерть пионерки» (1932). Филолог последовательно доказывает мысль, что главной доминантой «оригинальной» советской веры (речь идет о научном атеизме) выступает антихристианская направленность: введение нового летоисчисления, создание мифологического пантеона во главе с В. И. Лениным, замена христианских смыслов советскими атрибутами (пр.: Святая Троица – формула «Октябрь – Партия – Ленин», соборность – партия, виффлеемская звезда – красноармейская звезда) и мн. др. Напомним, что еще А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» (1930) писал, что религия невозможна без мифа, а атеизм «есть вид догматического богословия и является предметом истории религии» [11, с. 136]. Есть все основания для того, чтобы согласиться с авторами.

Принимая во внимание вышесказанное, подходим к следующему выводу: социалистический реализм – явление не только двухчастное, но трехчастное: доктрина + художественная практика + духовный феномен. Тенденция к борьбе с религией, которая велась в СССР на государственном уровне, не смогла окончательно искоренить критерий религиозности из массового сознания. При этом соцреалистическая литература умело обыгрывала сакральные образы и различные мифологемы, тем самым давая им вторую жизнь. Нелишним будет вспомнить, что сами основоположники марксизма Ф. Энгельс и К. Маркс, убежденные в том, что с религией как с пережитком старого мира необходимо бороться, были уверены, что при этом ее невозможно запретить на законодательном уровне [16, с. 301].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Социальный кризис культуры // Новый град. 1932. № 3. С. 46–53.
2. Бухарин Н. И. Доклад о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей : стеногр. отчет. М. : ГИХЛ, 1934. С. 479–504.
3. Гладков Ф. В. Заседание шестое // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М. : ГИХЛ, 1934. С. 148–151.
4. Горький М. Доклад о советской литературе // Первый Всесоюзный съезд советских писателей : стенографический отчет. М. : ГИХЛ, 1934. С. 5–19.
5. Добренко Е. А. Ампир во время чумы, или Лавка вневременности (метафизические предпосылки соцреализма) // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 161–172.
6. Добренко Е. А. Соцреализм и мир детства // Соцреалистический канон. СПб. : Академический проект, 2000. С. 31–41.
7. Есаулов И. А. Соцреализм и религиозное сознание // Соцреалистический канон. СПб. : Акад. проект, 2000. С. 49–56.

8. Инджиев А. А. Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. 219 с.
9. Костюрина Н. Ю. Особенности мышления XX века // История литературы. Комсомольск-на-Амуре : КнАГУ, 2012. С. 49–53.
10. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг. Т. 1. М. : Академия, 2003. 413 с.
11. Лосев А. Ф. Миф не есть догмат // Диалектика мифа. М. : Мысль, 2001. 558 с.
12. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики Т. 7 // Собрание сочинений. М. : Худож. лит., 1967. С. 32–101.
13. Нефагина Г. Л. Социокультурная ситуация и литература // Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX века. Минск : Экономпресс, 1998. 231 с.
14. Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков. На собрании актива литкружков Москвы // Литературная газета. 1932. № 23. С. 1.
15. Терц А. Что такое социалистический реализм. Париж : SYNTAXIS, 1988. 64 с.
16. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом / под общей редакцией Д. Рязанова. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 539 с.
17. Ярославский Е. М. Заседание девятое // Первый Всесоюзный съезд советских писателей: стенографический отчет. М. : Худож. лит., 1934. С. 238–240.

References

1. Berdyaev N.A. Sotsialnyy krizis kultury [Social crisis of culture]. *Novyy grad* [New city], 1932, no. 3, pp. 46-53 (in Russian)
2. Bukharin N.I. Doklad o poezii, poetike i zadachakh poeticheskogo tvorchestva v SSSR [Report on poetry, poetics and the tasks of poetic creativity in the USSR]. *Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskiy otchet*. Moscow, GIHL Publ., 1934, pp. 479-504. (in Russian).
3. Gladkov F.V. Zasedanie shestoe [Session six]. *Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskiy otchet*. Moscow, GIHL Publ., 1934, pp. 148-151 (in Russian).
4. Gorkiy M. Doklad o sovetskoy literature [Report on Soviet literature]. *Pervyy Vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskiy otchet*, Moscow, GIHL Publ., 1934, pp. 5-19 (in Russian).
5. Dobrenko E.A. Ampir vo vremya chumy, ili Lavka vnevremennosti (metafizicheskie predposylki sotsrealizma) [Empire during the plague, or the shop of timelessness (metaphysical premises of socialist realism)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modernity], 1992, no. 1, pp. 161-172 (in Russian).
6. Dobrenko E.A. Sotsrealizm i mir detstva [Socialist realism and the world of childhood]. *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist realist canon]. St. Petersburg, Akad. proekt Publ., 2000, pp. 31-41 (in Russian).
7. Esaulov I.A. Sotsrealizm i religioznoe soznanie [Socialist realism and religious consciousness]. *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist realist canon]. St. Petersburg, Akad. proekt Publ., 2000, pp. 49-56 (in Russian).
8. Indzhiev A.A. *Slovar literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010, 219 p. (in Russian)
9. Kostyurina N.U. Osobennosti myshleniya XX veka [Features of thinking of the 20th century]. *Istoriya literatury* [Literary history]. Komsomolsk-on-Amur, KnAGU Publ., 2012, pp. 49-53 (in Russian)
10. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990-e gg.* [Contemporary Russian Literature: 1950–1990s]. Moscow, Akademiya Publ., 2003, vol. 1, 413 p. (in Russian)
11. Losev A.F. Mif ne est dogmat [Myth is not dogma]. *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow, Mysl Publ., 2001, 558 p. (in Russian)
12. Lunacharskiy A.V. Osnovy pozitivnoy estetiki [Fundamentals of Positive Aesthetics]. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 7, pp. 32-101. (in Russian)

13. Nefagina G.L. Sotsiokulturnaya situatsiya i literatura [Sociocultural situation and literature]. *Russkaya proza 1980-1990-h gg.* [Russian prose of the second half of the 80s – early 90s of the twentieth century]. Minsk, Ekonompress Publ., 1998, 231 p. (in Russian)
14. Obespechim vse usloviya tvorcheskoy raboty literaturnykh kruzhkov: Na sobranii aktivna litkruzhkov Moskvy [We will provide all the conditions for the creative work of literary circles]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper], 1932, no. 23, p. 1. (in Russian)
15. Terts A. *Chto takoe sotsialisticheskiy realizm* [What is socialist realism]. Paris, SYNTAXIS Publ., 1988, 64 p. (in Russian)
16. Engel's F. *Anti-Dyuring: perevorot v nauke, proizvedennyy g. Evgeniem Dyuringom* [Anti-Duehring]. Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1928, 539 p. (in Russian)
17. Yaroslavskiy E. M. Zasedanie devyatoe [Ninth session]. *Pervyy Vsesoyuznyy s"ezd sovetskikh pisateley: stenograficheskiy otchet* [First All-Union Congress of Soviet Writers: Verbatim Report]. Moscow, GIHL Publ., 1934, pp. 238-240. (in Russian)

Сведения об авторе

Щукина Мария Алексеевна
 аспирант, кафедра философии религии и
 религиоведения
 Московский государственный университет
 им. М. В. Ломоносова
 Российская Федерация, 119991, г. Москва,
 ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4
 e-mail: masha.filkina.1@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9920-7113

Information about the author

Shchukina Maria Alekseevna
 Postgraduate, Department of Philosophy of
 Religion and Religious Studies Lomonosov
 Moscow State University
 GSP-1, 27-4, Lomonosovskij av., Moscow,
 119991, Russian Federation
 e-mail: masha.filkina.1@mail.ru
 ORCID: 0000-0001-9920-7113

Статья поступила в редакцию **26.09.2022**; одобрена после рецензирования **07.10.2022**; принята к публикации **30.11.2022**
 The article was submitted **September, 26, 2022**; approved after reviewing **October, 07, 2022**; accepted for publication **November, 30, 2022**

УДК 215

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.135>

Феномен медицинской антропологии и его философско-теологические основания

Д. С. Дамте*

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Российский православный университет святого Иоанна Богослова,
г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация. Рассматриваются философско-теологические основания медицинской антропологии Виктора фон Вайцзеккера (1886–1957 гг.). С помощью источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, и исследовательской литературы показывается соотношение представлений Вайцзеккера о человеке, болезни и здоровье и соответствующих философско-теологических представлений. Раскрывается значение идей Вайцзеккера в контексте взаимодействия современных наук о человеке, философии и теологии.

Ключевые слова: Виктор фон Вайцзеккер, медицинская антропология, философская антропология, человек, болезнь, здоровье.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44082 «Болезнь и исцеление в богословско-антропологической перспективе».

Для цитирования: Дамте Д. С. Феномен медицинской антропологии и его философско-теологические основания // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2022. Т. 42. С. 135–141. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.135>

Original article

The Phenomenon of Medical Anthropology and Its Philosophical and Theological Foundations

D. S. Damte*

*Russian Academy National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Moscow, Russian Federation*

Abstract. This paper examines the philosophical and theological foundations of the medical anthropology of Victor von Weizsäcker (1886–1957). Drawing on sources, many of which are being introduced into scholarship for the first time, and research literature, we show the relationship between Weizsäcker's ideas of man as a psychosomatic unity, illness as a life crisis, and health, on which the German thinker's theory is based, and the corresponding philosophical and theological conceptions. We reveal the significance of Weizsäcker's ideas in the context of the interaction of modern human sciences, philosophy and theology.

Keywords: Viktor von Weizsäcker, medical anthropology, philosophical anthropology, man, disease, health.

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44082 “Disease and healing in the theological and anthropological perspective”.

For citation: Damte D. S. The Phenomenon of Medical Anthropology and Its Philosophical and Theological Foundations. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2022, vol. 42, pp. 135-141. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2022.42.135> (in Russian)

Одной из характерных особенностей исследований в современных науках о человеке является их междисциплинарный характер. Широкое распространение все чаще получают подходы, сочетающие в себе результаты работы в рамках отдельных направлений и дисциплин. Благодаря этому обеспечивается большая полнота и целостность представлений о человеке и в конечном счете открывается перспектива преодоления разрыва между естественными и гуманитарными науками [3, с. 19–63]. Поскольку изменения, сопровождающие процессы конвергенции, затрагивают основания наук, возрастает значение более широкого, философского, взгляда на мир и пересматриваются некоторые базовые соотношения, в частности между научным и религиозным пониманием жизни, человека, здоровья и болезни. В этом смысле показательным является развитие медицинской науки начиная с первой половины XX в., когда в ней формируются несколько интегративных моделей: общими для них оказываются признание связей между биологическим, психологическим и социальным началами в человеке, идея многофакторного происхождения болезней и понимание здоровья как относительной характеристики, определяемой в зависимости от обстоятельств жизни и особенностей конкретного человека [1, с. 33–36]. Поворотным моментом в отношениях медицины с другими науками о человеке и с философией и теологией становится интегративная модель, предложенная немецким врачом-физиологом и философом В. фон Вайцеккером.

Исходным пунктом размышлений Вайцеккера были опыт, который он получил в годы Первой мировой войны, и наблюдения 1920–1940-х гг., когда он заведовал неврологическим отделением клиники при Гейдельбергском университете. К этому периоду относится разработка понятия гештальт-круга, которым обозначается взаимосвязь субъективного (психического) и объективного (физического) в человеке. Вайцеккер показывает ее на примере отношения между восприятием и движением: эти процессы не являются параллельными или каузально взаимосвязанными, а представляют собой единое целое, уникальный акт, в котором они взаимно представляют и объясняют друг друга [10, р. 23–26]. Продолжение работы в этом направлении привело Вайцеккера к общему выводу, что в отношениях организма с окружающей средой прослеживается связь и взаимное соответствие и невозможно сказать, что одна из сторон является определяющей. Главная особенность живого заключается в сложном переплетении внутреннего и внешнего, в котором обе составляющие оказывают влияние друг на друга. Развитие живого представляет собой непрерывный ряд изменений, каждое из которых не является следствием влияния со стороны внешнего мира или чем-то независимым от него, но неотъемлемой

частью перемен в нем самом. Жизнь раскрывается как непрерывное переопределение отношений между живым существом и средой [Там же, р. 252], разворачивающееся во времени.

Единство жизни, обнаруживающееся в человеке и во всем живом, согласно Вайцеккеру, не укладывается в рамки объяснительных схем, основанных на разграничении внешних и внутренних процессов, которые получили широкое распространение в науках о человеке в Новое время. Все то, что было отнесено к сфере внутренних, недоступных для наблюдения процессов, считалось вторичным, внимание уделялось преимущественно внешним параметрам. В медицине следствием этого стало понимание болезни (в самом общем виде) как отклонения от нормального состояния, определяющегося по совокупности проявлений, и представление о лечении как серии манипуляций, имеющих своим результатом полное возвращение к норме. Эти взгляды вполне соответствовали критериям точности и наблюдаемости, но на практике приводили к тому, что субъект, человек, оказывался как бы исключенным из терапевтического процесса, а усилия врача были направлены в основном на то, чтобы устранить симптомы болезни. Такой подход был неэффективным, например, при функциональных нарушениях без явных соматических оснований, с которыми имели дело Вайцеккер и его коллеги. Клиническая практика и наблюдения [6], а также последовательная разработка идеи о единстве физического и психического в человеке привели немецкого ученого к новому пониманию болезни и лечения.

В работах 1930-х гг. и в обобщающих сочинениях более позднего времени [11; 13, р. 246–263] Вайцеккер предлагает рассматривать болезнь в контексте биографии человека как кризис, нарушение привычного ритма жизни. Болезнь не случайна, и ее причины не всегда можно открыть путем наблюдений. Во многих случаях истоки проблем лежат в прошлом пациента, в области непознаваемых переживаний, которые поначалу остаются скрытыми от врача, как и от самого нуждающегося в помощи человека. Прошлое – это не ряд некогда случившихся событий, оно затрагивает настоящее человека и его будущее. Столкновение с вызовами, на которые по разным причинам не находится ответа, в дальнейшем может стать исходной точкой кризиса. Тем самым болезнь вписывается в сложную картину человеческой жизни.

По Вайцеккеру, болезнь и связанные с ней страдания, о которых часто забывала медицина прошлого, имеют экзистенциальный смысл. Преодолевая трудности, человек приобретает новый опыт и вместе с тем начинает лучше понимать самого себя. Человеческое существование, неотъемлемыми частями которого являются болезни и страдания, претерпевание и преодоление, открытое миру, ориентированное на будущее и, как следствие, подверженное угрозам, Вайцеккер называет патическим [13, р. 60–86]. Его развитие напоминает движение по спирали. Кризисные точки, болезни, выступают как рубежи: преодолевая их, человек входит в новый этап, который продолжается до тех пор, пока человек снова не столкнется со своими границами. Движение патического существования никогда не останавливается. Человек приходит к относительному равновесию, но быстро теряет его и снова устремляется к

нему. В этом причина беспокойства, неустойчивости, непроясненности человеческого существования [9, р. 19–20].

В практическом плане биографический подход предполагает сбор и анализ максимально подробной информации об образе жизни и окружении пациента, к которой затем добавляются результаты обследований и наблюдений, и на основании этих данных складывается общее представление о болезни. Перед врачом стоит непростая задача: из отдельных жалоб и имеющихся данных он должен вывести нечто общее, показать их смысл, т. е. по сути провести герменевтическую процедуру [6, р. 187–189]. Началом и одной из главных движущих сил процесса лечения является диалог между врачом и пациентом, в котором они участвуют как партнеры. В теории медицины Вайцтеккера врач относится к пациенту не с позиции знатока, дающего рекомендации, но как человек, который, опираясь на полученные сведения, на свои знания и опыт, приходит к пониманию того, что стоит за переживаниями больного, предлагая ему свой взгляд на проблему. В диалоге между врачом и пациентом проявляется неоднозначность конкретной ситуации: это, в свою очередь, помогает преодолеть установку на превосходство первого, ведущего, по отношению ко второму, ведомому, поскольку оба они, обмениваясь информацией и опытом, приобретают новое видение проблемы. Возникает доверительное отношение обеих сторон друг к другу – принципиально важный момент для проекта медицины, ориентированной на человека [13, р. 242–243, 343–345].

В ходе взаимодействия врача и пациента формируется не только определенное видение существующих проблем, но и представление о подходах к их решению, о тех путях, которые могли бы привести к здоровью. В системе Вайцтеккера, основанной на идее о неустойчивости и противоречивости человеческого существования, представление о здоровье меняется: оно выступает не как некий абстрактный показатель, которого в результате лечения должен достичь пациент, но как относительная величина, определяемая исходя из возможностей больного. При этом принимаются во внимание не только физические факторы, но и условия жизни, окружение человека, характер его связей с людьми и т. д. Это особенно важно в сложных случаях, таких как, например, неврозы, психозы, хронические и неизлечимые болезни, различные функциональные нарушения. Анализ таких ситуаций, по Вайцтеккеру, показывает, что лечение не будет иметь эффекта без изменений в отношении человека к самому себе и к окружающим, без осознания им своих целей и формирования у него готовности воплощать их в жизнь [12, р. 68–72]. Болезнь и связанные с ней переживания ставят человека перед проблемами, о которых он ранее не задумывался, побуждают его по-новому взглянуть на свое прошлое и настоящее, благодаря чему становится возможной серьезная внутренняя работа, приводящая к жизненным переменам. Вайцтеккер говорит, что иногда лечение продолжается длительное время, по разным причинам оказывается незавершенным или в принципе незавершимым. Поэтому если врачу удастся удерживать болезненный процесс в определенных границах и придать ему нужное направление, то это можно считать успехом [12, р. 67–68; 13, р. 260–263].

Концепция Вайцеккера была воспринята современными исследователями в области психотерапии, биоэтики, отношений медицины и теологии. Прежде всего они обращают внимание на представление Вайцеккера о взаимосвязи внешнего и внутреннего, физического и психического в человеке, подчеркивая, что оно согласуется с базовыми положениями христианской антропологии о человеке как психосоматическом единстве [4, р. 281, 320, 341; 8, р. 386]. Момент, когда эта взаимосвязь проявляется особенно отчетливо, – болезнь, кризис [2]. Вайцеккер рассматривает кризисы на нескольких уровнях. На самом глубоком из них, подчеркивает С. Эмондтс, жизненные кризисы вписаны в эсхатологическую перспективу, рассматриваются в горизонте кризиса последних времен и Страшного суда [5, р. 46–48]. Вместе с тем, хотя «протестантское происхождение Вайцеккера явно отражается в артикуляции религиозного измерения кризиса, он не придает жизненным кризисам никакого предвосхищающего значения по отношению к кризису последних времен» [Там же, р. 50], по наблюдению С. Эмондтса, отклоняясь в этом от лютеранской традиции.

В кризисных ситуациях проявляется патическое как основание человеческого существа. Страдание, по Вайцеккеру, не является следствием внешних влияний или внутренних факторов, но как глубинная движущая сила, нерв жизни обнаруживается человеком в узловых точках трансформаций, сопровождающих его развитие [10, р. 184]. Страдание и кризисы неискоренимы. Более того, они нужны для того, чтобы человек мог подойти к высшей истине о самом себе: «Необходимо преодолеть все еще сохраняющийся языческий взгляд на болезнь как на нечто злое, чуждое, случайное, как на то, что послано «богом» необходимости или магом случая: вместо этого болезнь должна представляться не чем иным, как «вздохом твари... состоянием творения, необходимым, *лишь* поскольку оно обращено к Богу, мыслится в перспективе Бога, не выводимым ни из мира в целом и ни из какого закона природы. Неверно, что мы *должны* были болеть, чтобы научиться, как и то, что плод дерева познания был *причиной* болезни. На самом деле болезнь есть совершающееся в каждом отдельном случае предложение (*Anerbietung*) познания истины» [цит. по: 5, р. 166].

Страдание – фундаментальная антропологическая характеристика. С одной стороны, это означает, что страдание неустранимо с помощью технических средств [13, р. 40–41]. С другой стороны, признавая это, мы не можем игнорировать проблемы других, сознавая свою солидарность с ними [7, р. 103]. Отсюда Вайцеккер приходит, в частности, к переосмыслению роли врача, показывая его как человека, вовлеченного в ситуацию больного [Там же, р. 113–115], и рассматривая как идеал заботы о человеке евангельский образ Христа – врачавателя тела и души [12, р. 74], и по-новому раскрывает значение социальных факторов и окружения в развитии заболеваний и в процессе лечения.

В сфере практической теологии, подчеркивает У. Костка, значимым является разработанное Вайцеккером понимание здоровья как некоторого индивидуально определяемого оптимума, позволяющего человеку продолжить жизненный путь, в более широком плане – продвигаться в познании себя и

своего назначения и осуществлении высших целей. Задача врача – оказать поддержку больному на конкретном этапе этого пути. Цели терапевтического процесса в соотнесении с жизненными ориентирами предоставляется определить самому пациенту. Тем самым подчеркивается ответственность человека за свою жизнь, самостоятельность, автономию [8, р. 389]. Определяя значение взгляда на болезнь и здоровье как относительные величины, ступени жизни, в контексте проблем теологической этики, У. Костка отмечает, что этот подход противостоит дискриминации людей, не соответствующих общепринятым представлениям о норме здоровья и патологии, в том числе хронически и тяжело больных [8, р. 390].

В целом медицинская антропология Вайцеккера содержит в себе потенциал, важный для дальнейшего развития диалога медицины и богословия, а также в плане взаимодействия между теологами, врачами, людьми, нуждающимися в помощи, и их близкими [8, р. 391; 5, р. 487–488]. обстоятельное изучение подхода Вайцеккера как синтеза глубоких философско-религиозных размышлений и обширных познаний в области естественных наук остается интересной и актуальной исследовательской задачей.

Список литературы

1. *Бройтигам В., Кристиан П., Рад М.* Психосоматическая медицина. М. : ГЭОТАР Медицина, 1999. 376 с.
2. *Лаврентьев А. В.* Философско-медицинский и теологический ракурсы осмысления феномена болезни // *Христианское чтение*. 2022. № 4. С. 167–179.
3. *Медикус Г.* Быть человеком. Преодоление разрыва между науками о теле и науками о душе. М. : Языки славян. культур, 2020. 244 с.
4. *Beck M.* Seele und Krankheit. Psychosomatische Medizin und theologische Anthropologie. Paderborn; München; Wien; Zurich : Schöningh, 2003. 409 p.
5. *Emondts S.* Menschenwerden in Beziehung. Eine religionsphilosophische Untersuchung der medizinischen Anthropologie Viktor von Weizsäcker. Stuttgart : Bad Cannstatt, 1993. 542 p.
6. *Geisthövel A.* Aktenführung und Autorschaft: Ärztliches Schreiben in der Subjektmedizin Viktor von Weizsäckers (1920er bis 1950er Jahre) // *Medizinhistorisches Journal*. 2016. Vol. 51, N 3. P. 180–208.
7. *Köpcke-Duttler A.* Fragile Solidarität. Zu Viktor von Weizsäckers anthropologischer Medizin // *Zeitschrift für philosophische Forschung*. 1983. Vol. 37, N 1. P. 102–119.
8. *Kostka U.* Der Mensch in Krankheit, Heilung und Gesundheit im Spiegel der modernen Medizin. Eine biblische und theologisch-ethische Reflexion. Münster : Lit, 2000. 488 p.
9. *Weizsäcker V. von.* Anonyma. Bern: A. Franke, 1946. 65 p.
10. *Weizsäcker V. von.* Der Gestaltkreis. Theorie der Einheit von Wahrnehmen und Bewegen. Stuttgart: Thieme, 1940. 179 p.
11. *Weizsäcker V. von.* Der kranke Mensch: eine Einführung in die medizinische Anthropologie. Stuttgart: K.F. Koehler Verlag, 1951. 372 p.
12. *Weizsäcker V. von.* Menschenführung. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 84 p.
13. *Weizsäcker V. von.* Pathosophie. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1956. 405 p.

References

1. Bräutigam W., Christian P., Rad M. *Psichosomaticheskaya medicina* [Psychosomatic Medicine]. Moscow, GEOTAR Medicina Publ., 1999, 376 p. (in Russian)
2. Medicus G. *Byt chelovekom. Preodolenie razryva mezhdu naukami o tele i naukami o dushe* [Being Human: Bridging the Gap between the Sciences of Body and Mind]. Moscow, Jazyki slavyanskikh kultur Publ., 2020, 244 p. (in Russian)

3. Lavrentiev A.V. Filosofsko-medicinskij i teologicheskij rakursy osmyslenija fenomena bolezni [Philosophical-Medical and Theological Perspectives of Understanding the Phenomenon of Disease]. *Scientific Journal Saint Petersburg Theological Academy Russian Orthodox Church*, 2022, no. 4, pp. 167-179. (in Russian)
4. Beck M. *Seele und Krankheit. Psychosomatische Medizin und theologische Anthropologie*. Paderborn; München; Wien; Zurich, Schöningh, 2003, 409 p.
5. Emondts S. *Menschenwerden in Beziehung. Eine religionsphilosophische Untersuchung der medizinischen Anthropologie Viktor von Weizsäcker*. Stuttgart, Bad Cannstatt, 1993, 542 p.
6. Geisthövel A. Aktenführung und Autorschaft: Ärztliches Schreiben in der Subjektmedizin Viktor von Weizsäckers (1920er bis 1950er Jahre). *Medizinhistorisches Journal*, 2016, vol. 51, no. 3, pp. 180-208.
7. Köpcke-Duttler A. Fragile Solidarität. Zu Viktor von Weizsäckers anthropologischer Medizin. *Zeitschrift für philosophische Forschung*, 1983, vol. 37, no. 1, pp. 102-119.
8. Kostka U. *Der Mensch in Krankheit, Heilung und Gesundheit im Spiegel der modernen Medizin. Eine biblische und theologisch-ethische Reflexion*. Münster, Lit, 2000, 488 p.
9. Weizsäcker V. von. *Anonyma*. Bern, A. Franke, 1946, 65 p.
10. Weizsäcker V. von. *Der Gestaltkreis. Theorie der Einheit von Wahrnehmen und Bewegen*. Stuttgart, Thieme, 1940, 179 p.
11. Weizsäcker V. von. *Der kranke Mensch: eine Einführung in die medizinische Anthropologie*. Stuttgart, K.F. Koehler Verlag, 1951, 372 p.
12. Weizsäcker V. von. *Menschenführung*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964, 84 p.
13. Weizsäcker V. von. *Pathosophie*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1956, 405 p.

Сведения об авторе

Дамте Давид Соломонович
 кандидат философских наук,
 редактор издательского дома «Дело»
 Российская академия народного хозяйства
 и государственной службы при Президенте
 Российской Федерации
 Российская Федерация, 119571, г. Москва,
 проспект Вернадского, 82
 доцент, кафедра теологии и религиоведения
 Российский православный университет
 святого Иоанна Богослова
 Российская Федерация, 109012, г. Москва,
 Новая площадь, 12, стр. 3
 e-mail: damte_d@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-9480-694X

Information about the author

Damte David Solomonovich
 Candidate of Sciences (Philosophy),
 Editor of the Publishing house "Delo"
 Russian Academy National Economy
 and Public Administration
 82, Vernadskiy av., Moscow, 119571,
 Russian Federation
 Associate Professor, Department
 of Theology and Religious Studies
 Russian Orthodox University of Saint John
 the Divine
 12, bldg 3, Novaya Ploschad, Moscow,
 109012, Russian Federation
 e-mail: damte_d@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-9480-694X

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ, ПУБЛИКАЦИОННАЯ ЭТИКА,
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ, ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ, АРХИВ
РАЗМЕЩЕНЫ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА
[HTTP://IZVESTIAPOLIT.ISU.RU/RU](http://izvestiapolit.isu.ru/ru)**

Серия открыта для дискуссионных материалов,
поэтому ее содержание не обязательно отражает точку зрения редакционной
коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных
фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных,
географических названий и иных сведений, а также за использование данных,
не предназначенных для открытой печати.

Научное издание

**ИЗВЕСТИЯ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ «ПОЛИТОЛОГИЯ. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ»**

2022
Том (№) 42 (49)

Редактор *В. В. Попова*

Адрес издателя

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1
ФГБОУ ВО «ИГУ»
тел.: +7(3952) 52-19-00, факс: +7(3952) 24-22-38
e-mail: rector@isu.ru, <http://www.isu.ru>

Дата выхода в свет 19.12.2022. Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 8,9. Тираж 500 экз. Цена 200 руб. Заказ 158

Адрес типографии Издательства ИГУ

664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
тел.: +7(3952) 53-18-53; e-mail: izdat@lawinstitut.ru